

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

На правах рукописи

Го Жунжун

Го Жунжун

**Символическое осмысление растений в русском и китайском языковом
сознании**

5.9.8 – Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

Карасик Владимир Ильич

доктор филологических наук, профессор

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5-9
ГЛАВА 1. РАСТЕНИЕ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ	10-62
1.1. Обиходные и научные знания о растениях.....	11-27
1.1.1. Эстетическое осмысление растений в России и Китае.....	11-15
1.1.2. Утилитарное осмысление растений в России и Китае.....	15-23
1.1.3. Научные знания по ботанике.....	23-27
1.2. Символ как предмет лингвокультурного анализа.....	27-45
1.2.2. Символ и его классификации в лингвокультуре.....	28-34
1.2.3. Главные признаки лингвокультурного символа.....	34-45
1.3. Растительные символы в русской и китайской лингвокультурах.....	45-61
1.3.1. Растительные символы в русской лингвокультуре.....	46-53
1.3.2. Растительные символы в китайской лингвокультуре.....	53-61
Выводы по главе 1.....	61-62
ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ СИМВОЛИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ РАСТЕНИЙ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ	63-149
2.1. Методика отбора фразеологизмов и паремий и принципы их классификации.....	63-68
2.2. Классификация русских и китайских фразеологизмов и паремий с растительными компонентами, отражающих человеческие характеристики..	69-127
2.2.1. Физические характеристики человека, отражённые в русских и китайских фразеологизмах и паремий с растительными компонентами.....	69-78
2.2.1.1. Внешний облик.....	69-72

2.2.1.2. Физическое состояние.....	72-77
2.2.1.3. Походка и манеры.....	77-78
2.2.2. Социальные характеристики человека, отражённые в русских и китайских фразеологизмах и поговорках с растительными компонентами.....	78-98
2.2.2.1. Семейные отношения.....	78-83
2.2.2.2. Жизненные условия.....	83-86
2.2.2.3. Социальный статус и отношения.....	86-92
2.2.2.4. Социальное поведение.....	92-98
2.2.3. Эмоционально-оценочные характеристики человека, отражённые в русских и китайских фразеологизмах и поговорках с растительными компонентами....	99-111
2.2.3.1. Положительные эмоции и оценки.....	99-105
2.2.3.2. Отрицательные эмоции и оценки.....	105-111
2.2.4. Интеллектуальные характеристики человека, отражённые в русских и китайских фразеологизмах и поговорках с растительными компонентами.....	111-120
2.2.4.1. Умственная деятельность.....	111-114
2.2.4.2. Речевая деятельность.....	115-117
2.2.4.3. Опыт и знания.....	117-120
2.2.5. Моральные характеристики человека, отражённые в русских и китайских фразеологизмах и поговорках с растительными компонентами.....	120-127
2.2.5.1. Положительные моральные качества.....	120-123
2.2.5.2. Отрицательные моральные качества.....	123-127

2.3. Типологические особенности символического осмысления растений в русском и китайском языковом сознании.....	127-148
2.3.1. Семантический анализ фразеологизмов и паремий с растительными компонентами в русском и китайском языках.....	127-130
2.3.2. Продуктивность растительных компонентов в русских и китайских фразеологизмах и паремиях.....	131-140
2.3.3. Сопоставление символического осмысления растений в русском и китайском языках на примере фразеологизмов и паремий.....	141-148
Выводы по главе 2.....	148-149
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	150-153
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	154-177
ПРИЛОЖЕНИЕ А. РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ПАРЕМИИ С РАСТИТЕЛЬНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ, ОТРАЖАЮЩИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	178-222
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. КИТАЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ПАРЕМИИ С РАСТИТЕЛЬНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ, ОТРАЖАЮЩИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	223-302
ПРИЛОЖЕНИЕ В. СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ РАСТЕНИЙ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ ...	303-306
ПРИЛОЖЕНИЕ Г. СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ РАСТЕНИЙ В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ ...	307-310

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа выполнена в рамках лингвокультурологии и посвящена рассмотрению растительных символов в русской и китайской лингвокультурах.

Актуальность исследования обусловлена следующими факторами. Во-первых, сопоставительные лингвокультурологические исследования являются одним из наиболее активно развивающихся направлений современной антропологической лингвистики, вместе с тем символизация определённых объектов ещё недостаточно представлена в таких работах. Во-вторых, растения составляют важную часть картины мира, при этом сопоставительное освещение символизации растений в русском и китайском языковом сознании требует дальнейшего изучения. В-третьих, понимание лингвокультурной специфики растительных символов будет способствовать оптимизации межкультурной коммуникации между носителями русского и китайского языков.

Объектом исследования является лингвокультурное осмысление растений в русском и китайском языковом сознании.

Предметом изучения выступают символические характеристики растительных образов в сопоставляемых лингвокультурах.

Цель исследования – характеристика растительных символов в русском и китайском языковом сознании.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) определить признаки растения как лингвокультурного концепта;
- 2) провести инвентаризацию фразеологических и паремиологических единиц, обозначающих растения в русском и китайском языках;
- 3) построить классификацию соответствующих фразеологических и паремиологических единиц;
- 4) установить переносные признаки этих единиц, используемых для характеристики человека;

5) выявить национально-культурную специфику растительных символов в русском и китайском языковом сознании.

Материалом исследования являются русские и китайские фразеологические единицы (далее – ФЕ) и паремиологические единицы (далее – ПЕ) с растительными значениями, которые отражают человеческие характеристики. Было проанализировано 20 русских и китайских словарей фразеологизмов и паремий в качестве источников данных, и из них были отобраны ФЕ и ПЕ, содержащие фитонимы и отражающие человеческие характеристики, которые послужили материалом для нашего исследования. Посредством сплошной выборки были отобраны 1766 ФЕ и ПЕ, при этом 744 русские и 1022 китайские. При анализе растительных символов также использованы данные толковых и этнолингвистических словарей русского и китайского языков.

В настоящей работе использованы следующие **методы исследования**: семантический и интерпретативный анализ, а также элементы количественного анализа и интроспекция.

Теоретической основой выполненной работы являются следующие положения, доказанные в трудах лингвистов: о связи языка и культуры (Арутюнова, 1998; Воробьев, 2006; Гумбольдт, 1984; Маслова, 2001; Сепир, 1993), о сущности лингвокультурного концепта (Воркачѳв, 2021; Карасик, 1996; Красных, 2003; Степанов, 1997; Телия, 1996; Чулкина, 2005), о характеристиках лингвокультурного символа (Лосев, 1991, 1995; Лотман, 1992; Пирс, 1968; Соссюр, 1999; Шелестюк, 1998), о специфике фразеологического и паремиологического фонда языка (Абакумова, 2010; Алефиренко, Семененко, 2009; Виноградов, 1947; Жуков, 1986; Кунин, 2005; Мокиенко, 1980; Огольцева, 2014; Ожегов, 2019; Шанский, 1996).

Степень научной разработанности темы исследования. В русской лингвистике используется ряд терминов для обозначения фитонимической лексики (Апресян, 1993; Гребнева, 1984; Евгеньева, 1999; Куликова, 2006; Маслова, Пименова, 2016; Пуцилева, 2008; Саввина, 2009; Суперанская, 1973; Шанский, Боброва, 1994; Шумбасова, 2011). Растительные символы и метафоры

рассматриваются в русской лингвокультуре (Агапкина, 2019; Гольский, 2010; Дьяченко, 2010; Камаль, 2011; Колосова, 2009; Пак, 2006; Огольцева, 2023), а также в рамках различных языковых картин мира (Борисова, 2014; Исрафилова, 2012; Мусаева, 2005; Нань Яньхуа, 2022; Сетаров, 2000; Сунь Юйно, 2023).

В Китае кандидатские диссертации посвящены изучению растительных образов и метафор в китайском языке и китайской культуре (Ван Ин, 2012; Ван Линъюнь, 2017; Дин Янь, 2020; Ли Ли, 2005; Цзя Цзюнь, 2011; Ши Жуньхун, 2017), также сравнительным исследованиям растительных символов и метафор в английском, вьетнамском языках на основе китайского языка (Чэнь Инжун, 2012; Чэнь Хуэй, 2012; Vo Thimai Ноа, 2014). Обнаружены магистерские работы, монографии и статьи, посвящённые анализу растений в русском и китайском языках, с акцентом на такие аспекты, как номинация растений (Бао Цзяжуй, 2020; Ли Кунь, 2012; Ли Ваньцзюнь, 2016), растительные символы и метафоры (Лю Гуанчжунь, Хуан Сухуа, 2001; Надя, 2013; У Гохуа, 2003), культурная коннотация растений (Суй Чжэнь, 2016).

Гипотеза исследования. Сравнительный анализ русских и китайских фразеологизмов и паремий с компонентами-фитонимами, отражающих человеческие характеристики, позволяет выявить общие и специфические черты национально-культурной символизации в русском и китайском языковом сознании.

Научная новизна исследования. В настоящей работе впервые проводится системное сопоставительное исследование символического осмысления растительного мира в языковом сознании русского и китайского народов. Предложена классификация русских и китайских ФЕ и ПЕ с растительными компонентами, отражающих человеческие характеристики, выявлена специфика осмысления растительных символов в русской и китайской лингвокультурах.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие лингвокультурологии и фразеологии, характеризуя важную тематическую область языковой картины мира и уточняя специфику символизации в русском и китайском языковом сознании.

Материалы и результаты исследования могут найти **практическое применение** в процессе преподавания курсов лингвокультурологии, лексикологии и стилистики. Они также могут быть применены в переводоведении, при составлении русско-китайских фразеологических и паремиологических словарей.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Растение как лингвокультурный концепт имеет следующие характеристики: в понятийном аспекте это вегетативные признаки живой природы в виде деревьев, травы и других растительных организмов; в образном аспекте это конкретные описания соответствующих растений и их метафорическое переосмысление; в ценностном аспекте это эстетические и утилитарные признаки растений и моральное переосмысление таких признаков для характеристики людей.

2. Символизация растений для характеристики человеческих качеств реализуется в таких основных направлениях, как физические, социальные, эмоционально-оценочные, интеллектуальные и моральные характеристики людей. Каждое из этих направлений уточняется следующим образом: физические качества – внешний облик, состояние, походка и манеры; социальные качества – семейные отношения, жизненные условия, социальный статус, социальное поведение; эмоционально-оценочные характеристики – положительные и отрицательные эмоции и оценки; интеллектуальные характеристики – ум, речь, опыт и знания; моральные характеристики – положительные и отрицательные моральные качества.

3. Переносный смысл образных и ценностных признаков растений обусловлен сравнением жизненной силы и красоты природных объектов с желательными и должными качествами людей, а также практикой использования тех или иных растений в повседневной жизни и специальных ритуалах.

4. Символическое осмысление растений в русском и китайском языковом сознании имеет много общего. Основные различия в растительных символах в русской и китайской лингвокультурах сводятся к следующему: 1) осмысливаются конкретные виды растений, характерные для каждой из лингвокультур; 2) в китайской лингвокультуре больше символов, связанных со словами «дерево» и

«цветок», чем в русском языковом сознании; 3) отмечены лакунарные растительные образы, которые есть только в одной из лингвокультур; 4) для китайской культуры особую значимость имеет омофония, в частности при обозначении растений и тех или иных феноменов; 5) фразеологизмы и паремии с компонентами-фитонимами наделены коннотативной оценочной окраской, причем в русском языке преобладают негативные оценки, тогда как в китайском данная тенденция выражена не явно.

Апробация научно-квалификационной работы. Основные результаты исследования отражены в 7 публикациях общим объёмом 2,96 п.л., в том числе 3 статьи в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации. Результаты исследования были представлены на конференциях различного уровня: II Международная научно-практическая конференция «Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов» (26-28 апреля 2022 г., Томск), XXIII Кирилло-Мефодиевские чтения «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» (24-25 мая 2022 г., Москва), II Международная научно-практическая конференция «Социально-педагогические инновации в образовании» (15-16 апреля 2023 г., Армения, Иджеван), XXIV Кирилло-Мефодиевские чтения «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» (24 мая 2023 г., Москва).

Структура научно-квалификационной работы определяется поставленной целью и задачами и включает в себя введение, две главы, заключение, список литературы и четыре приложения.

ГЛАВА 1. РАСТЕНИЕ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ

Вопрос о взаимосвязи языка и культуры впервые был поставлен немецким лингвистом В. фон Гумбольдтом. По мнению учёного, язык – это «народный дух», и культура являет себя прежде всего в языке. Язык – это фиксированный взгляд культуры на мироздание и самое себя [Гумбольдт, 1984]. Позднее это направление было развито в рамках гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа, согласно которой восприятие мира обусловлено спецификой конкретного языка: «Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» [Сепир, 1993, с. 17]. Н.Д. Арутюнова определяет язык как «стихийно возникшую в человеческом обществе и развивающуюся систему дискретных (членораздельных) звуковых знаков, служащую для целей коммуникации и способная выразить всю совокупность знаний и представлений человека о мире» [Арутюнова, 1998, с. 410].

Лингвокультурология, согласно В.В. Воробьёву, представляет собой комплексную научную дисциплину синтезирующего типа, изучающую взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка [Воробьёв, 2006, с. 36]. Аналогичную позицию выражает и В.А. Маслова: «Лингвокультурология – это наука, возникающая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Маслова, 2001, с. 9].

Согласно В.В. Красных, лингвокультура рассматривается как культура, «воплощённая и закреплённая в знаках языка и через язык» [Красных, 2012, с. 72]. Язык и культура представляют собой две знаково-символические системы, знаки которых находятся в тесной взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодействии. Знаками языка считаются морфемы, слова, словосочетания или предложения. В роли знаков культуры выступают обряды, ритуалы, эталоны, символы, которые также находят языковое выражение и кодируются языковыми знаками [там же].

1.1. Обиходные и научные знания о растениях

Растения являются неотъемлемой частью окружающего мира, который невозможно представить без них. Их значение в природе и жизни человека велико и многообразно: растения выступают источником кислорода, пищи и корма для животных, служат сырьём для различных отраслей хозяйственной деятельности, а также широко используются в медицине. Следовательно, растительный мир непосредственно влияет на жизнедеятельность человека и функционирование различных сфер человеческой деятельности.

Кроме того, растительный мир является важным источником эстетического вдохновения. Растения оказывают влияние на формирование эстетического сознания, способствуют развитию наблюдательности и воображения, способствуют воспитанию духовных и моральных качеств человека, помогают формировать способность замечать и ценить многообразие и красоту окружающей среды.

1.1.1. Эстетическое осмысление растений в России и Китае

Эстетика (от древнегреческого «*αἴσθησις*» – «чувство, чувственное восприятие») – это философское учение о сущности и формах прекрасного в художественном творчестве, в природе и в жизни, об искусстве как особом виде общественной идеологии [Ожегов, 2019, с. 402]. Исследования в этой области охватывают восприятие объектов с точки зрения их привлекательности или отталкивающих характеристик, а также изучают, как люди оценивают искусство и какие эмоциональные реакции оно вызывает.

А.Ф. Лосев подчёркивал, что практически каждая область общественной жизни может стать источником эстетики, которая впитывает и концентрирует специфику любой социально-исторической конкретики [Лосев, 1988]. В связи с этим эстетика включает в себя комплексный анализ как культурных, так и

природных феноменов, учитывая их влияние на формирование человеческого восприятия красоты и духовных ценностей.

В.А. Сухомлинский утверждал, что восприятие природы не только обогащает внутренний мир человека, но и способствует его нравственному и эстетическому развитию: «Природа является источником добра, её красота влияет на духовный мир человека только тогда, когда юное сердце облагораживается высшей человеческой красотой – добром, правдой, человечностью, сочувствием, непримиримостью ко злу... Притупление чувства человеческого достоинства ведёт к тому, что человек не видит красоты природы» [Сухомлинский, 1979].

Изучение символического осмысления растений в русской и китайской культурах охватывает такие области, как музыка, живопись, ювелирное искусство, текстильный дизайн и поэзия, отражая эстетическое восприятие растительного мира.

Растительные мотивы в музыке. Растительные символы играют значительную роль в музыкальной культуре обоих народов. Например, русская народная песня «Берёзы», часто исполняемая на различных культурных мероприятиях, воспеваает красоту берёзы, отражая глубокую эмоциональную связь русских людей с родной природой. Данное произведение передаёт чувство ностальгии и привязанности к родной земле. А песня «Ландыши», наполненная образами весны и возрождения, символизирует чистоту и новое начало, что характерно для русской символики растений.

В китайской музыкальной традиции популярна песня «Жасмин», восхваляющая красоту и тонкий аромат жасмина, который является символом чистоты и стремления к прекрасному. Орхидея, ценящаяся в китайской культуре за её красоту и изысканность, становится объектом любви и заботы в песне «Орхидея», где ожидание её цветения символизирует надежду и ценность жизни.

Растительные мотивы в живописи. Русские живописцы Иван Шишкин и Архип Куинджи известны своими реалистичными изображениями российских ландшафтов, где растительный мир играет ключевую роль в передаче красоты

природы. Шишкин, например, известен своими подробными изображениями лесов и полей, где он тщательно прорисовывает каждое дерево и куст, что позволяет зрителю ощутить насыщенность русского природного пространства. Эти произведения не только демонстрируют флору, но и способствуют восприятию уникальной атмосферы местности.

В китайской живописи растения обладают глубокой символикой, выражая философские идеи и нравственные ценности. Так, в картине Чжэн Баньцяо «Чернильная бамбуковая схема» образ бамбука воплощает стойкость и гибкость характера. Слива-мэй, в свою очередь, олицетворяет возобновление и начало нового, что иллюстрируется в произведении «Четыре сливы» художника Ян Вуцзюя из династии Южная Сун, где представлены разные стадии цветения: от начала распускания бутонов до полного расцвета и увядания. Эти растительные образы широко используются в китайской живописи для передачи глубоких философских и эстетических идей.

Растительные мотивы в ювелирном искусстве. Растительные образы, особенно цветочные мотивы, неизменно служат источником вдохновения для ювелиров и воплощаются в авторских коллекциях известных ювелирных брендов, например, «1.5» от Chanel, «Hortensia» от Chaumet и «Dior à Versailles Côté Jardins» от Dior. Большинство ведущих ювелирных брендов стремится ассоциировать себя с определённым цветком, который становится их символом. Например, камелия у Chanel, гортензия у Chaumet, роза у Dior, а также цветы из бумаги «Paper Flowers» от Tiffany&Co.

Растительные мотивы в текстильном дизайне. Флористические мотивы играют важную роль в дизайне одежды, и цветочные мотивы пользуются заслуженной популярностью и любовью среди дизайнеров. Ведущие модные дома часто обращаются к цветочным мотивам для вдохновения. В костюмах могут присутствовать элементы, полностью воспроизводящие образ цветка, включая его форму, лепестки, а также детали в виде вышивок и нашивок, реалистичных и

стилизованных принтов. Тема цветов рассматривается как неисчерпаемое богатство природы, непрерывно вдохновляющее мир искусства.

Растительные мотивы в поэзии. Изображения природы и растений не только создают фон, но и выступают как активные элементы лирического повествования, помогая передать глубину чувств и размышлений поэта. В поэзии Сергея Есенина образы растений демонстрируют их разнообразие и богатство, что находит отражение в частом упоминании свыше двадцати видов деревьев, включая березу, иву, черёмуху и липу, а также свыше двадцати видов цветов, среди которых роза, мак, ландыш, маргаритки, ромашка, василёк, колокольчик, кашка и левкой. В его творчестве растения часто символизируют русскую деревню, землю и душу народа. Примером может служить стихотворение «Берёза», где берёза предстаёт символом России, простоты и красоты русской природы: «Белая **берёза** / Под моим окном / Принакрылась снегом, / Точно серебром».

«Ши цзин» («Книга песен и гимнов») представляет собой древнейший сборник китайской поэзии, который является важным памятником культуры и литературы. В этом сборнике упомянуты всего 144 названия растений, которые используются не только для создания живописных образов, но и служат для выражения социальных, моральных и эмоциональных тем [王娜, 2022, с. 10]. В Китае персик, символизирующий невесту, впервые упоминается именно в этой книге: «Персик прекрасен и нежен весной / Ярко сверкают, сверкают цветы / Девушка, в дом ты ступаешь женой / Дом убираешь и горницу ты» [Ши цзин, 1987, с. 27].

Помимо персика шелковица также используется для описания семейной жизни и брака. В одном из циклов «Ши цзин» описывается, как женщины ухаживают за шелковопрядами, что ассоциируется с домашним очагом и заботой о семье. Тростник иногда выступает в качестве символа одиночества и печали, особенно в контексте разлуки. Рис олицетворяет плодородие и процветание, часто упоминается в связи с урожаем и благополучием государства. Кроме того, в стихотворении Чжоу Дунъи «О любви к лотосу» лотос, растущий из грязи и

сохраняющий свою чистоту и красоту, становится символом идеальной нравственности и духовной чистоты.

1.1.2. Утилитарное осмысление растений в России и Китае

Разнообразие растений находит широкое применение в различных сферах человеческой деятельности благодаря своим утилитарным свойствам. Термин «утилитаризм» происходит от латинского слова «*utilitas*», обозначающего «польза, выгода, благо» [Словарь иностранных слов, 1989]. Утилитарность – «стремление искать во всём прямую и вещественную пользу» [Даль, 1863]. Утилитарное свойство растений представляет собой подход, при котором растения оцениваются с точки зрения их практической пользы и функционального значения для человека и общества.

Подобный подход позволяет классифицировать растения на группы, такие как пищевые, лекарственные, медоносные, кормовые, декоративные и другие, в зависимости от их полезных свойств и функций. Далее анализируем несколько аспектов утилитарного использования растений в России и Китае.

Растения в пищевой культуре. Л.Г. Степанова отмечает, что «традиционно в русской кухне в приоритете были простые хлебные и мучные изделия, зерновые блюда» [Степанова, 2014]. На Руси основными зерновыми культурами традиционно были пшеница, рожь, ячмень, просо и овёс. «На Руси зерновые культуры означали саму жизнь, не случайно древнее их название “жито”, а их урожай называется “жатвой”. В силу климатических условий, а может и вкусовых пристрастий, самое большое распространение в нашей стране получила рожь в виде муки, именно ржаной хлеб именовался всегда просто хлебом» [Павловская, 2013]. Хлебом на Руси назывался именно ржаной хлеб, что утверждает незаменимое место ржи в русской пищевой культуре. Об этом также свидетельствуют пословицы «*ржаной хлеб всему голова*», «*гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной*».

Поговорка *«щи да каша – пища наша»* глубоко укоренилась в русской культуре и отражает основы традиционного питания русского народа. Другая пословица *«без **капусты** щи не густы»* указывает на необходимость капусты в русской кухне. Существует поверье о защитной силе капусты от болезней, что отражено в выражении *«хлеб да **капуста** лихого не попустят»*.

Картофель в русской кухне называют вторым хлебом, хотя он был ввезён в Россию лишь в XVIII веке, сейчас является одним из основных и неотъемлемых продуктов в русской кулинарии. Это подтверждается пословицей *«**картошка** да каша – еда наша»*. В России разнообразие сортов картофеля и блюд из него велико, что отражается в таких устойчивых выражениях, как *«красная **роза**»*, *«земляное **яблоко**»*, *«**картошка** в мундире»*, *«**картошка** в тулупах»*, *«**картошка** в шинелях»*.

Кроме того, свекла, хрен, редька и другие плоды различных растений являются частью традиционной русской кухни. В устойчивых сочетаниях с этими наименованиями отражается не только пищевая культура, но и жизненные условия, человеческие качества и даже ценностные установки, например, *«без **свеклы** борща не ищи»*, *«как горькая **редька**»*, *«**девятый хрен** без соли доедает»*.

Китайская пословица гласит: *«Народ считает пищу своим небом»*, подчёркивая, что пища является самым основным и важным материальным условием для жизни и существования людей. Растения, как основной жизненный ресурс, играют ключевую роль в пищевой культуре, будучи не только важным сырьём для приготовления различных блюд, но и обладая богатым символическим значением в пищевых мероприятиях.

Китайские пищевые термины, связанные с растениями, несут важную культурную информацию, отражающую традиции питания, вкусовые предпочтения и мировоззрение китайского народа. В китайском языке злаки часто обозначаются обобщённым термином «зерно», и выражение «пять зёрен» включает рис, чумизу, бобы, пшеницу и просо, которые с древности считаются важными зерновыми культурами. Идиома 五谷丰登 [wǔ gǔ fēng dēng] (букв. «пять злаков приносят богатый урожай») используется для описания хорошего урожая и

отражает стремление китайцев к достатку продовольствия. Значимость злаков в повседневной жизни подчёркивается и в поговорке *四体不勤，五谷不分* [sì tǐ bù qín, wǔ gǔ bù fēn] (букв. «четыре конечности не трудолюбивы, не различает пяти злаков»), обр. «не способен к труду и не различает пять злаков»), которая описывает человека, не способного к труду и дал кого от практических знаний.

Второстепенные продукты питания в Китае включают овощи, мясо, рыбу, приправы и фрукты, ассортимент которых богаче основного рациона. В медицинском трактате «Бэньцао ганму» («Компендиум лекарственных веществ»)¹ династии Мин Ли Шицзэнь собрал сведения о 105 видах съедобных травянистых растений, что демонстрирует разнообразие овощных культур того времени [丁艳, 2020, с. 176]. Известны также китайские пословицы, такие как *萝卜白菜，各有所爱* [luó bo bái cài, gè yǒu suǒ ài] (букв. «кто-то любит редьку, кто-то любит капусту»), *姜是老的辣* [jiāng shì lǎo de là] (букв. «старый имбирь острее на вкус»), *百菜不如白菜* [bǎi cài bù rú bái cài] (букв. «сто овощей не сравнятся с капустой»). Они отражают не только доминирование растительной пищи в китайском рационе, но и философию питания, основанную на балансе и разнообразии.

Растения в праздничных традициях. Растительный код занимает значимое место в праздничных и ритуальных событиях, таких как свадьбы, похороны и другие торжества. В свадебных традициях России широко используются розы, тюльпаны и лилии в букетах и украшениях. В некоторых регионах России распространено использование берёзы в обрядах сватовства и на свадьбах, поскольку она выступает символом женского начала. Берёза противопоставляется дубу (реже другим деревьям) как символу мужского начала. Например, в русских обрядовых приговорах при сватовстве дуб и берёза олицетворяли жениха и невесту:

1 «Бэньцао ганму» («Компендиум лекарственных веществ») – классический медицинский справочник, написанный китайским учёным Ли Шичжэнем. Произведение описывает свойства и применение более 1800 лекарственных субстанций, включая растения, животные и минералы, а также включает около 12 тысяч рецептов, применявшихся в традиционной китайской медицине.

«у тебя, примерно, есть берёза, а у нас дуб. Не стали бы их вместе случать?» [Толстой, 1995, с. 156].

Яблоня, связанная с цветением и плодородием, также активно применяется в свадебных обрядах. С одной стороны, яблоня имеет девичью символику, например, «в Вологодской области едущему сватать желали: «Яблоня в сани», где слово яблоня просто означало невесту» [Черепанова, 1994, с. 105]. С другой стороны, «яблоня связана с обрядом, в частности, с предсказанием успешного брака. В свадебном причитании невеста смотрит, куда улетит её “воля-красота”, и в итоге отдельные деревья получают разный аксиологический статус, сообразно с которым и складывается поэтический сюжет. Если “воля-красота” садится на осину или березу, это означает, что замужняя жизнь девушки будет неудачной; если же “воля-красота” садится на яблоню, то это предвещает девушке счастливый брак» [Агапкина, 2019, с. 358].

В христианской традиции важное место занимает верба, особенно в праздновании Вербного воскресенья. Согласно евангельским текстам, в этот день Иисус Христос торжественно въехал в Иерусалим, где его встречали толпы людей, машущие пальмовыми ветвями. Однако в условиях российского климата, где пальмы не растут, их символическую замену составили вербные ветви.

Хвойные деревья, такие как сосна и ель, относятся к вечнозеленым растениям, в отличие от листопадных. Это свойство делает их особенно значимыми в различных культурных и ритуальных практиках. В частности, в славянских традициях хвойные деревья традиционно используются как рождественские деревца. «В устной традиции обычай устанавливать и украшать рождественское деревце нашёл этиологическое обоснование в событиях христианской истории, которые имели отношение к младенчеству Иисуса Христа» [там же, с. 86].

В то же время сосна и ель также входят в круг похоронной обрядности и связываются с темой смерти. Как отмечает Т.А. Агапкина, «гораздо более массовой была ритуальная практика сажать хвойные деревья на могилах» [там же, с. 99]. Об этом свидетельствуют ФЕ: «*угодить под ёлку*», «*пойти по ёлочкам*», «*прогуляться*

по ёлочкам», «идти под сосну», «попадать / попасть в сосны». Все эти выражения обозначают смерть. Кроме того, такие растения, как кипарис, ромашки и гвоздики, используемые при похоронах, символизируют память, скорбь и уважение к ушедшим.

В китайской свадебной традиции особое значение имеют финики, семена лотоса, арахис, лонганы, гранаты, личи, тыквы и грецкие орехи, которые считаются благоприятной пищей. Например, гранат, богатый семенами, подаренный молодоженам, в китайском народе считается символом пожелания иметь много детей. На китайских свадьбах существует традиция: на свадебное постельное бельё разбрасывают финики, арахис, лонганы и семена лотоса в знак пожелания «раннего рождения благородного сына» и «гармоничного брака». Эта традиция демонстрирует игру слов на основе омофонии: слова «финик», «арахис», «лонган» и «семя» в совокупности произносятся как пожелание «раннее рождение благородного сына», а «лотосовые семена» звучат как «непрерывного рождения благородных сыновей». Это объясняется тем, что «широко распространённое в ханьской традиции использование растений, связанных с плодовитостью, отражает глубоко укоренившиеся в обществе идеи мужского превосходства и предпочтения мужских потомков» [陈晦, 2012, с. 106].

Хризантема занимает особое место в традициях, связанных с поминовением усопших в Китае. Праздник Чунъян², также известный как Праздник Хризантем, отмечается с династии Хань. В этот день принято пить хризантемное вино, так как этот напиток считается средством для улучшения здоровья и продления жизни. Праздничное застолье, известное как хризантемная чаша, напрямую связано с пищевыми традициями китайского народа.

² Праздник Чунъян – праздник двойной девятки, отмечающийся в Китае 9-го дня 9-го лунного месяца. В этот день принято подниматься на высокие места, запускать воздушных змеев, а также употреблять хризантемное вино для улучшения здоровья и продления жизни.

Ива связана с праздником Цинмин³ и ассоциируется со старением и смертью, что отражается в пословицах: «на Цинмин не носить иву – после смерти станешь жёлтой собакой; на Цинмин не носить иву – красавица поседеет». В северо-восточной части Китая в начале июня проводится Праздник ивы, в ходе которого люди окропляют друг друга водой с ветками ивы для защиты от несчастий [叶大兵, 乌丙安, 1990, с. 59].

Персик в китайской культуре с древних времён считается символом защиты от злых духов. На китайский Новый год входные двери украшаются персиковыми ветвями, а на персиковых досках пишут парные надписи для отпугивания нечистой силы. Из косточек персика изготавливают бусы для детей, оберегающие их от болезней. Всё это связано с тем, что «Персик является главой среди пяти деревьев, таких как персик, вяз, шелковица, ива, софора. Он с древних времён защищает людей от нечистой силы» [李昉, 2008].

В древности при захоронении в гроб клали сухие зёрна, древесину кипариса и красные финики, что символизировало надежду на скорейшее «освобождение» души. На могилы разливали белое вино, посыпали рисом, пшеницей, цветами и ветками, чтобы усопший не испытывал нужды в загробной жизни. Вокруг могилы сажали сосны и кипарисы, символизируя вечную жизнь [谭业庭, 张英杰, 2010, с. 93–97]. Кроме того, в северо-восточном Китае существует традиция помещать тело умершего в плетение из ивы и оставлять на иве, что символизирует возрождение души через силу ивы [赵天羽, 2017, с. 48].

Растения в текстильной промышленности. На территории России издавна выращивались прядильные культуры, среди которых наиболее распространёнными были лён-долгунец и конопля. Лён, отличающийся высокой прочностью и долговечностью, до XVIII века оставался основным сырьём для текстильной промышленности России. Это растение занимает значимое место в народном быту,

³ Праздник Цинмин, известный также как День поминовения усопших, отмечается в Китае весной, обычно 4 или 5 апреля. Праздник посвящён уходу за могилами предков, посещению кладбищ и уборке могил.

что нашло отражение во множестве ФЕ и ПЕ, например, «кто в лён одет – доживёт до 100 лет», «кто посеет лён, пожнёт золото», «за лён держись – обеспечишь жизнь».

Коноплю на территории России начали возделывать ещё в VII веке. Из её волокон (пеньки) производили ткани, морские канаты, верёвки, парусину и другие изделия. Современное использование конопли охватывает шесть основных направлений: пищевое, строительство, энергетическое, производство волокна на текстиль, целлюлоза, медицинское [Серков, Смирнов, 2018, с. 132–134].

В Китае долгое время использовались конопля и пуэрария для изготовления тканей. В китайском языке слово 布 [bù] означало изделия из конопли или пуэрарии, а 帛 [bó] – шёлковые ткани. Обычные люди, не имея возможности носить шёлк, ограничивались изделиями из конопли или пуэрарии, что отражено в термине 布衣 [bù yī], символизирующем простых граждан [王力, 2014, с. 222].

Растения в строительстве и древесине. Древесина является наиболее распространённым строительным материалом растительного происхождения. Леса занимают около 809 млн га (8,09 млн км²) территории России, что составляет 20% от мировых лесных запасов (по площади лесов Россия занимает первое место в мире). Благодаря богатым лесным ресурсам древесина широко используется для строительства жилых домов, бань, мебели и других конструкций. Особенно ценятся хвойные породы деревьев (сосна, ель, лиственница) за их прочность, доступность и лёгкость обработки.

В древнем Китае простые дома покрывались соломенной крышей, что отражено в выражении 茅茨 [máo cí]. Фразеологизм 茅茨土阶 [máo cí tǔ jiē] (букв. «соломенная крыша и глиняные ступени крыльца») символизирует скромные жилища и бедные условия жизни. В отличие от России, где основным строительным материалом была древесина, в Китае бамбук играл важнейшую роль. Из бамбука делали всё: от пищи до жилища, что подчёркивал поэт Сунской династии Су Ши: «Бамбуковые побеги для еды, бамбуковые плитки для жилья,

бамбуковые плоты для перевозки, бамбуковые жерди для приготовления пищи, бамбуковое волокно для одежды, бамбуковая бумага для письма, бамбуковое вязание для обуви, верно можно сказать, что невозможно прожить без бамбука ни дня» [苏轼].

Лекарственные растения. Роль лекарственных растений при лечении некоторых заболеваний остаётся ведущей, поскольку многие растительные средства являются незаменимыми, несмотря на значительное доминирование синтетических лекарственных средств [Цицин, 1962]. С этой точки зрения некоторые растения имеют большое утилитарное значение, так как в их составе есть виды, применяемые как в официальной, так и в народной медицине.

В русской медицине существует множество лекарственных растений, которые традиционно использовались для лечения различных заболеваний и поддержания здоровья. Вот некоторые из наиболее известных и широко используемых:

1) ромашка используется как противовоспалительное, антисептическое и успокаивающее средство для лечения заболеваний желудочно-кишечного тракта, простуд и воспалений во рту;

2) зверобой применяется для лечения депрессии, тревоги, а также при расстройствах пищеварения и желчного пузыря за счёт своих антидепрессивных и противовоспалительных свойств;

3) тысячелистник известен кровоостанавливающими и вяжущими эффектами, используется при гастроинтестинальных проблемах, а также для лечения ран и кровотечений;

4) пустырник помогает улучшить функционирование сердечно-сосудистой системы и служит мягким успокоительным, эффективен при неврозах и бессоннице.

Традиционная китайская медицина применяет лекарственные растения в рамках комплексного подхода к здоровью и лечению, который включает восстановление баланса и гармонии в организме. Растения используются не изолированно, а чаще всего как часть сложных смесей, включающих множество

компонентов, каждый из которых выполняет определённую функцию. Вот некоторые из наиболее известных и широко используемых:

1) женьшень используется для укрепления жизненной энергии Ци, повышения выносливости и концентрации внимания;

2) лици, также известные как барбарисовые плоды, используются для поддержания функций печени и почек, а также для улучшения зрения;

3) лакричный корень применяется для лечения воспалительных заболеваний дыхательных путей, желудочно-кишечного тракта, поддержки функции надпочечников и как противовирусное средство;

4) ягоды годжи ценятся за свои антиоксидантные свойства, способствуют улучшению зрения и общего благосостояния;

5) хуан Ци применяется для улучшения кровообращения, поддержания здоровья сердечно-сосудистой системы и как иммуностимулирующее средство.

Растения также находят своё отражение в культурно-развлекательной жизни. В Китае растения часто выступают символами культурной жизни. Например, в эпоху династии Тан император Сюань-цзун (713–756 гг.) основал оперную труппу в Грушевом саду. Это дало начало выражению 梨园弟子 [lí yuán dì zǐ] (букв. «ученики Грушевого сада»), обозначающему актёров пекинской оперы. С этим связаны и такие термины, как 梨园榜 [lí yuán bǎng] (список оценённых актёров) и 梨园行 [lí yuán háng] (мир актёров).

1.1.3. Научные знания по ботанике

Термин «ботаника» заимствован из греческого слова «*botane*», обозначающего «растение». Ботаника – «наука о растениях» [Ожегов, 2019, с. 98]. Ботаника – «наука о растениях, их строении, биологии, экологии, распространении, эволюции и классификации» [Дудка, 1984, с. 35].

Ботаника прошла долгий путь развития от накопления эмпирических знаний в древности до современных молекулярных исследований. За это время были сформулированы ключевые научные знания и принципы, которые служат основой для изучения растительного мира. Рассмотрим основные этапы развития ботаники и вклад ведущих учёных.

Этап древних истоков ботаники. Первые знания о растениях начали формироваться в древности, когда люди систематизировали информацию о лекарственных травах и сельскохозяйственных культурах. Они умели различать растения, знали их полезные и вредные свойства и группировали их по определённым признакам. Значительные сведения о растениях были накоплены ещё в первобытное время. Позднее в древних цивилизациях, таких как Индия, Египет, различные регионы Азии и Китай, этот опыт углублялся и систематизировался. Культурные растения, которые были одомашнены в каменном веке, остаются известными до наших дней [Базилевская, 1968].

Теофраст (372–287 до н.э.), древнегреческий философ и ученик Аристотеля, создал термин «ботаника». Теофраст по праву считается основоположником ботаники. В своём труде «*Historia plantarum*» (русский перевод «Исследование о растениях») Теофраст описал около 500 видов растений, обратив внимание на их морфологические особенности и опираясь на наблюдения за их ростом и развитием. Книги Теофраста включают подробные описания структуры растений, их репродуктивных процессов и общей биологии. Исследователь также фокусировался на изучении взаимодействия растений с окружающей средой, особенно на анализе того, как разные климатические условия влияют на их рост и развитие [Теофраст, 1951].

Этап классификации и систематизации. В период научной революции ботаника эволюционировала от описательной стадии к этапу систематизации. Одним из ключевых вкладов в эту область стала работа шведского учёного Карла Линнея (1707–1778 гг.), который разработал систему классификации растений, базирующуюся на морфологических признаках. Его фундаментальный труд

«Species Plantarum» (русский перевод «Виды растений») внёс значительный вклад в ботаническую науку. Линней ввёл биномиальную номенклатуру, согласно которой каждому виду присваивается двойное наименование – родовое и видовое (например, *Rosa canina* – шиповник собачий, *Quercus robur* – дуб обыкновенный). Эта система классификации применяется до сих пор и легла в основу современной ботаники [Бобров, 1954].

Этап изучения физиологии и анатомии. Развитие микроскопии позволило учёным изучать анатомическое строение растений на клеточном уровне. Антони ван Левенгук (1632–1723), используя микроскопы собственной конструкции, впервые обнаружил и описал множество микроскопических структур, включая бактерии, простейшие, сперматозоиды и красные кровяные клетки. Ян Ингенхауз (1730–1799) сделал фундаментальное открытие в области фотосинтеза. Учёный доказал, что в присутствии света растения поглощают углекислый газ и выделяют кислород, что является ключевым для понимания их роли в поддержании атмосферного баланса на Земле. Стивен Гейлс (1677–1761) значительно продвинул понимание водного баланса растений. Его исследования транспирации и движения воды в растениях заложили основу для последующих разработок в области физиологии растений и экологии.

Этап генетики и селекции. С открытием законов наследственности Грегором Менделем (1822–1884) начался новый этап в ботанике – развитие генетики растений. Мендель, экспериментируя с горохом, вывел законы наследования признаков, которые заложили фундамент для современной генетики. В XX веке Николай Вавилов (1887–1943) продолжил изучение генетики и сформулировал теорию центров происхождения культурных растений, указав регионы, где происходило первоначальное одомашнивание видов. Вавилов также значительно способствовал развитию селекции, что привело к созданию множества новых сортов сельскохозяйственных культур.

Этап современной ботаники. Современная ботаника характеризуется интеграцией различных научных методов и технологий, что способствует более

глубокому пониманию жизни растений на молекулярном, клеточном и экосистемном уровнях. Основные направления развития включают молекулярную биологию, генетическую инженерию и использование биоинформатики для анализа геномов растений.

В XX веке учёные Фрэнсис Крик (1916–2004) и Джеймс Уотсон (1928 – по наст. время) расшифровали структуру ДНК в 1953 году, что положило начало развитию молекулярной биологии растений. Методы генетического секвенирования и геномной инженерии позволили детально изучить геном растений, выявить гены, ответственные за устойчивость к болезням и стрессам, и создать генетически модифицированные растения. Открытия Барбары Мак-Клинтон, связанные с транспозонами (прыгающими генами), объяснили механизмы генетической изменчивости и стали важным шагом в понимании эволюции растений.

Что касается экологии и фитосоциологии, изучение взаимодействий растений с окружающей средой и другими организмами остаётся ключевым для понимания экологических изменений и для сохранения биоразнообразия. Экологические исследования растений становятся особенно актуальными на фоне изменения климата.

Как видно, основной характеристикой современного этапа развития ботаники является смешение границ между её отдельными дисциплинами. Ботаника как наука претерпела значительное развитие, переходя от описательного этапа к молекулярным исследованиям. Благодаря усилиям таких учёных, как Теофраст, Карл Линней, Грегор Мендель, Николай Вавилов и Барбара Мак Клинтон, были заложены основы современных знаний о растениях. Сегодня ботаника активно используется в сельском хозяйстве, медицине, экологии и биотехнологиях, продолжая развиваться и вносить вклад в устойчивое развитие и сохранение биоразнообразия на планете.

Таким образом, рассматриваем растения через призму эстетического и утилитарного восприятия, подчёркиваем их значимость и многофункциональность

в разнообразных сферах творчества и культуры человека. Эстетическое осмысление растений проявляется в искусстве, литературе, музыке и дизайне, где они служат источником вдохновения и объектом изображения, символизируя красоту, рост и возрождение. Утилитарное значение растений охватывает широкий спектр применений, от пищевых и праздничных до строительных и текстильных материалов, что делает их незаменимыми в повседневной жизни человека.

Кроме того, важно отметить вклад ботаники как науки в понимание основных биологических процессов, происходящих в растениях. Изучение растительного мира позволяет не только расширять наши знания о природе, но и способствует разработке новых технологий и методов управления природными ресурсами. Развитие ботаники связано с трудами множества учёных, чьи исследования и открытия заложили основу для современных научных подходов к изучению растений.

1.2. Символ как предмет лингвокультурного анализа

Изучение символа имеет длительную историю в гуманитарных науках, в частности в лингвокультурологии. Ключевым понятием лингвокультурологии является концепт, трактуемый как базовая единица культуры. В.Н. Телия рассматривает его как «всё то, что мы знаем об объекте во всей экстенсии этого знания» [Телия, 1996, с. 97]. В.И. Карасик подчёркивает, что отличительным признаком концепта является обязательное наличие ценностного компонента, благодаря чему концепт занимает особое место среди других ментальных единиц [Карасик, 2004, с. 24]. Ю.С. Степанов характеризует концепты как «константы культуры», т.е. базовые и устойчивые единицы культурного сознания, определяющие картину мира конкретного социума [Степанов, 1997, с. 40–41].

В.В. Красных, определяя сущность концепта, считает его «своего рода свёрнутым глубинным смыслом предмета» и одновременно «поименованным вместилищем культураносных смыслов, т.е. по сути – единицей лингвокультуры»

[Красных, 2003, с. 269]. Н.Л. Чулкина утверждает, что «концепт = intersубъективному смыслу языковых единиц». В исследовании учёного концепт «почти равен ассоциативному полю того или иного слова» [Чулкина, 2005, с. 11]. По мнению С.Г. Воркачёва, концепт связан не только с сознательным культурно-историческим знанием народа, но и с его коллективным бессознательным, и выступает в роли единицы этого коллективного знания, выраженного средствами языка [Воркачёв, 2021, с. 85].

1.2.2. Символ и его классификации в лингвокультуре

Термин «символ» происходит от греческого «*symbolon*». В лингвокультурологии символ рассматривается как одна из форм выражения концепта. По мнению В.А. Масловой, «среди множества потребностей человека есть одна, резко отличающая его от животных, – потребность в символизации. Человек живёт не просто в физической среде, он живёт в символической вселенной» [Маслова, 2001, с. 95]. Разделяя мнение В.А. Масловой, Э. Кассирер утверждает, что человек находится в состоянии постоянного диалога с самим собой, и из этого диалога рождается символический универсум, в котором человек живёт и составными частями которого являются язык, миф, искусство и религия [Песков, 2013, с.18].

Культура может быть охарактеризована как «особый способ использования языка в коммуникативной ситуации» [Мамардашвили, 2011, с. 118]. Культура неразрывно связана с коммуникацией, ключевую роль в которой играет язык. Согласно Э. Сепиру, коммуникативная функция языка проистекает из его символической функции. Однако символическая функция языка не сводится к простому замещению человеческого опыта символами: язык «в своём конкретном функционировании не стоит отдельно от непосредственного опыта и не располагается параллельно ему, но тесно переплетается с ним» [Сепир, 1993, с. 227].

Символы формируют коллективную память культуры, аккумулируя и интегрируя новый исторический опыт человечества.

Необходимость изучения языковых символов обуславливается тем, что за языковым знаком как культурным символом скрывается не значение, а культурное содержание с характерными векторами и измерениями культуры [Мильруд, 2013, с. 44]. Символ имеет языковое выражение и функционирует в пространстве лингвокультурологии и требует классификационного анализа.

Разные исследователи предлагают различные подходы к систематизации символов. Для проведения глубокого анализа лингвистических аспектов культурного символа важно выявить его главные классификации и ключевые характеристики в рамках лингвокультурологии [Алефиренко, 2010; Арутюнова, 1998; Иванов, 2002; Карасик, 2010, 2012; Красных, 2005, 2012; Лосев, 1991, 1995; Лотман, 1992; Маслова, 2001; Телия, 1996; Шелестюк, 1998].

В.В. Красных предложила гипотезу о четырёхуровневой системе координат лингвокультуры, включающей когнитивную, метафорическую, эталонную и символьную подсистемы [Красных, 2005]. Эти подсистемы сосуществуют и взаимодействуют друг с другом. Когнитивная подсистема, рассматриваемая как первичная, включает базовые ментефакты: знания, понятия, концепты и представления. Метафорическая подсистема основана на когнитивных ментефактах и придаёт им образное измерение через базовые метафоры. Эталонная подсистема, представляющая духовный код культуры, организуется вокруг ниши эталона, выражающей «содержательный смысл» эталона. Символьная подсистема, насыщенная национальной спецификой, включает базовые символы культуры. В данном случае «Символ есть единица лингвокультуры (культурный предмет), основной функцией которого является формальное (т.е. по форме) замещение без серьёзного смыслового сдвига» [там же, с. 12].

Отмечается, что эти четыре подсистемы могут пересекаться, как утверждает В.В. Красных, они «не разделены жёстко, напротив: границы между ними гибки и прозрачны. В ряде случаев один и тот же феномен может выполнять символьную и

эталонную функции и лежать в основе образа метафоры» [Красных 2005, с. 13]. В китайской культуре народные эталоны, например, «стойкость» и «выносливость», ассоциируются с образами сосны и кипариса. Так, ФЕ 岁寒松柏 [suì hán sōng bǎi] (букв. «сосна и кипарис в холодное время») и 松柏后凋 [sōng bǎi hòu diāo] (букв. «сосна и кипарис последними увядают») используются для символизации человека, который остаётся непоколебимым перед лицом трудностей.

В рамках интерпретативной лингвокультурологии В.И. Карасик выделяет знаковые модусы общения: прямое и не прямое выражение. Непрямое выражение подразделяется на эмблематическое, аллегорическое и символическое [Карасик, 2012]. Эмблематическое восприятие определяется как идентификация говорящего или коммуникативной ситуации и проявляется в фоновых, статусных и парольных разновидностях. Аллегорический смысл знака характеризуется его «единственно возможной интерпретации исходного высказывания, поэтому он часто актуализируется в педагогическом, религиозном или политическом дискурсах» [там же, с. 37]. Типичными жанрами аллегии являются пословицы, басни и притчи, несущие дидактический смысл. «Символический смысл отличается своей принципиальной неисчерпаемостью, символическое высказывание допускает множество толкований» [там же, с. 37].

В.И. Карасик утверждает, что данные знаковые модусы пересекаются и границы между символом и другими смежными с ним феноменами не являются неустойчивыми, поскольку «один и тот же текст может быть воспринят и как прямое сообщение, и как эмблематический указатель, и как аллегорическое поучение в определённой ситуации, и как многомерный символ» [там же, с. 38].

В лингвокультурном аспекте символ обладает национальной спецификой и ценностной значимостью, функционируя как элемент ценностно-смыслового пространства языка, поэтому ценностно-смысловой компонент символа заслуживает особого внимания. Н.Ф. Алефиренко подчёркивает, что «для нормального развития культуры необходим общий для них запас культурных ценностей, накопленный в родном языке, тот инвентарь лингвокультуры, благодаря

которому эти ценности передаются от поколения к поколению» [Алефиренко, 2010, с. 14]. А.А. Загидуллина отмечает, что символизация является процессом, характерным для любой лингвокультуры, и «система символов содержит зашифрованную этнолингвокультурологическую информацию, которая фиксирует аксиологически-значимые ситуации, события, факты и передаёт ценностно-смысловую природу этноязыкового сознания» [Загидуллина, 2010, с. 31].

Таким образом, символ занимает особое место в пространстве лингвокультурологии. В зависимости от принятого методологического подхода символ интегрируется в различные системы лингвокультурных единиц, где и обретает свою значимость. В контексте лингвокультуры символ выступает как одна из четырёх подсистем, характеризующаяся выраженной национально-культурной спецификой. Символьная и другие подсистемы культуры часто взаимодействуют и пересекаются из-за нестабильной границы между ними. Символ, аналогично эмблеме и аллегории, представляет собой форму непрямого восприятия информации, позволяя множество интерпретаций благодаря своей образной природе. Кроме того, важно подчеркнуть значимость ценностно-смыслового аспекта символа в рамках лингвокультуры, который играет ключевую роль в сохранении и передаче культурных ценностей. Благодаря своему ценностному содержанию символ отличается от других знаков, занимая ключевое место в системе лингвокультуры.

В различных научных дисциплинах разработаны многочисленные подходы и критерии для классификации символов. В трудах А.Ф. Лосева особое внимание уделяется многообразию символьных структур, которые характеризуются как «смысловые последовательности, которые возникают при функционировании символа в разных областях» [Лосев, 1995, с. 155]. Автор предлагает классификацию, включающую девять типов символов:

1) научные символы – символические понятия, необходимые во всяком научном построении (математические уравнения, прямоугольный треугольник, глобус, микроскоп и т.д.);

2) философские символы (философские категории: реальность, причина, необходимость, свобода и др.);

3) художественные символы – «художественный образ тоже есть обобщение и тоже есть конструкция, выступающая как принцип понимания и проделывания всего единичного, подпадающего под такую общность» [там же, с. 158] (Образ «птицы-тройки» в поэме Н. Гоголя «Мёртвые души»);

4) мифологические символы (птица Феникс – символ возрождения и силы духа, русалка – символ опасного и греховного соблазна, а также символ женской красоты и привлекательности);

5) религиозные символы (крест – символ страдания, жертвы, спасения и веры; икона – символ святости и веры);

6) природа, общество и весь мир как царство символов. «Чем они глубже воспринимаются и изучаются человеком, тем более наполняются разнообразными символами, получают разнообразные символические функции, хотя сами по себе и объективно они вовсе не являются только нашими символами» [там же, с. 162];

7) человечески-выразительные символы. «Человек вольно или невольно выражает внешним образом своё внутреннее состояние, так что его внешность в той или иной мере всегда символична для его внутреннего состояния» [там же, с. 162] (улыбка – символ радости, покраснение лица – символ стыда или гнева);

8) идеологические и побудительные символы (идеал, девиз, план, лозунг, афиша, пароль, команда, приказ, закон и т.п.);

9) внешне-технический символ. «Именно он является принципом осуществления ряда действий и, лучше сказать, бесконечного ряда действий» [там же, с. 164]. (аплодисменты при одобрении происходящего, а также свист, крики или топот ногами при его порицании) [там же, с. 155–165].

А.Ф. Лосев идентифицирует эти девять типов символов, каждый из которых иллюстрирует уникальные аспекты восприятия и использования символов в различных культурных и научных контекстах. При анализе его систематизации отмечается, что эффективность символов обусловлена их функционированием в

рамках человеческого общения, где они формируются в контексте социальной среды. Социальная среда выступает пространством взаимодействия людей через различные виды деятельности, задаёт широкий спектр возможностей для классификации символов. Однако «такой принцип классификации является слишком обширным, поскольку диапазон человеческой деятельности очень многообразен. И, как следствие, классификация, основанная на данном критерии группировки, может носить не лимитированный характер» [Женевская, 2016, с. 34].

Другая классификация символов, по диссертационной работе Е.В. Шелестюк, основана на изучении англоязычной поэзии XX века. Автор сосредоточил анализ художественных образов и символов исключительно на их семантической составляющей. Данная систематизация включает следующие типы:

1) «культурно-стереотипные символы – символы современности, понятные всем представителям данной культуры, с прозрачным либо полупрозрачным основанием переноса;

2) символы-архетипы – символы, основанные на древнейших пралогических, мифологических либо первичных бессознательных представлениях о мире, с затемнённым основанием переноса;

3) субъективно-авторские символы отражают концепты, конструирующие картину мира отдельной личности, чаще всего в них своеобразно преломляются стереотипы и архетипы» [Шелестюк, 1998, с.73].

По мнению В.И. Карасика, символ рассматривается как «перцептивный образ, характеризующийся смысловой глубиной, обозначающий идею, которая обладает высокой ценностью, генерирующий новые смыслы, допускающий множественное истолкование, отсылающий к сверхчувственному опыту» [Карасик, 2009, с. 26]. На основании приведённых определений символа учёный выделяет следующие типы символов:

1) «обиходный символ – условный знак в виде конкретного образа, сопряжённого с ценностью, имеющий интерпретативную глубину;

2) художественный символ – условный знак в виде конкретного образа, порождающий множественную открытую систему ценностно насыщенных ассоциаций;

3) институциональный символ (политический и религиозный) – условный знак в виде конкретного образа, отсылающий к системе базовых ценностей соответствующего института» [там же, с. 26].

В.И. Карасик выделяет перцептивность, ценность и многозначность символа, что отражается в предложенной им систематизации символов. Эта классификация способствует упрощению глубоких интерпретаций символов. Е.В. Женеvская характеризует её как «наиболее существенные уточнения в классификацию символов» [Женеvская, 2016, с. 35]. Однако, по её мнению, предложенная типология обладает ограничениями: «В данной типологии учёный также делает акцент на функциональность символа, т.е. рассматривает сферу его употребления, но в данном случае диапазон актуализации данного феномена оправданно сжат» [там же, с. 35].

На основе анализа вышеуказанных классификаций символов полагаем, что в настоящее время отсутствует универсальный принцип систематизации символов. Различные научные дисциплины разрабатывают специфические критерии для группировки символов, основываясь на контексте их актуализации и предназначении использования. Это разнообразие подходов отражает мультидисциплинарный характер символов и их значимость в различных сферах человеческой деятельности.

1.2.3. Главные признаки лингвокультурного символа

Символ в лингвокультурологии рассматривается как образ с высокой ценностной значимостью, обладающий рядом характеристик, требующих тщательного изучения. Основные свойства символа включают знаковость, образность (иконичность), мотивированность, многозначность, комплексность,

архетипичность и другие [Шелестюк, 1998]. Далее будет представлен детальный анализ каждого из этих признаков.

Знаковость. Символ определяется как знаковый образ, условный по своей природе и указывающий на таинственный предмет номинации и отражающий иное измерение действительности. Ю.М. Лотман утверждает, что «символ определяется как знак, значением которого является некоторый знак другого ряда или другого языка» [Лотман, 1992, с. 191]. Интерпретация символа происходит в рамках специфического культурно-исторического контекста, причём символическое толкование составляет часть семиотического анализа.

Что касается семиотики, нельзя не упомянуть лингвиста Ф. де Соссюра, который разработал теорию означающего (signifier) и означаемого (signified) [Соссюр, 1999]. Согласно Соссюру, знак состоит из двух неразделимых элементов: означающего – фонетической или визуальной формы знака и означаемого – концепции или значения, ассоциируемого с этой формой. Например, самовар является не только предметом быта, но и символизирует русское гостеприимство и традиции чаепития, ассоциируясь с семейным уютом и теплом, что подчёркивает его роль в русской культурной идентичности. Китайским примером служит дракон – значимый символ в китайской культуре, ассоциируемый с силой, властью и удачей, широко представленный в искусстве и на праздниках, таких как праздник лодок-драконов. Он объединяет элементы китайской мифологии и истории, связывая прошлое с настоящим.

Ф. де Соссюр подчёркивает, что связь между означающим и означаемым в языковом знаке часто является произвольной и устанавливается по соглашению. Однако в случае символов, таких как художественные или религиозные, эта связь может быть менее произвольной и более мотивированной. Например, крест как символ христианства несёт глубокую символическую нагрузку, которая значительно превышает его простую геометрическую структуру. Крест отражает центральные элементы христианской веры, такие как жертвенность, спасение и искупление и символизирует распятие Иисуса Христа, его жертвенную смерть ради

спасения человечества. В христианской культуре крест воплощает победу жизни над смертью, надежду на воскресение и прощение грехов.

Аналогично, лотос в китайском буддизме является одним из важнейших символов, символизирующим чистоту, духовное просветление и освобождение от страданий. Растущий в мутной воде, лотос остаётся чистым, что служит метафорой духовного пути человека: несмотря на окружающие трудности и соблазны, сохранять внутреннюю чистоту и стремиться к просветлению.

В семиотической теории Ч. Пирса «знак есть нечто А, обозначающее некоторый факт или объект В, для некоторой интерпретирующей мысли С» [Мельвиль, 1968, с. 179]. Это указывает на то, что знак не только отображает или заменяет объект, но и порождает в уме интерпретатора определённую мысль или реакцию, связанную с этим объектом. Пирс утверждает, что каждый знак включает в себя три компонента, формирующие «триаду»: объект, знак и интерпретант. Объектом является то, что знак обозначает; значение знака связано с тем, что он передаёт; интерпретант представляет собой идею, которую знак вызывает у интерпретатора.

Согласно Пирсу, знак действует как некое средство в определённом отношении или с определённой целью для кого-то. Он классифицирует знаки на три категории: иконические, индексы и символы. Иконические знаки (иконы) предполагают изобразительное или звуковое соответствие между знаком и объектом (например, фотография, рисунок). Индексы выражают функциональную или причинную связь между знаком и объектом (например, следы на земле, дорожные знаки). Символы ассоциируются с объектом на основе условной или социально установленной связи (например, слова, предложения, флаг, гимн и т.д.).

Исследование истории понятия символа в Китае показывает, что связь между формой слова и его значением обсуждалась ещё в доцинскую эпоху (2100–221 гг. до н.э.), хотя сам термин «символ» тогда ещё не использовался. Ранние теории символа возникли в контексте дискуссий о «невозможности слов полностью передать смысл» (言不尽意) и «забвении формы при осознании смысла» (得意而忘

言), стремясь решить вопросы взаимоотношения изображения и значения. Одной из наиболее известных теорий является принцип «создания образа для полного выражения смысла» (立象而尽意), зафиксированный в «Книге перемен» («И цзин»), где символические образы используются для передачи идей, а также интегрирована поэтическая языковая система с богатыми символическими значениями.

Философ Ван Би из государства Вэй периода Троецарствия (220–280 гг. н.э.) в своём труде «Краткие примеры из И цзин. Освещение образов» (周易略例·明象) утверждает: «При контакте с объектами люди действуют в соответствии с их природными качествами, извлекая их образы; они опираются на смысл и принципы для создания символов» (触类可为其象, 合意可其征). Упомянутые здесь термины 《象》 и 《征》 соответствуют понятиям Ф. де Соссюра «означающее» и «означаемое» [蒋凡, 李笑野, 2007, с. 1]. Кроме того, во времена династии Южная Сун, Ло Юань (1174–1270 гг. н.э.) в своей книге «Эрья И» определил символ следующим образом: «Форма проявляет одно, а смысл выражает другое» (《形著于此, 而义表于彼》) [там же, с. 2].

Образность (иконичность). Н.Н. Рубцов утверждает, что «символ – это определённое проявление образа. Образность – это “материальное тело” символа» [Рубцов, 1991, с. 23]. По определению С.С. Аверинцева, «всякий символ есть образ, и всякий образ есть, хотя бы в некоторой мере, символ» [Аверинцев, 1985, с. 147]. Очевидно, что понятия образа и символа тесно связаны и неразделимы, однако не являются идентичными. А.А. Загидуллина акцентирует внимание на относительной взаимосвязи между образом и символом, подчёркивая, что процесс их формирования неразрывно связан с деятельностью человеческого сознания. «Образ – это манера мыслить, а символ – это манера представления мысли» [Загидуллина, 2010, с. 30]. Необходимо обратиться к сопоставлению понятий «символ» и «образ», чтобы наилучшим образом понять образную сущность изучаемого явления.

Как указывает Н.Ф. Алефиренко, «образ некоторого объекта может включать в свою структуру множество второстепенных, случайных признаков, обусловленных порой какими-то особенностями человеческого взаимодействия с этим объектом. Символы же задают более или менее определённые границы понимания человеком ценностно-смыслового пространства своего языка» [Алефиренко, 2010, с. 188]. При этом образность является важнейшим свойством символа.

А.Ф. Лосев отмечает, что «символ вещи есть оформление её идейно-образного построения. Но идейная образность, взятая сама по себе, вовсе ещё не есть символ» [Лосев, 1995, с. 209]. Однако не каждый образ достигает статуса символа, поскольку для этого требуется условие его насыщенности социально или культурно значимым содержанием. Как утверждает А.А. Загидуллина, символ «вырастает» из образа, а механизм преобразования образа в символ проходит стадию «возвышения» или «восхождения» [Загидуллина, 2010]. Например, в литературе лес часто служит не просто образом природы, но и символом неизведанного, страха или внутреннего пути героя.

Кроме того, образ, хотя и имеет суть, не обладает определённой формой, что ограничивает его возможности передачи нравственной или ценностной информации, поэтому «символ рождается изнутри, когда внутренняя суть ищет форму» [там же, с. 25]. Следовательно, образ преобразуется в символ только тогда, когда он обладает сакральным и аксиологическим значением для данной лингвокультуры.

Изначально символ формируется из чувственного образа, отражающего предметы и явления реального мира. В этом состоянии означающее и означаемое в образе слиты не разделяются, что похоже на термины «гештальт», «прототип» и «образ-схема» в западной когнитивной науке. Постепенно образ начинает мыслиться отвлечённо и становится знаком, при этом разделение между референтом и его символическим обозначением позволяет образу функционировать как символ в узком смысле. Этот переход связан с

«прогрессивной дифференциацией» между передатчиком и референцией, как описал Х. Вернер.

В современной психо- и нейролингвистике этот процесс рассматривается как «двойное кодирование», где бессознательное образное мышление и сознательное вербальное мышление взаимодействуют и взаимопреобразуют коды, что особенно заметно в изменении природы внутренней речи, как, например, в трансформациях, происходящих во сне или при бодрствовании [Шелестюк, 1997, с. 126].

В узком смысле экспрессивно-стилистическая значимость слов связана с их переносно-фигуральными значениями. По мнению А.Ф. Лосева, «термин образ получает с трудом формируемую массу семантических оттенков и становится по-разному семантически нагруженной» [Лосев, 1991, с. 175].

В широком понимании образ лежит в основе любого символа, выполняя функции художественного или мифологического представления. Художественный образ представляет собой иконический знак, который характеризуется сходством между означаемым и означающим. Это отличает его от символического знака, где такое сходство между планом содержания и выражением в нём не является условным, а описывается как «органическое» [Арутюнова, 1990, с. 22].

Особенностью символа, по мнению Ф. де Соссюра, «является то, что он никогда не бывает полностью произвольным; символ не пуст. В символе есть остаток связи между идеей и знаком» [Соссюр, 1999, с. 101]. Соссюр дал пример, что «весы могут быть символом справедливости, поскольку иконически содержат идею равновесия, а телега нет» [там же, с. 93]. В китайском языке иероглиф 人 [rén] (человек) представляет собой иконический знак, поскольку его форма напоминает стоящего человека. Иероглиф 木 [mù] (дерево) также является иконическим, так как его структура визуально напоминает дерево с основным стволом и ветвями. Такое естественное сходство между формой знака и тем, что он обозначает, делает его органичным и легко узнаваемым образом.

Мотивированность. В широком смысле *мотивированность* символа понимается как «связь конкретного и абстрактного элементов» [Маслова, 2004, с.

100]. Мотивированность символа предполагает наличие прямой связи между формой символа и его значением. Это понятие находится в контрасте с произвольностью знака, при которой отсутствует естественная или логическая связь между знаком и обозначаемым им объектом. Мотивированные символы содержат элементы, напоминающие или прямо связанные с их значением.

В рамках лингвокультурологии анализ мотивированности символа проводится на двух уровнях, первый из которых фокусируется на семантико-лингвистических факторах. Согласно Е.В. Шелестюк, аналогия определяется как «уподобление понятий (значений) на основе общности их семантических признаков» [Шелестюк, 1998, с. 49]. Таким образом, понимание символа происходит посредством анализа его языковой репрезентации, где особое внимание уделяется аналогиям между означающим и означаемым. Это проявляется в таких примерах, как русское слово «шелест», мотивированность которого обусловлена его звучанием, имитирующим шум шелестящих листьев, что создаёт акустическую ассоциацию. Аналогично слово «грохот» является мотивированным символом, так как его звучание напоминает звуки, возникающие при громких ударах или столкновениях. В китайском языке символ 火 [huǒ] (огонь) мотивирован: его форма напоминает языки пламени, усиливая связь между формой символа и его значением. Символ 山 [shān] (гора) также мотивирован своим визуальным представлением, напоминающим трёхвершинную гору.

На втором уровне рассматриваются экстралингвистические факторы, такие как географическое положение, культурные особенности, исторические контексты, мифы, легенды, традиции и ритуалы, которые в совокупности формируют социально обусловленную структуру символа. Как отмечает Н.В. Иванов, «точкой отсчёта в понимании мотивированности символа должен быть опыт бытия человека, который определяет культурное, социальное и нравственное значение символа» [Иванов, 2002, с. 44]. Например, слово «матрёшка» в русском языке символизирует не просто деревянную игрушку, состоящую из нескольких кукол, помещающихся одна в другую, но и русскую национальную идентичность,

семейные ценности и умение «скрывать» внутренний мир человека. В Китае Великая Китайская стена представляет собой не просто исторический памятник, но и символ мощи и величия китайской цивилизации. Стена ассоциируется с национальной гордостью и стремлением к самозащите и независимости.

Многозначность. Символ является многогранным явлением, превосходящим рамки одной основной идеи. Присутствие у символа широкой смысловой перспективы порождает эффект многозначности. Многозначность символа в лингвистике отражает его способность иметь несколько значений или интерпретаций, часто зависящих от контекста их использования. Семантическая плотность символа обычно преобладает над контекстуальным использованием. Ю.М. Лотман указывает на то, что «связи, в которые вступает символ с помощью своего выражения с тем или иным семиотическим окружением, не исчерпывают всех его смысловых валентностей» [Лотман, 1992, с. 129]. Таким образом, согласно Е.В. Женевакской, «разносторонняя реализация символа образует смысловой резерв, который предаёт аксиологическую значимую для лингвокультуры информацию в различных контекстах» [Женевакская, 2016, с. 34].

Китайский учёный Цюй Мин-ань считает, что многозначность символа отражается в трёх аспектах. Во-первых, одному и тому же символу люди приписывают различные значения из-за разнообразия форм его проявления. Любой объект или действие имеют множество различных форм проявления, таких как форма, цвет, количество, состояние, характеристики, качество, функции, поза, действия, отношения, статус, звук, исторические факторы и т.д. [瞿明安, 2007]. В китайском языке ива является символом с глубокими и многочисленными значениями. Ива символизирует весну, так как является одним из первых растений, пробуждающихся в этот период. Ива ассоциируется с разлукой и печалью, особенно в контексте прощаний. Ива упоминается как символ грусти по уходящим в китайской поэзии: *昔我往矣, 杨柳依依* («Когда я уходил на фронт, ветви ивы колыхались на ветру»). В древние времена при прощании было принято дарить ветки ивы, что символизировало не только память, но и скрытое желание остаться,

подчёркнутое созвучием слов 柳 [liǔ] (ива) и 留 [liú] (оставаться). Благодаря нежности своих ветвей ива также используется для символизации женственности, подчёркивая изящество и элегантность. Например, ФЕ 云轻柳弱 [yún qīng liǔ ruò] (букв. «волосы мягкие как облака, талия тонкая как ива») точно передаёт нежность женщины. ФЕ 分花约柳 [fēn huā yuē liǔ] (букв. «ласкать цветы, поглаживать ветви ивы») описывает женщину с утончённой манерой поведения. Все эти ассоциации делают иву многозначительным символом в китайской культуре.

Во-вторых, один и тот же символ в разное время и в разных обстоятельствах может быть наделен различными значениями [там же, 2007]. Например, роза, подаренная возлюбленному, символизирует страстную любовь. Роза, положенная на гроб, означает глубокую скорбь к ушедшим.

В-третьих, один и тот же символ может иметь различные значения в зависимости от того, кто является его носителем [там же, 2007]. Например, тост в честь молодожёнов выражает пожелания влюблённым жить долго и счастливо; тост в честь родителей молодожёнов выражает пожелания здоровья и долголетия; тост в честь детей в семье выражает пожелания расти крепкими и добиваться больших успехов; тост в честь пришедшего поздравить чиновника выражает пожелания успехов в карьере; а тост в честь неженатого молодого человека выражает пожелание скорее найти подходящего партнёра.

Комплексность. Одним из важнейших свойств символа является «комплексность содержания символа и равноправие его значений» [Шелестюк 1998, с. 54]. Это свойство выделяет символ среди аллегорий, схем и тропов, так как символ является конгломератом равноценных значений, что придаёт ему многослойность и глубину. Как отмечает Е.В. Шелестюк, «с точки зрения структуры смыслового содержания, символы представляются сложными знаками (именами) с единым комплексом в плане содержания, который создаётся сложением и совмещением значений или концептов» [там же, с. 54–55]. Таким

образом, структура символа представляет собой сложное сочетание прямого и символического значений, которые сохраняют равноправный статус.

Символ понимается как средство связи между абстрактной идеей и конкретным образом, где оба элемента взаимно дополняют и обогащают друг друга. Образ и идея в символе функционируют равноправно, позволяя выражать абстрактное через конкретное и наоборот. Как отмечает Г.К. Косиков: «... солнце есть символ золота, но и золото есть символ солнца. Символическое отношение есть отношение взаимности...» [Косиков, 1993, с. 7]. Подобный принцип применим и к символам «огонь» и «страсть». Огонь символизирует страсть благодаря своей яркости, силы и интенсивности, тогда как страсть может быть представлена через образ огня, что подчёркивает её мощь и преобразующую силу.

В отличие от тропов, таких как метонимия, синекдоха, метафора и синестезия, символы сохраняют равенство между прямым и переносным значениями. В символе оба значения остаются самостоятельными и взаимозависимыми, при этом тип транспозиции влияет на степень близости смысловых ядер (интенционалов) этих значений.

По мнению Е.В. Шелестюк, «В метонимических символах точки порождения переносного символического значения, которые становятся его гипосемой, соответствуют интенционалу прямого значения или его жёсткововероятностным импликациям (т.е. его обязательным или существенным признакам)» [Шелестюк, 1997, с. 132]. Например, перо используется как метонимический символ писателя или творчества, где переносное значение связано с существенной характеристикой – орудием письма. Интенционал прямого значения пера предполагает ассоциацию с писательской деятельностью.

В метафорических символах переносное значение может быть как тесно, так и слабо связано с исходным значением, что приводит к различной удалённости интенционалов. «Сходство, лежащее в основе переноса, имеет основанием общность прямого и переносного значения по наличным существенным и несущественным признакам или стереотипные ассоциации сходства между ними»

[там же, с. 132]. Например, в литературе река часто символизирует течение жизни. Конкретный образ реки, текущей из одного места в другое, используется для передачи идеи движения и развития жизни. В данном случае интенционал производного значения (жизнь) и исходного значения (река) достаточно удалены друг от друга, но связь между ними поддерживается через ассоциацию с непрерывным движением и изменениями, характерными для жизни.

Архетипичность. Архетипичность символа имеет два аспекта. С одной стороны, понятие архетипа было введено К.Г. Юнгом и понимается как «типический древний образ, который отражается в коллективном бессознательном и лежит в основе творчества» [Юнг, 1991, с. 102].

Принято полагать, что «архетипы воплощаются в большом количестве символов» [Маслова, 2004, с. 101], так как символы отражают образы коллективного бессознательного, значительную часть которых составляют архетипы – древние образы и социокультурные идеи, генетически закрепленные и передающиеся из поколения в поколение. Эти архетипы лежат в основе творчества и находят выражение в мифах, верованиях, произведениях литературы и искусства, а также проявляются в снах и фантазиях. Поэтому можно говорить об архетипических символах. С другой стороны, архетипичность символа проявляется в древней, первичной языковой форме, известной как этимон. По этимологическому определению архетип – «исходная для последующих образований языковая форма, реконструируемая на основе закономерных соответствий в родственных языках» [Ярцев, 1990].

Таким образом, архетипы символов имеют как культурный аспект, связанный с коллективным бессознательным, так и лингвистический аспект, отражающий древние формы языка, которые можно восстановить через этимологический анализ. Например, берёза в русской культуре выступает как архетипический символ, олицетворяющий женственность, чистоту и связь с родиной, что находит своё отражение в фольклоре и народном творчестве. Коллективное сознание русского народа воспринимает берёзу как символ красоты и привязанности к родной земле.

С этимологической точки зрения, слово «берёза» восходит к индоевропейскому корню «*bherag*», связанному с блеском и светом, что указывает на её белую кору и чистоту. Понятие 气 [qì] («ци») в китайской культуре представляет собой жизненную энергию, которая пронизывает всё живое и обеспечивает гармонию и жизненную силу. Это архетипическое представление присутствует в традиционной китайской медицине, боевых искусствах и философии, где ци воспринимается как основа существования и источника энергии. Иероглиф 气 [qì] имеет древние формы, отражающие его связь с природными силами и дыханием. Лингвистически ци связано с идеями жизненной энергии и воздушных потоков, что подтверждается его использованием в сложных словах, таких как 天气 [tiān qì] (погода) и 元气 [yuán qì] (жизненная сила), что подчёркивает важность этого понятия в китайском мировоззрении.

Таким образом, символ занимает уникальное место в пространстве лингвокультурологии. В зависимости от принятого методологического подхода символ интегрируется в различные системы лингвокультурных единиц, где и приобретает свою значимость. Отсутствие универсального принципа систематизации символов позволяет разрабатывать многообразные подходы для анализа символов и их значимость в различных сферах человеческой деятельности. В контексте лингвокультурного анализа изучаются такие ключевые свойства символа, как знаковость, образность (иконичность), мотивированность, многозначность, комплексность и архетипичность.

1.3. Растительные символы в русской и китайской лингвокультурах

Необходимость изучения языковых символов обуславливается тем, что за языковым знаком как культурным символом скрывается не значение, а культурное содержание с характерными векторами и измерениями культуры [Мильруд, 2013, с.

44]. Символ имеет языковое выражение, реализующееся в лингвокультурологическом пространстве.

Изучение растительных символов в русской и китайской лингвокультурах важно, поскольку оно позволяет глубже понять, как природа воспринимается и интерпретируется в различных культурах, а также как культурные традиции влияют на мировоззрение народов этих стран через язык. Кроме того, анализ растительных символов способствует лучшему пониманию межкультурных различий и сходств, а также углублению знаний о тех историко-культурных процессах, которые формировали национальные языковые и культурные особенности.

1.3.1. Растительные символы в русской лингвокультуре

Прежде чем рассматривать растительные символы в русской лингвокультуре, необходимо определить объём и значение понятия «растение». Вопросами наименований растений занимаются как биологические, так и лингвистические дисциплины, причём особый интерес вызывают их семантические, структурные и культурно-символические аспекты. Ю.Ю. Саввина отмечает, что «названия растений представляют собой особую, весьма непростую по своей структуре группу лексики». Она утверждает, что названия растений «существуют непременно в двух вариантах: народном и научном... Структура научного термина строго определена: родовое наименование и номенклатуры – родовое название.... Структура народных названий формируется носителями говора совершенно произвольно» [Саввина, 2009, с. 113]. Однако лексикографический анализ показывает, что граница между этими типами наименований может быть размыта, поскольку многие народные названия растений исторически становились основой для ботанической терминологии.

Современная лингвистика использует различные термины для обозначения растений, такие как фитоним, фитонимическая лексика, фитонимическая единица, флороним, флоронимическая лексика и другие. Среди них наибольшее внимание

уделяется понятиям «фитоним» и «флороним», которые, несмотря на схожесть, применяются в разных контекстах.

Термин «фитоним» впервые был проанализирован в лингвистике в работе А.В. Суперанской «Общая теория имени собственного» (1973), где рассматривались наименования таких растений, как Царский дуб, Дерево плача и Дуб Чародеев [Суперанская, 1973]. В 1990-х годах термин «фитоним» был зафиксирован в этимологических словарях и определён как «учёный неологизм», «искон. сложение греч. *phyton* “растение” и *онума* “имя, название”, название растения» [Шанский, Боброва, 1994].

По мнению Л.Ф. Пуцилевой, фитоним – это «лексема, обозначающая в прямом значении наименование любого объекта, принадлежащего к растительному миру» [Пуцилева, 2008, с. 31]. А.М. Гребнева отмечает следующие признаки фитонима: «1) фитоним – это языковая единица; 2) фитоним – это наименование флористического объекта или понятия; 3) фитоним – это такое наименование, которому соответствует дефиниция, чётко отражающая содержание соответствующего понятия» [Гребнева, 1984, с. 14].

Широкое толкование фитонимов также представлено в работе В.А. Масловой и М.В. Пименовой в контексте описания вегетативного кода культуры. Авторы выделяют три группы флористической лексики. Первая группа охватывает морфологические признаки растений (например, корни, ветви, листья, стебли, стволы, цветы, плоды); вторая группа описывает признаки видов растений (цветы, злаки, деревья, трава); третья группа включает признаки растительного собирательства (лес, бор, чаща, сад, нива, луг) [Маслова, Пименова, 2016, с. 98–99].

Таким образом, эти учёные придерживаются широкого понимания термина «фитоним», рассматривая его как наименование всех видов растений (деревьев, кустарников, трав, цветов, ягод, фруктов, овощей и др.), а также их органов и частей (листьев, корней, ветвей и т.д.).

В то же время существует узкое понимание термина «фитоним». Сторонники этого подхода утверждают, что к фитонимам следует относить исключительно названия цветов и трав, поскольку для обозначения деревьев и кустарников принято использовать специальный термин «дендроним» [Куликова, 2006; Ли Юецзяо, 2018].

Согласно определению в «Словаре русского языка» (1999) под ред. А.П. Евгеньевой, термин «флора» означает «растительный мир, совокупность всех видов растений какой-либо местности или геологического периода» [Евгеньева, 1999]. И.С. Куликова предлагает использовать термин «флоризм» для обозначения семантического поля растительности, который, по мнению учёного, является синонимом ботанического термина «флора» [Куликова, 2006]. Видно, что такое понимание в лингвистике считается узким.

Термин «флороним» также применяется в лингвистике, но его содержание менее строго определено. С.С. Шумбасова утверждает, что «к флоронимам относятся фразеологизмы, в состав которых входит элемент, обозначающий то или иное растение в целом (цветущее растение, ягода, фрукт и т.д.), его составную часть (листовая пластина, стебель, корень и т.д.), вид (дерево, кустарник, трава)» [Шумбасова, 2011, с. 86].

Кроме того, термин «фитонимика», согласно Ю.Д. Апресяну, понимается как «совокупность фитонимических единиц, и фитонимическая лексика, фитолексика, объединяющая все совокупности слов данного тематического пласта, включая собственно фитонимы, названия существительных частей растений, собирательных и т.д.» [Апресян, 1993, с. 19].

З.А. Камаль в своей работе использует смешанные понятия «фитоним» и «флористическая лексика». По его мнению, фитонимы, «выступая в качестве локальных, темпоральных, эмотивных, этнографических и культурных индикаторов», осуществляют в поэзии «важные смысловые функции, служат репрезентантами не только эксплицитной, но и имплицитной информации» [Камаль, 2008, с. 123]. В то же время флористическая лексика «содержит

информацию не только об окружающей природной среде, но и о взаимодействии данной культурной общности с этой средой» [там же, с. 127].

Таким образом, все эти термины включают в себя компонент «растение». В современной лингвистике нет строгого разграничения между терминами, относящимися к наименованиям растений. Многие из них используются взаимозаменяемо, что создаёт терминологическую неопределённость. В рамках настоящего исследования принято широкое понимание термина «фитоним», что соответствует подходу большинства исследователей (Л.Ф. Пуцилева, В.А. Маслова, М.В. Пименова). Под фитонимами понимаются как собирательные наименования растительности (лес, бор, луг, роща), так и обозначения конкретных видов растений (дуб, берёза, пшеница, ромашка), их частей (цветок, лист, ветка, корень) и форм (кустарник, дерево, трава).

Исследование фитонимов в лингвокультурологии позволяет анализировать их как языковые единицы, отражающие не только биологические особенности растений, но и культурные, символические значения, закреплённые в языке и народных традициях. Изучение фитонимов в России осуществляется как в рамках русского языка, так и в сопоставительном изучении с другими языками. Анализ данных языковых единиц включает их присутствие в авторских художественных текстах, а также в фразеологических и паремиологических конструкциях, что способствует глубокому пониманию культурно-исторического контекста их употребления.

Впервые растительный образ «дерево» стал предметом комплексного анализа в монографии В.В. Иванова и В.Н. Топорова [Иванов, Топоров, 1974]. Авторы рассматривают образ дерева на уровне мифопоэтического сознания людей разных лингвокультурных общностей, подчёркивая его универсальность и глубокую укоренённость в мифологических представлениях человечества. Был сделан вывод о важности и значимости данного образа как одного из фундаментальных архетипов человеческого сознания.

Значительный вклад в изучение семиотических и символических значений растений в славянских культурах внесла В.Б. Колосова, которая в своей книге исследовала народные представления и системные свойства народной ботаники. Автор подчёркивает взаимосвязь восприятия растений с другими компонентами русской картины мира, что свидетельствует об их важной роли в формировании национального мировидения [Колосова, 2009].

Важной для нашего исследования является диссертационная работа Г.А. Гольского, посвящённая изучению символики флоры в социокультурном контексте. Гольский акцентирует внимание на функциях растительных символов, способствующих формированию позитивного восприятия мира, и подчёркивает их связь с ранними представлениями о мироустройстве [Гольский, 2010]. Автор делает вывод о том, что символика растений является важным элементом формирования позитивного мировоззрения.

В монографии Т.А. Агапкиной «Деревья в славянской народной традиции: Очерки» (2019) приводится всесторонний анализ семиотической значимости деревьев и кустарников (дуб, липа, рябина, верба, сосна, ель, осина, яблоня и др.). Автор стремится создать их «портреты», исследуя взаимодействие деревьев с окружающим миром и человеком. Учёный раскрывает, что «славянский дендрарий формирует своеобразный универсум, в котором сходятся и “выясняют отношения” друг с другом человек и окружающий его мир, телесность и духовность, физиология и этика, язычество и христианство, индивид и социум» [Агапкина, 2019, с. 571].

Исследование русских фразеологизмов и паремий с компонентом-фитонимом является актуальным направлением в лингвокультурологии. М.Л. Ковшова отмечает, что «символ, уже будучи знаком какого-либо смысла, подвергается вторичной семиотизации, т.е. происходит его ‘оязыковление’» [Ковшова, 2016, с. 212]. В этом процессе фразеологизмы играют важную роль, поскольку, как подчёркивает М.Л. Ковшова, «фразеологический оборот сам по себе является знаком вторичной семиотизации». Учёный также указывает, что «возможно, в

самом начале образования самого фразеологического оборота в его в состав входят слова-компоненты, обладающие символической значимостью» [там же, с. 229]. Таким образом, в семантической структуре фразеологизма появляется символический компонент, который обогащает его культурно-языковое значение.

В работе Е.В. Пучковой исследуется национальная специфика символических значений деревьев таких, как дуб, рябина, берёза и яблоня, на материале русских фразеологизмов, пословиц и устойчивых сравнений. Анализ позволяет установить связь символики деревьев с древними мифологическими представлениями славян, а также выявить наличие как положительных, так и отрицательных коннотаций растительных символов в русских фразеологических единицах [Пучкова, 2018].

В исследовании И.Я. Пака образ дерева / растения анализируется в двух языковых сферах – коммуникативной и эстетической. Автор строит образные семантические поля, объединённые общим компонентом «растение», подчёркивая, что растения как реальные объекты активно участвуют в создании образных ситуаций, становясь основой для метафорического переосмысления признаков различных предметов и явлений [Пак, 2006].

Также изучены конкретные образы цветущих растений в русской языковой картине мира. В исследовании Е.В. Огольцевой рассматривается функционирование флоронимов василек и колокольчик в сфере образной деривации и в системе образных сравнений. В результате выявлено, что «обе номинации символизируют такие духовные ценности, как скромность, нравственная чистота, доверие и верность, надежда на будущее и светлые воспоминания о милом сердцу прошедшем» [Огольцева, 2023, с. 115].

Отмечены лексико-семантические и функциональные особенности фитонимической лексики в индивидуально-авторских картинах мира, например, в лирике С.А. Есенина [Камаль, 2011] и в прозе Е.И. Носова [Дьяченко, 2010].

Особое место в изучении символики растений занимают сопоставительные исследования, которые играют важную роль для понимания национально-

культурных особенностей восприятия и отражения окружающей действительности в языке. Такой подход позволяет раскрыть не только универсальные, но и уникальные особенности символического осмысления растений в разных лингвокультурах. В сравнительном аспекте были изучены концепты, связанные с образом дерева, в рамках русской и вьетнамской [Чан Тхи Нау, 2011], русской, английской и татарской [Исрафилова, 2012], русской и чувашской [Борисова, 2014], а также русской и якутской лингвокультур [Павлова, Данилова, 2020].

В исследовании Чан Тхи Нау сопоставляются культурные константы «берёза» (русская культура) и «бамбук» (вьетнамская культура). Автор разрабатывает методику интерпретации русской культурной константы для вьетнамской аудитории, учитывая межкультурные особенности восприятия. В диссертации Д.Ш. Исрафиловой проводится многоаспектный анализ содержательных характеристик концепта «дерево», представленного в художественных текстах, фразеологической системе и ассоциативных полях английского, русского и татарского языков. Л.В. Борисова выявляет сходство и различия в символическом осмыслении деревьев (дуб, липа, осина, берёза, клён, рябина, сосна, яблоня, ива) в русской и чувашской лингвокультурах. Исследование И.П. Павловой и Р.А. Даниловой демонстрирует, что русская и якутская культуры имеют общую культурную черту – символ Мирового древа как воплощение Древа жизни.

Исследования национально-культурной специфики растений также проводились на материале русской и сербской [Велькович, 2022], славянской, немецкой и тюркской [Сетаров, 2000], русской и испанской [Мусаева, 2005], русской и английской лингвокультур [Панкова, 2009].

Сравнительные когнитивно-лингвокультурологические исследования фитонимов также осуществлялись на материале русского и адыгейского [Хатхе, 2010], а также русского и немецкого языков [Юрченкова, 2018]. А.А. Хатхе выявляет специфику использования фитонимов (калина, малина, виноград) в фольклорной картине мира, отмечая их тесную связь с эмоциональным восприятием действительности. Е.Ю. Юрченкова фокусирует внимание на

особенностях русской и немецкой отзоонимной фитонимики, демонстрируя параллели и различия в парадигматической организации этих языков.

Особо следует отметить сопоставительное изучение русских и китайских фитонимов, представленное в современной диссертационной практике. Так, в диссертации Ли Юецзяо фитонимы узко трактуются как наименования цветов и трав. Автором разрабатывается методика обучения китайских студентов-филологов, направленная на овладение ассоциативным, оценочным и символическим потенциалом фитонимов, что позволяет обучающимся адекватно интерпретировать образные средства языка [Ли Юецзяо, 2018].

Нань Яньхуа проводит лингвокультурологический анализ русских пословиц и поговорок с фитонимическими компонентами в сравнении с китайским и корейским языками, выявляя лингвокультурные лакуны в представлениях о растениях, а также различия в ценностных предпочтениях народов [Нань Яньхуа, 2022].

В работе Сунь Юйно рассматриваются русские и китайские фразеологизмы, паремии и фольклорные тексты с компонентами-фитонимами (ива, сосна, осина, берёза, бамбук). Автор проводит ассоциативный эксперимент с участием 100 русских и 100 китайских информантов, который позволил выявить культурно-специфические коннотации этих фитонимов в сознании носителей обеих культур [Сунь Юйно, 2023].

1.3.2. Растительные символы в китайской лингвокультуре

Систематическое изучение символов в современной китайской культуре началось сравнительно поздно. Первым крупным трудом, посвящённым символике в китайской культуре, стал «Словарь символов китайской культуры» (1990), составленный американским синологом В. Эберхардом [爱伯哈德, 1990]. В этом словаре содержится более четырёхсот терминов, относящихся к различным сферам

китайской традиции, включая животных, растения, числа, цвета, обычаи, верования и мифологические образы. Эти символы отражают основные ценности китайского общества: стремление к долголетию и здоровью, достижению высокого социального статуса, карьерного роста, а также желание иметь многочисленное потомство. Однако работа В. Эберхарда имеет ряд недостатков: не все символы представлены полно, а некоторые их интерпретации оказываются неточными в силу культурных и языковых различий автора. Например, в словаре утверждается, что из-за омофонии слов «болезнь» (病 [bìng]) и «яблоко» (苹 [píng]) в Китае не принято дарить яблоки больным, что не соответствует действительности, поскольку яблоко ассоциируется с миром и благополучием, а не с негативными значениями.

В 1991 году китайские учёные под руководством Лю Сичэна и Ван Вэньбао выпустили «Словарь китайских символов», который стал первой систематической работой китайских учёных в данной области. Хотя в этом издании не было представлено точного определения символа, авторы классифицировали культурные символы, выделив две основные концептуальные системы: «систему символов, связанных с представлениями о благополучии и счастье; систему символов, отражающих идеи размножения и продолжения рода» [刘锡诚, 王文宝, 1991].

В 1995 году был опубликован ещё один значимый труд – монография «Теория литературного символизма», написанная Янь Юньшоу и Ли Фэнцзе. Эта работа, объём которой составил 300 тысяч иероглифов, заложила основы теоретических исследований символизма в Китае и во многом восполнила недостаток фундаментальных исследований в данной области [严云受, 刘锋杰, 1995].

Несмотря на растущий интерес китайских учёных к символизму, долгое время исследования ограничивались изучением частных аспектов символики, без создания всеобъемлющих работ по культурным символам. Ситуация изменилась в 2001 году, когда Цзю Юэши и Цюй Минань опубликовали «Китайскую символическую культуру» [居阅时, 瞿明安, 2001]. Данное издание рассматривает

китайскую культуру как единую символическую систему и анализирует её с позиций различных дисциплин – семиотики, истории, культурной антропологии, фольклористики, искусствоведения, эстетики и философии. Авторы исследуют символику в религии, «Книге перемен» («Ицзин»), снах, языке и письменности, литературе, искусстве, архитектуре, ландшафтном дизайне, народных традициях и талисманах.

Посредством сплошного анализа китайских академических источников было выявлено 10 кандидатских диссертаций, посвящённых лингвистическому изучению растений. Из них 5 работ исследуют растительную лексику, её образность и метафорические значения в китайском языке; 2 диссертации сосредоточены на анализе символики отдельных видов деревьев (сосны и кипариса) в традиционной китайской культуре и древнекитайской литературе; 2 исследования являются сравнительными и посвящены анализу растительной лексики и метафор в английском и китайском языках; 1 работа рассматривает сопоставление растительных метафор во вьетнамском и китайском языках.

Диссертационная работа Цзя Цзюня представляет собой комплексное исследование растительных образов в китайской культуре. Автор рассматривает их через пять ключевых характеристик: универсальность, различие, развитие, конвергенция и косвенность. Работа рассматривает универсальность растительного образа, отмечая, что форма, цвет, поза, структура органов, аромат и даже вкус растений могут стать основой для создания метафорических образов, обладающих символическим значением. Например, русские выражения «нос *картошкой*» ('о широком, толстом книзу носе'), «уши как *лопухи*» ('о людях с большими ушами'). Эволюция символики растений в связи с изменениями эстетических предпочтений и мировоззрения различных эпох. Конвергенция образов проявляется через ассоциации растений с циклами их роста и цветения, например, сосна и кипарис как вечнозелёные растения символизируют долговечность и устойчивость. Важной частью работы является разработанная автором «Система групп растительных образов» (2011), где растения классифицируются по символическим группам,

отражающим их материальную и психологическую значимость, а также влияние исторических, этнических, социальных и религиозных факторов [贾军, 2011].

Исследование Ши Жуньхуна посвящено анализу роли растительных образов в литературе эпохи династии Тан. Автор выделяет три ключевых аспекта:

- использование растений в поэзии – символика времён года и эмоциональных состояний, закреплённая в жанрах классической китайской лирики;
- растительные ландшафты в художественной прозе – особое внимание уделяется описаниям зелёных насаждений в духовных и архитектурных комплексах, а также озеленению почтовых маршрутов и общественных пространств;
- географические факторы в литературном восприятии растений – влияние природных условий на настроение и художественное воображение литераторов эпохи Тан, в частности, различия между южной и северной флорой.

Исследование раскрывает тесную взаимосвязь между литературным творчеством и природным контекстом, предоставляя ценные сведения о культурной истории периода [石润宏, 2017].

Ван Линъюнь анализирует изменения в символической и метафорической репрезентации растений («деревья», «травы», «цветы» и «злаки») в китайской поэзии с древности до наших дней. Основное внимание уделяется:

- риторическим стратегиям и языковым особенностям образов растений в поэтических произведениях;
- их связи с духовными и социальными аспектами китайского общества;
- перспективам развития растительной поэтики, переходу от традиционных морально-этических интерпретаций к более открытому и многозначному стилю символизации [王凌云, 2017].

Диссертация Сю Юань представляет глубокий анализ синонимии растительных названий в китайском языке, выделяя факторы, способствующие возникновению синонимии, и проводя анализ словообразования как составных, так

и одноморфемных слов в ботанике. Исследование включает сравнение синонимичных и официальных названий, а также анализирует различия в названиях с диахронического и синхронического подходов и между северными и южными регионами, что позволяет углубить понимание характеристик растительных синонимов. В пятой главе рассматриваются культурные значения этих синонимов как культурных артефактов, отражающих значимые культурные особенности, в том числе религиозные и мифологические контексты. Шестая глава представляет комплексный анализ двенадцати ботанических названий, подчёркивая многоуровневую структуру и значимость культурных и лингвистических аспектов в синонимии растительных названий [徐媛, 2018].

Диссертация Дин Янь представляет системный анализ семантики растительных наименований и их культурно-когнитивных значений. В работе рассматриваются структурные и семантические закономерности китайской фитонимической лексики; взаимосвязь между языковой картиной мира и культурной идентичностью китайского народа; универсальные и уникальные черты китайской фитонимии. Особое внимание уделяется тому, как растительная лексика отражает ключевые национальные ценности и традиционные представления о мире [丁艳, 2020].

Две диссертации рассматривают символическое значение сосны и кипариса, их эстетические, моральные и философские аспекты. Ли Ли исследует сосну и кипарис как объекты эстетического восприятия, переходящие от чувственного восприятия к духовному, что ведёт к рациональному мышлению и духовному очищению. Сосна и кипарис ассоциируются с моральными идеалами, становясь символами национальной идеологии ценностными установками [李莉, 2005]. Ван Ин подчёркивает роль сосны и кипариса в древнекитайской литературе, акцентируя внимание на их символическом значении в траурной тематике и культуре поминовения предков. В работе подчёркивается, что эти деревья ассоциируются с защитой ушедших поколений, выражая глубину почтения и памяти [王颖, 2012].

В своём исследовании Чэнь Ин-жун анализирует влияние философских, культурных и лингвистических факторов на формирование и восприятие растительных метафор в англо-китайском межъязыковом пространстве. Исследование посвящено проблемам интерпретации метафор носителями китайского языка, изучающими английский язык как иностранный. Автор разрабатывает модель межкультурного понимания англо-китайских растительных метафор и анализирует их структурные особенности, выявляя ключевые затруднения в процессе их освоения [陈映戎, 2012].

Чэнь Хуэй рассматривает растительную лексику через призму когнитивной лингвистики, культурной семантики и прагматики, подчёркивая влияние чувственного восприятия и культурного опыта на формирование метафорических значений. Исследование демонстрирует различия в сочетаемости и грамматических характеристиках английской и китайской растительной лексики. Например, слово «*rose*» в английском языке может использоваться как в буквальном смысле (название цветка), так и в метафорическом значении (символ любви, красоты или тайны, как в выражении «*under the rose*»). Различные сочетания с этим словом, такие как «*rose garden*», «*rose-colored glasses*», «*a bed of roses*», подчёркивают широкий диапазон его переносных значений [陈晦, 2012].

Во Тхи Май Хоа проводит классификацию растительных метафор в китайском и вьетнамском языках, уделяя особое внимание полисемии и метафорическому переходу растительных существительных в прилагательные, глаголы и числительные. Автор отмечает, что, несмотря на общие когнитивные модели, в китайском и вьетнамском языках существуют различия в семантических ассоциациях и выборе метафорических объектов [武氏梅花, 2014].

Кроме кандидатских диссертаций, было выявлено 78 магистерских диссертаций, посвящённых растительной символике в китайской культуре. Среди них 35 работ анализируют символику растений, их образы и метафоры, а также их применение в преподавании китайского языка как иностранного. 43 диссертации

относятся к сравнительно-сопоставительной лингвистике, в том числе: 18 исследований посвящены сравнению растительных метафор и номинаций растений в китайском и английском языках; 12 анализируют сопоставление растительных символов в китайском и русском языках; 13 затрагивают растительную символику в контексте китайского языка и других языков мира.

Некоторые магистерские работы фокусируются на анализе растительных образов в китайской литературе. Например, Сунь Ин исследовала символику персика, сливы, гибискуса и лотоса в китайской классической поэзии на примере «Ши-цзин» [孙莹, 2002]. Ци Шэнь рассматривал связь растительных символов с древнекитайскими ритуалами [齐慎, 2006]. Цю Мэй анализировала растительные образы, такие как сосна, бамбук, дерево утун и тыква-горлянка, раскрывая влияние группы растительных образов из «Ши-цзин» на последующую литературу [邱美, 2008].

Отдельное внимание уделяется анализу романа «Сон в Красном тереме». В исследовании Тао Юлиань растительные образы используются для символизации персонажей и их социального статуса. В частности, в эпизоде, где Линь Дайю хоронит цветы, образ персиковых цветов используется для символизации её трагической судьбы, акцентируя на её чувствительности и предчувствии собственной гибели [陶友莲, 2012]. Юй Сяолин анализирует цветочные и травянистые образы в романе, подчёркивая, что эти образы не только помогают создать полноценные характеры персонажей и сложные обстановки их жизни, но и способствуют развитию сюжета, намекая на судьбы персонажей [喻晓玲, 2018].

Отдельные исследования фокусируются на анализе фитонимических образов в различных династиях. Например, в работе Пэн Хайлин рассматриваются персонификация и символизация травы в танской поэзии, что широко используется в таких тематиках, как прощания, путешествия, женские жалобы, траур по умершим, уединение, застолье, философские размышления и природные пейзажи. Символический образ травы выражает множество чувств танских литераторов,

таких как печаль от разлуки, ностальгия по родным местам, горе от одиночества и неудач, скорбь по прошлому и настоящему, стремление к спокойствию и уединению, а также жизненный оптимизм [彭海玲, 2014].

В магистерских работах сопоставительный анализ китайского и английского языков в основном посвящён растительной метафоре, в том числе мотивам дерева, цветка и травы. Некоторые из работ сосредоточены на метафоре типичных отдельных видах растений, таких как подсолнечник, лилия, персиковый цветок и роза [朱俊蓉, 2016].

Обнаруженные магистерские диссертации, посвящённые сопоставительному анализу растений в русском и китайском языках, делают акцент на такие аспекты, как номинация растений [包佳瑞, 2020; 李坤, 2012; 李万军, 2016], растительные метафоры [娜佳, 2013; 张晗, 2020; 张桐, 2021], растительная лексика [李磊, 2024; 闵彦琳, 2024], литературный перевод с китайского на русский [王娜, 2022; 房佳潼, 2021], культурная коннотация [隋真, 2016] и концепт дерева [李佳, 2015].

Кроме того, представлено множество журнальных статей и монографий, посвящённых изучению растительных образов в лингвистике и литературе. Цуй Люцин сосредоточился на двух типах ботанических образов: ива и трава, ассоциируемых с разлукой [崔柳青, 2007]. Были проведены специальные исследования по лотосу, орхидее, хризантеме и бамбуку, где учёные подчёркивали значимость этих специфических растительных образов в литературе династии Тан.

Учёные Лю Гуанчжунь, Хуан Сухуа и У Гохуа рассматривают связь растений с религиозными верованиями и мифическими легендами. Их исследования раскрывают, как люди проецируют свои эмоции на растения, используя их для выражения своих эстетических чувств и эмоционального восприятия [刘光准, 黄苏华, 2001; 吴国华, 2003].

Как видно, растения составляют важную часть картины мира, при этом современные исследования растительных символов в русской и китайской культурах охватывают широкий спектр тем, включая их когнитивно-

лингвистический анализ, культурные коннотации и сопоставление растительной метафоры и символики в разных языках.

Однако выявленные исследования демонстрируют, что, во-первых, большая часть китайских работ посвящена анализу отдельных растительных видов (сосна, кипарис, лотос, орхидея, хризантема, бамбук и т.д.); во-вторых, в настоящее время в Китае отсутствуют кандидатские диссертации, где бы символическое осмысление растений анализировалось в сопоставительном контексте русской и китайской лингвокультур. Это свидетельствует о важности дальнейших исследований в данной области, что придаёт актуальность проводимому анализу и способствует развитию сравнительной лингвокультурологии.

Выводы по главе 1

Природа, включая растительный мир, служит важнейшим источником эстетического вдохновения. Анализируя русские и китайские растительные образы в различных областях искусства и литературы, таких как музыка, живопись, ювелирное искусство, текстильный дизайн и поэзия, обнаруживается эстетическое осмысление определённых растений в обеих странах.

Утилитарное осмысление растений включает оценку их практической пользы и функционального значения для человека и общества. Растения широко используются в пищевой культуре, на праздничных мероприятиях, в прядильной культуре, строительстве и народной медицине как в России, так и в Китае.

Ботаника как наука о растениях прошла долгий путь развития от накопления эмпирических знаний в древности до современных молекулярных исследований. За это время были сформулированы ключевые научные знания и принципы, лежащие в основе изучения растительного мира.

Растения как лингвокультурный концепт отражают систему ценностей национально-лингвокультурного сообщества. Как предмет лингвокультурного анализа символ заслуживает особого внимания благодаря своему ценностно-

смысловому компоненту. Всестороннее исследование символа в лингвокультурном контексте позволяет выявить его основные свойства, такие как знаковость, образность (иконичность), мотивированность, многозначность, комплексность и архетипичность.

Наш обзор научной литературы показывает, что текущие работы по исследованию растений в основном сосредоточены на анализе конкретных видовых растительных образов, в то время как общий диапазон растительного мира изучен менее полно. Сопоставительное освещение символизации растений в русском и китайском языковом сознании требует дальнейшего изучения, поскольку в настоящее время в Китае отсутствуют кандидатские диссертации, где бы символическое осмысление растений анализировалось в сопоставительном контексте русской и китайской лингвокультур. В таком случае наше исследование имеет определённое значение и способствует межкультурной коммуникации между носителями русского и китайского языков.

ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ СИМВОЛИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ РАСТЕНИЙ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Древние люди считали, что дерево – это живое существо, как человек, имеет эмоцию, мысль и даже язык. Дерево соотносится с человеком по внешним признакам: ствол – туловище, корни – ноги, ветки – руки, сок – кровь и т.п. [Пучкова, 2018, с. 263]. Представление о соотнесённости дерева с человеком отражает метафорическое и символическое осмысление растений в человеческом сознании.

Растение как лингвокультурный концепт изучается как в русском, так и в китайском языках. Особый интерес вызывает изучение концепта на лексико-фразеологическом уровне языка, поскольку «на нём наиболее очевидно и естественно фиксируются в знаковой форме артефакты материальной и духовной культуры человека, в целом отражаются ценностные ориентации того или иного социума, система его моральных, этических и эстетических предпочтений, отражающих особенности менталитета конкретного народа» [Молчанова, Тарбеева, 2007, с. 49].

2.1. Методика отбора фразеологизмов и паремий и принципы их классификации

Проведён сопоставительный анализ растительных символов на основе ФЕ и ПЕ с растительными компонентами в контексте двух несхожих языков – русского и китайского. О.А. Леонтович отмечает, что «наиболее эффективным путём ‘вычитывания’ национально-специфических концептов из языков является их межъязыковое сопоставление» [Леонтович, 2005, с. 111]. При этом концепты могут иметь различные языковые экспликации в зависимости от культурно-исторического контекста и особенностей языкового сознания носителей того или иного языка.

Концепт может быть представлен в языке на разных уровнях. В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин подчёркивают, что «к одному и тому же концепту можно

апеллировать при помощи языковых единиц различных уровней (лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаний, предложений, морфем, словоформ)» [Карасик, Слышкин, 2001, с. 78]. В данном исследовании концепт «растение» рассматривается через призму его фразеологической и паремиологической репрезентации в русском и китайском языках.

Фразеологические и паремиологические единицы с компонентом-фитонимом являются важным инструментом для анализа восприятия человеком окружающего мира. Они фиксируют не только семантические, но и концептуальные особенности языка и культуры, передавая стереотипные представления, ценностные ориентации и национальные архетипы.

Различные исследователи трактуют фразеологизм по-разному. В русской традиции начало научного осмысления фразеологии связано с трудами В.В. Виноградова, который выделил четыре типа фразеологических единиц: «фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения» [Виноградов, 1947]. По мнению В.А. Масловой, «фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы» [Маслова, 2004, с. 80].

В.С. Ожегов определяет фразеологизм как «устойчивый оборот речи; идиому» [Ожегов, 2019, с. 1282], тогда как А.В. Кунин уточняет, что фразеологизмами являются «устойчивые сочетания слов с полностью или частично переосмысленным значением» [Кунин, 2005, с. 31]. Согласно Н.Ф. Алефиренко, «фразеология (или фраземика) изучает устойчивые сочетания слов с полностью или частично переосмысленным значением (осложнённой семантикой)» [Алефиренко, Семененко, 2009, с. 6]. По мнению Е.В. Огольцевой, устойчивые выражения, «являясь органической частью фразеологического состава языка, отличаются целым рядом специфических свойств, которые проявляются и в качественно иных

семантических связях компонентов, и в особых структурно-семантических моделях, и в приёмах авторской трансформации» [Огольцева, 2014, с. 40].

А.Н. Мартынова даёт определение пословицы как «народные речения, в которых отражён многовековой социально-исторический опыт народа, имеющие устойчивую, лаконичную, ритмически организованную форму и поучительный смысл» [Мартынова, 1986, с. 6]. Поговорка же «украшает речь, придаёт ей красоту и наглядность, делает видимым, зримым то, о чём идёт речь, а пословица придаёт ей законченность, завершённость и эмоциональную окрашенность» [Мартынова, 1986, с. 9]. Согласно О.Б. Абакумовой, пословица понимается как «замкнутая предикативная единица гибридного типа, совмещающая признаки языкового знака и мини-текста, как оценочное суждение, используемое в речи для достижения разных коммуникативных целей и реализации соответствующих коммуникативных стратегий» [Абакумова, 2010, с. 105].

Существует дискуссия о том, что следует ли включать пословицы и поговорки в состав фразеологии. Н.М. Шанский относит к фразеологическим единицам не только идиомы, но и пословицы, поговорки, присловья, крылатые слова и афоризмы [Шанский, 1996, с. 3]. Однако некоторые исследователи не относят пословицы и поговорки к фразеологии. В работе «Славянская фразеология» (1980) В.М. Мокиенко приводил аргументы в пользу выделения паремиологии в самостоятельную дисциплину, изучающую пословицы и поговорки как отдельный феномен. [Мокиенко, 1980]. В.П. Жуков также подчёркивал их самобытность, отмечая, что пословицы выражают законченную мысль и имеют замкнутую структуру [Жуков, 1986].

В настоящем исследовании рассматриваются ФЕ и ПЕ с фитонимическим компонентом как средство отражения человеческих характеристик. Сопоставление русских и китайских ФЕ и ПЕ с фитонимами позволяет выявить как универсальные закономерности символизации растений, так и национально-специфические особенности их семантики.

С одной стороны, выбранные нами ФЕ и ПЕ были проанализированы по критериям семантических значений единиц. В нашем исследовании проводится системный анализ различных аспектов человеческих характеристик, таких как внешность, физическое состояние, жизненные условия, эмоции, ум, речь, моральные качества и другие.

Таким образом, посредством сплошной выборки были отобраны 1766 ФЕ и ПЕ с элементом растений, обозначающие черты характера человека, в том числе 744 русские (см. Приложение А) и 1022 китайские (см. Приложение Б).

Толкования русских ФЕ приведены в соответствии со следующими словарями: «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» [Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998], «Большой фразеологический словарь русского языка» [Брилева, 2009], «Фразеологический словарь русского языка. Свыше 4000 словарных статей» [Молотков, 1968], «Фразеологический словарь русского языка» [Тихонов, 2007], «Фразеологический словарь русского литературного языка» [Фёдоров, 2008]. Толкования китайских ФЕ основаны на таких словарях, как «Большой словарь идиом китайского языка» [王兴国, 2016], «Большой словарь китайских идиом Чжунхуа» [刘万国, 侯文富, 1999], «Большой словарь китайских идиом Чжунхуа» [郑薇莉, 周谦, 2009], «Словарь китайских идиом» [赵英, 2006], «Словарь чэньюй Синьхуа» [商务印书馆, 2002].

Русские ПЕ были выбраны из следующих словарей: «Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор» [Аникин, 1957], «Пословицы и поговорки русского народа» [Даль, 1998], «Словарь русских пословиц и поговорок» [Жуков, 2000], «Большой словарь русских поговорок» [Мокиенко, 2007], «Русские народные пословицы и поговорки» [Сорокин, 2021]. Китайские ПЕ – из: «Изысканные пословицы, поговорки и сехоуэй» [王志刚, 2015], «Большой словарь китайских афоризмов» [温端政, 2008], «Большой словарь китайских устойчивых выражений» [温端政, 2011], «Большой словарь китайских поговорок» [温端政, 2011], «Большой словарь китайских пословиц» [温端政, 2011].

В отличие от ФЕ, толкования ПЕ даны автором диссертации самостоятельно и приведены в авторской редакции.

Анализ языкового материала позволяет выделить пять категорий ФЕ и ПЕ с растительными компонентами:

- **«физические характеристики человека»** (внешний облик, физическое состояние, походка и манеры);
- **«социальные характеристики человека»** (семейные отношения, жизненные условия, социальный статус и отношения, социальное поведение);
- **«эмоционально-оценочные характеристики человека»** (положительные и отрицательные эмоции и оценки);
- **«интеллектуальные характеристики человека»** (умственная деятельность, речевая деятельность, опыт и знания);
- **«моральные характеристики человека»** (положительные и отрицательные моральные качества).

Следует отметить, что при отборе ФЕ и ПЕ, отражающих эмоционально-оценочные характеристики человека, были выявлены некоторые единицы, которые включены в подгруппу как с положительной, так и с отрицательной оценкой. Эти ФЕ и ПЕ выражают амбивалентную эмоциональную оценку. С точки зрения психологии под амбивалентностью понимается противоречивое эмоциональное состояние [Ребер, 2003, с. 37] или одновременное эмоциональное проявление положительных и отрицательных установок, склонностей [Петровский, Ярошевский, 1990, с. 18]. Амбивалентная эмоциональная оценка проявляется в одновременном восприятии положительных и отрицательных эмоций по отношению к другому индивиду, предмету либо явлению. Например, выражения *«хрен восемь на семь»*, *«хрен в пятку»* могут выражать удивление, восхищение, а также возмущение или негодование. Таким образом, эти выражения включены как в подгруппу «положительные эмоции и оценки», так и в подгруппу «отрицательные эмоции и оценки».

С другой стороны, отобранные нами русские и китайские ФЕ и ПЕ также могут быть классифицированы по содержащимся в них растительным элементам. По этому принципу классификации была сформирована картотека, включающая 1907 ФЕ и ПЕ с составом растения, отражающих человеческие характеристики, при этом 783 русских единицы и 1124 китайских. Так, для анализа были выделены четыре категории единиц с растительными компонентами:

- **«совокупность растений»** (поросль, лес, бор, роща и др.);
- **«общие типы растений»** (дерево, трава, куст, гриб и др.);
- **«конкретные виды растений»** (виды растений, виды деревьев и виды цветов и др.);
- **«органы и части растений»** (общие составляющие растений, типы плодов, плоды и ягоды различных растений и др.).

Внимание уделяется тому, что количество ФЕ и ПЕ, отобранных по семантическим значениям единиц и по наличию в их составе растительных компонентов, не совпадает. Это различие обусловлено методикой подсчёта единиц, при которой происходит повторный учёт в анализе на основании принципа включения растительных компонентов. Некоторые единицы, содержащие более одного типа растительных компонентов, могут подвергаться повторному отбору. Например, пословица *«яблоко от яблони недалеко падает»* включает два различных типа фитонимических элементов: «яблоко», относящееся к плодам растений (к категории «органы и части растений»), и «яблоня», относящаяся к видам деревьев (к категории «конкретные виды растений»). Примером в китайском языке служит ФЕ *树大根深* [shù dà gēn shēn] (букв. «большие деревья с глубокими корнями», обр. «великая сила и высокая репутация»), в которой содержатся два фитонимических компонента: «дерево» (к категории «общие типы растений») и «корень» (к категории «органы и части растений»).

2.2. Классификация русских и китайских фразеологизмов и паремий с растительными компонентами, отражающих человеческие характеристики

Как упоминалось выше, анализ языкового материала выявляет следующие семантические категории русских и китайских ФЕ и ПЕ с растительными компонентами: физические, социальные, эмоционально-оценочные, интеллектуальные и моральные характеристики человека. Далее рассмотрим каждую из предлагаемых категорий и выявим символическое осмысление растений в русской и китайской лингвокультурах.

2.2.1. Физические характеристики человека, отражённые в русских и китайских фразеологизмах и паремий с растительными компонентами

Первая категория «физические характеристики человека» подразделяется на такие подгруппы, как «внешний облик», «физическое состояние» и «походка и манеры».

2.2.1.1. Внешний облик

Многие русские ФЕ описывают внешние особенности человека, в том числе отдельные части лица человека (лицо, нос, глаза и т.д.). Форма, цвет и рост растений, как и их отдельных частей, активно используются в русской фразеологии в качестве основы для создания образных сравнений, характеризующих внешность человека.

Форма и внешний вид растений становятся метафорической основой для обозначения особенностей телосложения. Например, слово «тростинка» вызывает ассоциации с худобой и хрупкостью, что отражается в таких ФЕ, как «тонкий как

тростинка», «ноги как *тростинки*». Для описания стройной фигуры человека используются выражения «*стройный как кипарис*», «*стройный как пальма*».

Названия плодов некоторых растений также приобретают переносные значения, основанные на визуальном сходстве плодов с отдельными частями человеческого тела. Например, ФЕ «*глазное яблоко*» обозначает шарообразное тело глаза. Выражение «*нос картошкой*» характеризует нос с широкой формой, утолщающийся книзу. О людях с большими ушами говорят «*уши как лопухи*», сравнивая размер ушей с крупными листьями этого растения.

Отдельного внимания заслуживает ФЕ «*адамово яблоко*», обозначающая выступ гортани (кадык) у мужчин. Происхождение этой ФЕ связано с библейским сюжетом о запретном плоде, проглоченном первым человеком Адамом. «Судя по многочисленным легендам, не только славянским, разумеется, кадык – это то самое яблоко, которое Ева дала Адаму: от страха (что его увидел или может увидеть Бог) он проглотил яблоко или подавился им, и оно в конце концов застряло у него в горле» [Агапкина, 2019, с. 363].

Некоторые ФЕ построены на основе цветовых ассоциаций с растениями. Так, выражение «*чёрный как смоль*» указывает на чёрные волосы, «*как маков цвет*» означает румянец, яркий цвет лица, а «*брови как лён*» описывает почти белые брови.

В диалектной речи встречаются ФЕ с компонентом «репа», например, «*репа на голове вырастает*», «*хоть репу сади (сей)*», употребляющиеся для характеристики неряшливого и неопрятного человека [Мокиенко, Никитина 2007]. Эти идиомы метафорически связаны с представлением о грязных волосах, настолько запущенных, что в них могли бы прорасти семена овощей.

В китайской культуре худощавый человек метафорически сравнивается с сухим деревом, что отражено во фразеологизме *形如槁木* [xíng rú gǎo mù] (букв. «тело, подобно сухому дереву»). Для характеристики людей низкого роста с избыточной массой тела используется выражение *矮冬瓜* [ǎi dōng guā] (букв.

«карликовая зимняя тыква»), а выражение 蒜头鼻 [suàn tóu bí] (букв. «нос, похожий на головку чеснока») обозначает широкий и толстый книзу нос.

Цветок традиционно ассоциируется с нежностью, красотой и привлекательностью. Например, 如花似玉 [rú huā sì yù] (букв. «красивый как цветок и яшма») и 花容月貌 [huā róng yuè mào] (букв. «лицо прекрасное, как цветок, и светлое, как луна»), которые подчёркивают женскую красоту.

Каноническими символами женской красоты в китайской культуре выступают четыре исторические фигуры: Си Ши (西施 [xī shī]), Ван Чжаоцзюнь (王昭君 [wáng zhāo jūn]), Дяочань (貂蝉 [diāo chán]) и Ян-гуйфэй (杨玉环 [yáng yù huán]). Их легендарная красота запечатлена во фразеологизмах 沉鱼落雁 [chén yú luò yàn] (букв. «плавающая рыба тонет вглубь, парящий гусь падает на землю») и 闭月羞花 [bì yuè xiū huā] (букв. «затмить луну и посрамить цветы»), которые описывают чрезвычайную красоту, способную потрясти даже природу. Посредством гиперболлизации подчёркивается феноменальная женская привлекательность.

Помимо этого женская красота описывается множеством фразеологизмов, содержащих фитонимы, такие же как ива, персик, абрикос и т.д. Тонкие брови сравниваются с листьями ивы: 柳叶弯眉 [liǔ yè wān méi] (букв. «брови изогнуты, как листья ивы»). Розовое лицо сопоставляется с цветами персика: 人面桃花 [rén miàn táo huā] (букв. «лицо прекрасное, как цветы персика»). Идея «женщина красивее цветов» отражена в ФЕ 桃羞杏让 [táo xiū xìng ràng] (букв. «цветы персика и абрикоса чувствуют стыд и вынуждены отступить»).

Отдельного внимания заслуживает лотос, который является одним из ключевых растительных образов китайской культуры и олицетворяет чистоту, благородство и утончённость. В китайском языке лотос имеет несколько красивых названий: 荷 [hé], 莲 [lián], 芙蓉 [fú róng] и др. Лицо женщины уподобляется цветку лотоса, к примеру, ФЕ 柳腰莲脸 [liǔ yāo lián liǎn] (букв. «талиа гибкая, как

ива, лицо нежное, как лотос») и *远山芙蓉* [yuǎn shān fú róng] (букв. «брови как далёкие горы, лицо как цветок лотоса»), подчёркивающие эстетическое совершенство женской внешности.

Несмотря на редкость растительных метафор в описании мужской внешности, в китайском языке существует ФЕ, характеризующая привлекательного и талантливого мужчину: *玉树临风* [yù shù lín fēng] (букв. «нефритовое дерево перед ветром»). Ещё один пример связан с легендарной личностью Пань Аня, государственного деятеля и литератора периода Западной Цзинь (265–316 гг. н.э.), известного своей исключительной внешностью. Согласно древней легенде, когда Пань Ань проезжал на повозке по улице, восхищённые женщины всех возрастов в восторге от его красоты забрасывали его повозку фруктами, выражая таким образом свою симпатию. Впоследствии появилась идиома *掷果潘安* [zhì guǒ pān ān] (букв. «забрасывать фруктами Пань Аня») для описания красивого мужчины.

2.2.1.2. Физическое состояние

В окружающем мире большинство явлений и объектов проходят через характерные стадии, такие как зарождение, развитие, расцвет и увядание. Данные этапы жизненного цикла находят отражение во фразеологизмах и поговорках с фитокомпонентами, иллюстрируя культурное восприятие жизненных состояний.

Цветение растений традиционно ассоциируется с расцветом жизненных сил человека, что нашло отражение в устойчивых выражениях русского языка, таких как «*во цвете лет*» или «*в расцвете сил*», означающих состояние максимальной активности, здоровья и жизненных возможностей человека. Поскольку цветок рассматривается как высшая точка развития растения, наиболее совершенная и эстетически привлекательная его часть.

Растительные образы также используются для характеристики старости и дряхлости. Например, выражение «*божий одуванчик*» первоначально возникло в

профессиональной медицинской речи во времена эпидемий сыпного тифа, когда больным обривали головы для профилактики распространения паразитов. На вновь отрастающих седых волосах, по ассоциации с лёгким и пушистым одуванчиком, появилось это ироничное обозначение пожилого, слабого человека. Со временем фразеологизм закрепился в языке и приобрёл устойчивое значение пожилого, немощного человека.

Помимо одуванчика, в русском языке используются и другие фитонимы для характеристики старости и физической слабости человека. Примеры включают ФЕ: «старый *гриб*», «*морковь беззубая*», «*считать горох*», «*падает через былинку*».

Некоторые деревья в русской культуре устойчиво ассоциируются со смертью. Так, берёза традиционно высаживается у могил, и в русских преданиях она символизирует души умерших, будучи тесно связанной с загробным миром. В ряде фразеологизмов употребляется уменьшительная форма «берёзка», например, «до *берёзки*» ('до самой смерти'), «любить до самой *берёзки*» ('любить до самой смерти'). В Псковской области встречаются ФЕ «*лечь под берёзки*» и «*положить под берёзки*», которые означают смерть или погребение.

В русской фразеологии широко представлен также образ **дуба**. Несмотря на его общую символику силы и крепости, в некоторых фразеологизмах дуб выступает символом смерти и физического окоченения. Таковы выражения «*дать дуба*», «*врезать (секануть) дуба*». Существует несколько версий происхождения этого образа. Первая версия связана с глаголом «задубеть» ('остыть, потерять чувствительность, сделаться твёрдым'). Вторая утверждает, что ассоциация возникла на юге России, где, возможно, под дубом хоронили умерших. Однако вполне вероятно, что образ оборота и иной. Третья версия уводит нас к языческим обрядам. Согласно этой гипотезе, изначальная форма выражения звучала как «дать дубу», что означало «принести жертву божеству». Дуб в древнеславянской мифологии считался священным деревом Перуна, бога грома и молнии, и был связан с потусторонним миром [Справочно-информационный портал «Грамота.ру»].

Также в русской фразеологии с темой смерти связаны хвойные деревья, прежде всего ель и сосна, что объясняется их использованием в похоронных обрядах. Как отмечает Т.А. Агапкина: «Природное свойство хвойных как вечнозелёных растений вводит их в круг похоронной обрядности и связывает их с темой смерти» [Агапкина, 2019, с. 94]. В этом контексте известны такие фразеологизмы, как «*угодить под ёлку*», «*пойти по ёлочкам*», «*идти под сосну*», «*попадать / попасть в сосны*», означающие смерть человека. Эти выражения «вызывают ассоциации не столько с мифопоэтическими представлениями о локализации мёртвых в растительном мире, сколько с ритуальной практикой похорон в лесу или под деревом, с расположением кладбищ в лесистой местности и т.д.» [Там же, с. 557]. В старину самоубийц хоронили именно между вечнозелёными деревьями в глухом лесу, что усилило негативные коннотации этих растительных образов.

Фитонимы используются и в описании физических состояний человека. Например, ФЕ «*из всего дерева*» и «*из всего лесу*» характеризуют сильного и физически крепкого человека. Аналогично сочный огурец с гладкой поверхностью ассоциируется с образом здорового и физически привлекательного индивида, что отражено в ФЕ «*как огурчик*». Напротив, физическую слабость и усталость выражают идиомы: «*вялый как овощ*» («физическая слабость вследствие усталости или болезни»), «*выжатый лимон*» («предельно уставший, физически слабый человек»).

Что касается связи растений с процессами похудения, люди, проживающие в различных областях России, имеют свои уникальные представления. В сознании Донского населения трава рассматривается как средство, способствующее снижению избыточного веса и лечению различных заболеваний, поэтому выражение «*лежать на траве*» означает «будучи на диете, лечиться целебными травами» [Мокиенко, Никитина, 2007, с. 669]. В Ярославской области идиома «*дойти до лыка*» означает значительное снижение веса. Это выражение происходит от давней практики, когда крестьяне обдирали лыко с молодых лип для

изготовления лаптей и лукошек, оставляя деревья практически голыми [там же, с. 374]. В Омской области ФЕ «*подёрнуться мохом*» имеет значение значительного похудения, сопряжённого с нарушением гигиенических норм [там же, с. 414].

Цветок традиционно воспринимается как наиболее совершенная и эстетически привлекательная часть растения, символизирующая вершину его развития. В этом контексте процесс цветения ассоциируется с периодом расцвета и наивысшей жизненной активности человека. В китайской фразеологии подобная метафора представлена в таких фразеологизмах, как *花季少女* [huā jì shào nǚ] (букв. «девушка в пору цветения», обр. «девушка в возрасте от 15 до 18 лет»), *花样年华* [huā yàng nián huá] (букв. «годы, прекрасные как цветы», обр. молодость, пик жизни»), *含苞欲放* [hán bāo yù fàng] (букв. «цветы вот-вот распустятся, обр. девушка, скоро достигающая совершеннолетия»).

Образы тутовника и вяза в китайской фразеологии ассоциируются с преклонным возрастом, закатом жизни человека. Например, ФЕ *桑榆暮景* [sāng yú mù jǐng] (букв. «вечерний пейзаж с тутовником и вязом») и *年迫桑榆* [nián pò sāng yú] (букв. «годы, приближающиеся к тутовнику и вязу») образно означают старость и закат жизни. Слово «сосна» используется в идиоме *松乔之寿* [sōng qiáo zhī shòu] (букв. «долгая жизнь, как у сосны») для выражения пожеланий долголетия.

В китайском языке два иероглифа, обозначающих дерево, – 木 [mù] и 树 [shù] – имеют различия в происхождении и значениях. Иероглиф 树 [shù] изначально использовался как глагол, обозначая действия «сажать» и «выращивать дерево», а 木 [mù] первоначально обозначал дерево или древесину как материал [商务印书馆国际有限公司, 2015, с. 611]. Помимо основного значения, 木 в древности имел также значение «деревянный гроб», что отразилось в ряде фразеологических единиц, связанных с темой смерти и упадка. Например, идиома *行将就木* [xíng jiāng jiù mù] (букв. «готовится лечь в деревянный гроб») используется для описания человека, находящегося на пороге смерти. Другая

идиома 木坏山颓 [mù huài shān tuí] (букв. «дерево ломается, и гора рушится») применяется для описания гибели влиятельного человека или крупного авторитета. А выражение 枯木逢春 [kū mù féng chūn] (букв. «для засохшего дерева настала весна») в переносном значении обозначает возрождение или возвращение к жизни.

Образ абрикосового дерева также имеет культурную символику, связанную с образованием и преподаванием. Согласно древней легенде, Конфуций преподавал ученикам в беседке среди абрикосовых деревьев, что дало начало термина 杏坛 [xìng tán] (букв. «абрикосовый алтарь»), ставшей метафорой образовательного пространства или сферы преподавания. ФЕ 风冷杏坛 [fēng lěng xìng tán] (букв. «холодный ветер дует над абрикосовым алтарём») метафорически обозначает скорбь и печаль в связи с утратой выдающегося учёного или педагога.

Также другие растительные метафоры применяются для обозначения смерти красивой женщины. Например, ФЕ 桂殒兰凋 [guì yǔn lán diāo] (букв. «османтус увял, орхидея засохла») и 月坠花折 [yuè zhuì huā zhé] (букв. «луна упала, цветы увяли») символизируют безвременную смерть человека, обладавшего красотой.

Особое внимание в китайской культуре уделяется символике растений в контексте здоровья и благополучия родителей. Идиома 椿萱并茂 [chūn xuān bìng mào] (букв. «седрела и красоднев растут пышно») символизирует здоровье, долголетие и благополучие родителей. Седрела (椿 [chūn]) традиционно ассоциируется с отцом, а красоднев (萱 [xuān]) – с матерью. Происхождение символики седрелы связано с текстом древнего китайского философского произведения «Чжуан-цзы», где упоминается: «В глубокой древности было дерево Отец. Восемь тысяч лет [для него] длилась весна, восемь тысяч лет – осень» [Чжуан-цзы, 1995, с. 60]. Здесь дерево Отец, символизирующее долголетие, представлено седрелой. Красоднев ассоциируется с матерью, что связано с традицией его выращивания около комнаты матери. Так, комната матери получила

название 萱堂 [xuān táng] (букв. «комната красоднева»), что укрепило связь этого растения с образом матери [石文倩, 2019, с. 139].

2.2.1.3. Походка и манеры

Лыко, внутренняя часть коры деревьев, на Руси широко использовалось для изготовления веревок и корзин, а также лаптей – простой обуви, доступной даже самым бедным. Вследствие широкой доступности и простоты изготовления изделий из лыка слово «лыко» приобрело значение простоты исполнения, что отразилось во фразеологизме *«лыка не вяжет / везёт»*, символизирующем чью-либо неспособность выполнять даже простейшие действия. Впоследствии выражение стало относиться к пьяному человеку, не способному координировать движения и связно говорить.

Дуб, в русской культуре символизирующий стойкость и силу, также используется в качестве метафоры неуклюжести. Это проявляется в выражениях, описывающих неуверенные шаги ребёнка: *«дуба стоять»*, *«дубок стоять»*, *«стоять дубочки»*. Такие фразеологизмы иллюстрируют первоначальную неловкость, свойственную маленьким детям.

В китайской культуре образ лотоса ассоциируется с женственностью, изящностью и красотой, а также является символом женских ног, подвергнутых традиции бинтования. Идеальной считалась длина в три цуня⁴, то есть десять сантиметров. Так, женщинам с деформированными ногами пришлось медленно передвигаться. ФЕ 三寸金莲 [sān cùn jīn lián] (букв. «золотой лотос в три цуня») обозначает бинтованные ножки женщины, а 步步生莲 [bù bù shēng lián] (букв. «на каждом шагу возрастает лотос») используется в переносном значении для описания лёгкой, изящной и грациозной походки женщины.

⁴ Цунь – традиционная китайская единица для измерения длины, 1 цунь значит 3,3 сантиметра.

Утончённость и элегантность в походке человека также выражены в китайских фразеологизмах с растительными компонентами. ФЕ *分花约柳* [fēn huā yuē liǔ] (букв. «ласкать цветы, поглаживать ветви ивы») и *林下风范* [lín xià fēng fàn] (букв. «манеры, достойные уединённого леса») описывают человека с утончённой, элегантной манерой поведения. А в идиоме *芳兰竟体* [fāng lán jìng tǐ] (букв. «душистый аромат орхидеи по всему телу») орхидея с приятным ароматом используется для подчёркивания изысканной манеры и благородства человека.

2.2.2. Социальные характеристики человека, отражённые в русских и китайских фразеологизмах и поговорках с растительными компонентами

Категория «социальные характеристики человека» подразделяется на такие подгруппы, как «семейные отношения», «жизненные условия», «социальный статус и отношения» и «социальное поведение».

2.2.2.1. Семейные отношения

В русской традиции особое место занимают обычаи, связанные со сватовством. Например, в ряде регионов существовал обычай дарить арбуз со стороны жениха. Этот же фрукт мог использоваться и для выражения отказа: невеста или её родители могли вернуть арбуз сватам или демонстративно поставить его на стол, что означало отказ от предложения. Отсюда возникла ФЕ «*дать (поднести) арбуз*», означающая отказ в сватовстве. В отдельных областях возвращение арбуза сватам имело оскорбительный подтекст. Со временем выражение приобрело более широкое значение и стало обозначать любой отказ. Региональные вариации, такие как «*получить арбуз*», «*покатить арбуз*», «*потянуть арбуз*» ('получить отказ при сватовстве') не получили широкого распространения и сохранились лишь в некоторых регионах России.

В русской культуре существует обычай выбирать супруга соответствующего социального статуса и уровня интеллекта. В случае стремления к браку с неравным социальным положением используются выражения «клонить **дерево** не по себе» и «рубить **дерево** не по себе». Последнее чаще употребляется по отношению к мужчине, стремящемуся жениться на девушке, занимающей более высокое положение в обществе.

Свадьба является важным семейным обрядом и источником многочисленных традиций и фразеологизмов. Например, выражение «венчали вокруг **раKITОВОГО куста**» возникло в языческие времена, когда брачные церемонии проводились вокруг ивовых кустов (ракита – одно из названий ивы), считавшихся оберегом от несчастий. В настоящее время эта идиома приобрела двойное значение и может означать как незаконные внебрачные отношения, так и интимную близость до официального бракосочетания.

В разных регионах России используются собственные растительные образы для описания свадебных церемоний. Например, у мордвы зафиксирована ФЕ «носить **сосну**», связанная с традицией принесения сосновой ветви в дом жениха на второй день свадьбы. В Пермской области ФЕ «обежать вокруг **ёлки**» обозначает брак, заключённый без официальной регистрации. В Псковской области ФЕ «окрутиться вокруг **куста проруби**» иронически характеризует женщину, вышедшую замуж без церковного венчания. В Брянской области ФЕ «выходит на чёрную **капусту**» употребляется в отношении брака с бедным или неимущим человеком [Мокиенко, Никитина, 2007, с. 276].

Традиционные свадебные обряды и связанные с ними ФЕ и ПЕ сохраняют актуальность даже среди молодёжи, предпочитающей гражданские церемонии, и играют важную роль в передаче семейных и этнических ценностей.

Семейная жизнь тесно связана с идеей продолжения рода. Шутливое выражение «купить **арбуз**» означает нахождение женщины на последней стадии беременности. ПЕ «дети – **цветы жизни**» подчёркивает позитивное восприятие рождения детей как источника радости и благополучия. Напротив, выражение

«бесплодное **дерево**» иронически или неодобрительно используется для обозначения женщин, которые не могут иметь детей, или семей без детей.

В славянской культуре особое значение приобретает горох как символ плодovitости, что отражено в свадебных обрядах. Например, в «Псковском областном словаре с историческими данными» приводится описание обычая: «В дом входят (молодые), горохам стебают» [Ельчева, 1986, с. 130]. «У словаков невесту в течение всей свадьбы осыпают горохом, хлебными зёрнами и прочими семенами с целью сохранить продолжение рода» [Плотникова, 1992, с. 107]. Это связано с тем, что в русской и западнославянской традициях горох и проросшие семена ассоциируются с зачатием ребёнка.

Горох упоминается и в шутливо-иронических выражениях, таких как «покушать **горошку**», «**гороху** объесться», которые означают незапланированную беременность у незамужней женщины. Эти ФЕ, несмотря на комический оттенок, отражают восприятие беременности вне брака как нарушения социальных норм.

Детско-родительские отношения также широко представлены в русской паремиологии, особенно в выражениях, подчёркивающих сходство детей с родителями. Это проявляется в поговорках с компонентами «**яблоня**» и «**яблоко**»: «**яблоко (яблочко) от яблони (от яблоньки) недалеко падает**», «не далеко от дерева **яблочко падает**». Такое восприятие объясняется следующим образом: «Будучи деревом женским (по грамматическому роду своих названий в славянских языках) и плодовым, яблоня символизирует мать, а её плод, яблоко, – новорожденного и ребёнка вообще» [Агапкина, 2019, с. 355].

Существуют также синонимичные выражения, такие как «**каков дуб, таков и клин, каков батька, таков и сын**», «**какова берёзка, такова и отростка**», используемые для выражения сожаления в случаях наследования детьми недостатков родителей. Однако не всегда дети похожи на своих родителей, что отражено в поговорке «**дуб – дерево хорошее, да плоды его только свиньям годны**», указывающей на возможность наличия у хороших родителей плохих детей.

В китайской культуре образ цветка часто символизирует любовь, супружество и счастливую семейную жизнь, что нашло отражение во множестве устойчивых выражений и паремий. Например, *如花美眷* [rú huā měi juàn] (букв. «супруга красивая, как цветок», обр. «прекрасный брак»), *洞房花烛* [dòng fang huā zhú] (букв. «брачные покои с цветами и свечами», обр. «радостная свадьба, свадебная ночь»). Цветы на одном стебле символизируют супружескую гармонию, что отражено в выражениях, таких как *并蒂莲* [bìng dì lián] и *芙蓉并蒂* [fú róng bìng dì] (букв. «два цветка лотоса на одном стебле», обр. «неразлученная супружеская пара»).

Также широко представлены фразеологизмы, иллюстрирующие верность и совместно пережитые трудности супругов. ФЕ *糟糠之妻* [zāo kāng zhī qī] (букв. «жена как винный отстой и рисовая мякина») и *贫贱糟糠* [pín jiàn zāo kāng] (букв. «винный отстой и рисовая мякина, используемые бедняками для утоления голода») метафорически описывают жену, испытавшую с мужем невзгоды и беды. Пословица гласит: *糟糠之妻不下堂* [zāo kāng zhī qī bú xià táng] (букв. «не бросай жену, разделившую с тобой тяготы жизни»). Разница в возрасте между супругами также находит отражение в китайском языке через фразеологизм *枯杨生稊* [kū yáng shēng tí] (букв. «старый тополь даёт побеги»), описывающий брак между пожилым мужчиной и молодой женщиной.

Персиковый цветок, ассоциируемый с любовью благодаря его нежности, несёт в себе как положительные, так и негативные коннотации. Он может символизировать как нежную любовь, так и незаконную страсть, что находит отражение в выражениях *桃花运* [táo huā yùn] (букв. «судьба персикового цветка», обр. «половой разврат»), *桃色新闻* [táo sè xīn wén] (букв. «новости персикового цветка», обр. «скандалы о незаконной любви»), *桃色陷阱* [táo sè xiàn jǐng] (букв. «ловушка персикового цветка», обр. «соблазн женской красоты»).

Разрыв супружеских отношений также находит отражение в китайских идиомах, например, ФЕ *花残月缺* [huā cán yuè quē] (букв. «цветы увядают, а луна убывает») обозначает распад отношений между супругами, а ФЕ *兰因絮果* [lán yīn xù guǒ] (букв. «прекрасное начало как орхидея, а результат как летящий пух ивы») символизирует неудачный брак и разлуку супругов. Измена жены метафорически описывается фразеологизмом *红杏出墙* [hóng xìng chū qiáng] (букв. «красный абрикос вырос за стеной»).

Родственные отношения и кровная близость также представлены в китайской фразеологии, например, *千枝连根, 十指连心* [qiān zhī lián gēn, shí zhǐ lián xīn] (букв. «тысяча ветвей дерева соединена с корнем, кончики десяти пальцев связаны с сердцем»), *莲藕同根* [lián ǒu tóng gēn] (букв. «у лотоса и корневище лотоса один и тот же корень»). Близость между родными братьями и сёстрами подчёркивается ФЕ *连枝同气* [lián zhī tóng qì] (букв. «на одной ветви, из одного дыхания»).

Дальнее родство метафорически передаётся через ФЕ *葭莩之亲* [jiā fú zhī qīn] (букв. «родственное отношение, подобные тонкой оболочке стебля тростника»), что сравнимо с русским выражением «*седьмая вода на киселе*». Идиома *无根无蒂* [wú gēn wú dì] (букв. «без корня и без черенка») описывает человека, утратившего связь с родственниками. Отмечается также возможность конфликтов и даже вражды между близкими родственниками. Например, ФЕ *煮豆燃萁* [zhǔ dòu rán qí] (букв. «зажигать стебли сои для варки соевых бобов») метафорически описывает братьев, которые причиняют друг другу боль или убивают друг друга.

Семейные ценности и пожелания процветания потомству выражены через растительные образы. ФЕ *枝繁叶茂* [zhī fán yè mào] (букв. «обилие ветвей и густая листва», обр. «наличие множества детей и внуков») отражает стремление китайцев к большой семье.

Пожелания благополучия и процветания будущих поколений передаются в идиомах, использующих образы орхидеи и османтуса. Например, *桂子兰孙* [guì zǐ lán sūn] (букв. «потомки как османтус и орхидея»), *兰桂齐芳* [lán guì qí fāng] (букв. «орхидеи и османтус одновременно благоухают»), *兰薰桂馥* [lán xūn guì fù] (букв. «аромат орхидеи и османтуса»). Эти фразеологизмы передают пожелания процветания и успешности потомства.

2.2.2.2. Жизненные условия

Человек тесно связан с материальным миром и сам по себе является его частью. Это находит отражение в ФЕ и ПЕ с фитонимами, отражающих ключевые жизненные потребности: питание, жильё, одежду и др. В русской культуре питание рассматривается как неотъемлемая часть жизни, что ярко выражается в образе картофеля, известного как «второй хлеб». Этот статус подтверждается различными выражениями: «красная *роза*», «земляное *яблоко*», «*картошка (картофка) в мундире*», «*картошка в тулупах*», «*картошка в шинелях*». Эти выражения указывают на разнообразные кулинарные способы приготовления картофеля.

Цветы ассоциируются со счастливой и благополучной жизнью, что находит отражение в выражениях: «*срывать розы жизни*», «*блаженства и жизнь в ярких цветах*». Они символизируют наслаждение жизненными радостями и успех. Аналогичная ассоциация прослеживается с малиной, например, «*не жизнь, а малина*» характеризует беззаботную жизнь и материальные блага.

Некоторые идиомы, описывающие материальное состояние, связаны с доступностью определённых овощей. К примеру, капуста, хрен и репа в следующих пословицах символизируют бедность и нехватку ресурсов: «*капуста из куста, густа, да невкусна*», «*сосать / отсосать хрен*», «*девятый хрен без соли доедает*», «*горох да репа животу не крепа*».

Некоторые выражения, связанные с бедностью, характерны для отдельных регионов России. Так, в Волгоградской области о крайней бедности иронически говорят «*лыка не с чего сплесть*», «*подпоясан лыком*», «*ни былинки, ни пылинки*». В Новгородской области слово «мох» встречается в устойчивом обороте «*не воняет и мохом*» в значении ‘о бедности, нищете’.

В русской культуре непостоянное место проживания человека ассоциируется с травянистым растением перекасти-поле, которое после отмирания превращается в сухой шар. Осенью, под воздействием ветра, этот шар отрывается от корней и катится по ветру, рассеивая семена. Таким образом, *перекасти-поле* – так обычно говорят о людях, которые постоянно меняют места жительства или работы; без семьи и родни, без корней и больших привязанностей [Го Жунжун, 2023].

Как и в русском языке, китайские ФЕ с фитонимами отражают ключевые аспекты жизни: питание, жильё и одежду. ФЕ 柴米油盐 [chái mǐ yóu yán] (букв. «дрова, рис, масло, соль») иллюстрирует предметы первой необходимости. ФЕ 布帛菽粟 [bù bó shū sù] (букв. «ткань, шёлк, бобы и просо») обозначает основные ресурсы для жизни. ПЕ 开门七件事——柴米油盐酱醋茶 [kāi mén qī jiàn shì – chái mǐ yóu yán jiàng cù chá] (букв. «семь необходимых вещей в быту – дрова, рис, масло, соль, соус, уксус, чай») подчёркивает важность этих элементов в повседневной жизни.

В древнем Китае особое значение придавалось пяти злакам (五谷 [wǔ gǔ]): рис, чумиза, бобы, пшеница и просо. Они символизировали обильный урожай, что отражено в ФЕ 五谷丰登 [wǔ gǔ fēng dēng] (букв. «пять злаков приносят богатый урожай»). Отсутствие знаний о злаках критикуется в выражении 四体不勤, 五谷不分 [sì tǐ bù qín, wǔ gǔ bù fēn] (букв. «не способен к труду и не различает пять злаков»), которое характеризует человека, не разбирающегося в практических вопросах и оторванного от реальности.

Прекрасная жизнь ассоциируется с образами цветов, что отражено в ФЕ 花好月圆 [huā hǎo yuè yuán] (букв. «цветы прекрасны и луна полна»),

символизирующей идиллическую семейную жизнь. Изобилие и роскошь передаются через ФЕ: 爨桂炊玉 [cuàn guì chuī yù] (букв. «дрова такие же редкие, как османтус, еда такая же дорогая, как яшма», обр. «дороговизну жизни»), 酒池肉林 [jiǔ chí ròu lín] (букв. «бассейн с вином и лес из мяса», обр. «расточительный образ жизни»).

Противоположностью является бедная жизнь, выраженная через образы растений, например, 咬菜根 [yǎo cài gēn] (букв. «грызть корни диких овощей»), 饮冰茹檠 [yǐn bīng rú bàn] (букв. «пить ледяную воду, есть горький лист амурского бархата»), 吃糠咽菜 [chī kāng yàn cài] (букв. «есть мякину и глотать овощи»), символизирующие скромное питание.

Скромные условия жизни также проявляются в одежде. В древнем Китае простые женщины использовали шпильки из дерева для укладки волос, в то время как у богатых они были из золота, серебра или драгоценных камней. ФЕ 荆钗布裙 [jīng chāi bù qún] (букв. «шпилька из терновника, платье из грубой ткани») используется для описания скромной одежды бедной женщины.

Скромные жилища часто изображаются через ассоциации с крышами из соломы, которые в древности были наиболее доступным и дешёвым кровельным материалом. Это отражено в таких ФЕ, как: 竹篱茅舍 [zhú lí máo shè] (букв. «бамбуковый забор и хижина под соломенной крышей»), 茅茨土阶 [máo cí tǔ jiē] (букв. «соломенная крыша и глиняные ступени крыльца»).

Некоторые травянистые растения ассоциируются с образом нестабильной и неустроенной жизни. К таким растениям относятся ряска и мелколепестник, характеризующиеся способностью свободно перемещаться под воздействием внешних факторов (ветра, течения воды). Примеры включают 浪迹萍踪 [làng jì píng zōng] (букв. «следы человека подобны волнам или плывущей ряске»), 飘蓬断梗 [piāo péng duàn gěng] (букв. «летающий мелколепестник и сломанный стебель»), выражающие идею скитаний и жизненной нестабильности.

Китайская паремиология отражает двойственное восприятие роли окружающей среды в проявлении таланта и достижении успеха. С одной стороны, подчёркивается, что выдающиеся способности могут проявиться даже в неблагоприятных условиях, как это выражено в пословицах: 凤凰落在草棵里 [fèng huáng luò zài cǎo kē lǐ] (букв. «феникс приземляется среди кустов») и 粪堆上长出灵芝草 [fèn duī shàng zhǎng chū líng zhī cǎo] (букв. «на куче навоза вырос гриб линчжи»⁵). С другой стороны, признается необходимость благоприятной среды для полного раскрытия потенциала, что иллюстрируется следующими пословицами: 不栽梧桐树, 招不了凤凰来 [bù zāi wú tóng shù, zhāo bù liǎo fèng huáng lái] (букв. «без посадки дерева утун⁶ феникс не прилетит»), 好树结好桃, 好葫芦开好瓢 [hǎo shù jié hǎo táo, hǎo hú lu kāi hǎo piáo] (букв. «хорошее дерево приносит хорошие плоды персика, из хорошей тыквы-горлянки получается хороший черпак»).

2.2.2.3. Социальный статус и отношения

В русском языке социальный статус часто ассоциируется с материальным благосостоянием, что иллюстрируется через растительные образы, связанные с деньгами. Так, согласно ассоциативному словарю, слово «капуста» прежде всего ассоциируется с деньгами [Черкасова, Уфимцев 2014, с. 439]. В молодёжном сленге термин «капуста» обозначает деньги. Изначально он ассоциировался с долларами из-за их зелёного цвета и текстуры, напоминающей разрезанную капусту. Со временем значение расширилось, и слово стало обозначать деньги в общем смысле. Эта ассоциация закреплена во фразеологизмах: «*быть при капусте*» («иметь деньги»), «*варить капусту*» («зарабатывать деньги»), «*рубленая капуста*» («деньги,

⁵ Гриб линчжи (рейши) – лекарственный гриб, используемый в традиционной восточной медицине для укрепления здоровья и продления жизни.

⁶ Утун – тунговое дерево, согласно китайской легенде, на него садятся фениксы.

полученные незаконным путём’). В шутовском контексте в молодёжной среде также используется выражение «*лимон лимонов*» для обозначения миллиарда.

Социальный статус традиционно разделяется на высокий и низкий. В русском языке слово «шишка» приобретает метафорическое значение, обозначая влиятельного человека. Это отражено в следующих выражениях: «*большая шишка*», «*важная шишка*», «*держать шишку*». ФЕ «*дойти до большой шишки*» употребляется в значении ‘стать важным, влиятельным человеком’. Ироничное отношение к значимости должностного положения выражено в пословице «*хоть лыком шит, да начальник*», в которой подчёркнуто, что иногда социальный статус оказывается важнее личных качеств и компетенций. Это выражение иронизирует над ситуацией, когда общественное положение человека перевешивает его личные недостатки.

Фразеологизм «*не лыком шит*» означает равенство с другими в каком-л. отношении. Связанный с традицией плетения лаптей из лыка, он первоначально указывал на социальное и финансовое положение человека, однако со временем приобрёл значение, связанное с компетентностью и умением. Синонимами выражения выступают обороты «*не в капусте подобран (найден)*», «*не в лесу найденный*».

Некоторые русские пословицы отражают индивидуальность человека в обществе, подчёркивая уникальность каждой личности, её вкусы, черты, качества и духовные особенности. Это находит отражение в таких выражениях, как «*одному нравится арбуз, другому – свиной хрящик*», «*всякому зерну своя борозда (своя лунка)*», «*не твоему (не нашему) носу рябину клевать*», «*чужая душа – тёмный лес*». В то же время существуют пословицы, акцентирующие внимание на сходстве между людьми: «*всё едино, что хлеб, что рябина: оба кислы*», «*всё одно, что дерево, что бревно*».

При описании взаимосвязи личности и общества в русских пословицах подчёркивается ограниченность возможностей одного человека, например: «*одинокое дерево ветер валит*», «*один цветок весны не делает*». В то же время

паремии, акцентирующие важность единства и солидарности, включают такие выражения: «из одного **цветка** гирлянды не сделаешь», «даже **дуб** в одиночестве засыхает, а в лесу живёт века». Эти примеры иллюстрируют преимущества коллективной деятельности и поддержки в достижении общих целей.

Некоторые профессии, связанные с обслуживанием и взаимодействием в обществе, имеют специфические жаргонные наименования. В военной сфере «старший **лимон**» обозначает солдата, прослужившего вторые полгода первого года службы. В образовательной среде встречаются такие выражения, как «**одуванчик** полевой» для учителя ботаники, «**обструганная роза**» для добродушной учительницы. Для обозначения низких должностей и незначительных чиновников используется ФЕ «**крапивное** семя», которая относится к презрительному названию мелких чиновников, подчёркивая их незначительную роль в социальной иерархии.

В китайском языке социальное происхождение человека нередко выражается через растительные образы. Например, **金枝玉叶** [jīn zhī yù yè] (букв. «золотая ветвь и яшмовый лист») и **玉树琼枝** [yù shù qióng zhī] (букв. «нефритовое дерево и заснеженные ветви»). Первоначально эти выражения обозначали потомков императорской семьи, но в современном языке они используются для описания «золотой молодёжи» – детей из богатых и влиятельных семей высшего класса.

Престиж и авторитет человека передаются через образ растений в следующих выражениях: **草木知威** [cǎo mù zhī wēi] (букв. «даже травы и деревья знают его славное имя», обр. «широкая известность и влияние»), **树大根深** [shù dà gēn shēn] (букв. «большие деревья с глубокими корнями», обр. «великая сила и высокая репутация»). Образ падения лидера и последующего распада его окружения передаёт выражение **树倒猢猻散** [shù dǎo hú sūn sàn] (букв. «когда дерево падает, обезьяны с него разбегаются»), которое описывает потерю власти и утрату сторонников после падения лидера.

Переход на более высокий социальный уровень символически передаётся через образы высоких деревьев: *迁于乔木* [qiān yú qiáo mù] (букв. «птицы перелетают на высокие деревья») и *出谷迁乔* [chū gǔ qiān qiáo] (букв. «выход из глубокой долины и подъём на высокое дерево»). Оба выражения подчёркивают процесс улучшения социального статуса.

ФЕ *永垂竹帛* [yǒng chuí zhú bó] (букв. «навсегда храниться на бамбуке и шелке») описывает людей, чьи достижения остаются значимыми в истории. Историческое происхождение этого выражения связано с древними традициями записи текстов на бамбуке, существовавшими до изобретения бумаги. Китайские предки делали бамбуковые дощечки *竹简* (букв. «чжу цзянь») – узкие, длинные куски бамбука, на которых писали лаком или тушью. На бамбуковых дощечках сохранены самые ранние исторические документы древнего Китая – «Хроника бамбуковой книги», а также классические произведения конфуцианского учения, такие как «Шан шу», «Ли цзи» и «Лунь юй». Вот почему слово чжу цзянь используется для обозначения книги по истории [Го Жунжун 2022, с. 61].

В китайской культуре образ травы ассоциируется с низким социальным положением. Согласно «Словарю древнекитайского языка» [古代汉语词典编写组编, 2022], слово «трава» (*草* [cǎo]) может обозначать ‘простой, незначительный, необработанный, ничтожный’. Это значение закреплено в словосочетаниях: *草具* [cǎo jù] (‘грубая, простая пища’), *草榻* [cǎo tà] (‘простая кровать’), которые используются для описания скромных жизненных условий. ФЕ *草芥之微* [cǎo jiè zhī wēi] (букв. «маленький как травинка») метафорически отражает низкий социальный статус простых людей.

Китайские ФЕ не только отражают социальный статус, но и передают особенности взаимоотношений между людьми. Образ выющихся растений передаёт идею сложных и тесных связей. Например, ФЕ *瓜葛相连* [guā gě xiāng lián] (букв. «тыквы и плети переплетаются между собой») символизирует

переплетённые отношения. Аналогичное значение имеет выражение 藕断丝连 [ǒu duàn sī lián] (букв. «корневище лотоса переломлено, но волокна остаются соединёнными»), которое подчёркивает неразрывность связей, особенно в любовных отношениях, когда связь между людьми сохраняется даже после расставания.

Китайский язык отражает уникальность каждого человека, подчёркивая разнообразие характеров и индивидуальные особенности. Эти идеи выражены в следующих пословицах: 山有百草, 人有百性 [shān yǒu bǎi cǎo, rén yǒu bǎi xìng] (букв. «в горах растёт сто трав, у человека сто типов характера»), 一样米养百样人 [yī yàng mǐ yǎng bǎi yàng rén] (букв. «один и тот же рис кормит сто разных людей»), 花有千种颜色, 人有万般脾气 [huā yǒu qiān zhǒng yán sè, rén yǒu wàn bān pí qì] (букв. «у цветов тысяча оттенков, у людей десять тысяч характеров»).

В китайской фразеологии отмечается ограниченность возможностей одного человека. Это выражено в следующих выражениях: 严霜单打独根草 [yán shuāng dān dǎ dú gēn cǎo] (букв. «сильный мороз выделяет одинокую траву»), 花难成春, 木难成林 [yī huā nán chéng chūn, yī mù nán chéng lín] (букв. «один цветок не создаёт весну, одно дерево не создаёт лес»). В то же время подчёркивается важность коллективной силы: 树多不怕风狂 [shù duō bù pà fēng kuáng] (букв. «где много деревьев, там не страшен бешеный ветер»), 花独放不是春, 万紫千红才是春 [yī huā dú fàng bù shì chūn, wàn zǐ qiān hóng cái shì chūn] (букв. «весна не приходит с одним цветком, её создаёт множество пёстрых цветов»).

В китайском языке образы растений также используются для описания правителей и чиновников. Например, ФЕ 美人香草 [měi rén xiāng cǎo] (букв. «прекрасный человек и благоуханные травы») метафорически описывает правителей и благородных чиновников. ФЕ 三槐九棘 [sān huái jiǔ jí] (букв. «три софоры и девять кустов терновника») символизирует высшие ранги имперской

иерархии. Этот фразеологизм связан с древней традицией выращивания этих растений на месте аудиенции в династии Западной Чжоу (XI век – 256 г. до н.э.)⁷.

Согласно «Словарю современного китайского языка» [中国社会科学院语言研究所, 2016, с. 129], трава может обозначать деревенских жителей и людей низкого социального статуса. Примеры слов с этим значением: **草贼** [cǎo zéi] ('восставший крестьянин'), **草雄** [cǎo xióng] ('рыцари лесной глуши, о бродягах'), которые описывают лиц, связанных с маргинальными или антагонистичными элементами общества. ФЕ **落草为寇** [luò cǎo wéi kòu] (букв. «уйти в траву и стать разбойником») описывает людей, ставших преступниками. ФЕ **草头天子** [cǎo tóu tiān zǐ] (букв. «сын Неба в траве») иронически обозначает главарей разбойников. Эти выражения имеют негативную окраску и выражают неодобрительное отношение к незаконной деятельности.

В китайской литературной традиции образы персика и сливы символизируют учеников и воспитанников [中国社会科学院语言研究所, 2016, с. 1277]. Эта символика раскрыта в трактате «Хань Ши Вай Чжуань», где описывается циклическая природа жизни деревьев: «Весной персики и сливы цветут, летом их тень предлагает убежище от жары, а осенью с их ветвей собирают плоды. Что же обозначают эти явления? Они олицетворяют плоды человеколюбия и справедливости, которые затем находят практическое применение в обществе» [韩诗外传·卷七]. На основе этого представления возник ряд фразеологизмов. ФЕ **桃李满天下** [táo lǐ mǎn tiān xià] (букв. «деревья персика и сливы имеются во всём мире») и **满城桃李** [mǎn chéng táo lǐ] (букв. «весь город засажен персиками и сливами») символизируют широкое распространение учеников. Аналогично ФЕ **春风桃李** [táo lǐ chūn fēng] (букв. «деревья персика и сливы цветут под весенним

⁷ В период династии Западной Чжоу была традиция выращивания трёх софоров и девяти кустов терновника на месте аудиенции. Под этими растениями поочередно усаживались три гуна и девять чинов, представляющих различные ранги знатности.

ветром») подчёркивает сердечное преподавание и воспитание, получаемое учениками от учителя.

ФЕ 梨园弟子 [lí yuán dì zǐ] (букв. «ученики Грушевого сада») обозначает оперных актёров. Это выражение связано с императором династии Тан Сюаньцзуном (713–756 н.э.), который основал оперную труппу в месте, известном как Грушевый сад. Связанные с оперой выражения 梨园榜 [lí yuán bǎng] (букв. «список актёров, оценённых по ролям»), 梨园行 [lí yuán háng] (букв. «мир актёров, мир оперы»).

Образы цветов и ивы нередко употребляются в сочетании и ассоциируются с женщинами, занимающимися секс-работой. Например, ФЕ 残花败柳 [cán huā bài liǔ] (букв. «завядший цветок и засохшая ива») характеризует секс-работницу. Публичные дома также связаны с этими образами, что отражено в выражении 柳巷花街 [liǔ jiē huā xiàng] (букв. «ивовый переулок и цветочная улица»). Кроме того, сочетание «цветок» и «травы» может использоваться для обозначения любовницы или легкомысленной женщины. Это видно в идиомах 闲花野草 [xián huā yě cǎo] (букв. «полевые цветы и дикие травы») и 墙花路草 [qiáng huā lù cǎo] (букв. «цветы у стены, трава на обочине дороги»), которые передают идею женщины, находящейся вне официального или социально одобряемого союза.

2.2.2.4. Социальное поведение

В этой части исследования проводится сопоставительный анализ русских и китайских ФЕ и ПЕ с целью выявления сходств и различий в восприятии и оценке человеческого поведения. Анализ позволяет определить, какие этические нормы и стереотипы поведения характерны для русской и китайской культуры и как они находят отражение в языковых единицах, оценивающих различные поступки и действия. Стереотипы поведения, будучи отражением морально-этических устоев

общества, представляют собой важный аспект изучения культурных особенностей народов.

ФЕ и ПЕ, описывающие наказание и избиение, являются значимыми для анализа, поскольку позволяют выявить культурные представления о допустимых формах воспитательного воздействия и наказания. В русском языке существует множество идиом, которые подразделяются, с одной стороны, на обозначения наказания физического или словесного, с другой стороны, членятся на обозначения действия или угрозы [Иванян, 2018, с. 60]. К числу таких выражений относятся ФЕ, связанные с берёзой, например: «*берёзовая каша*», «*дать / едать берёзовой каши*», «*накормить берёзовой кашей*», «*берёзовая лапша*», «*извести берёзовую рощу на кого-либо*», «*берёза ума даёт*», «*печь берёзовые блины*». Эти ФЕ исторически связаны с использованием берёзовых веток для изготовления розги. Термины «каша», «лапша» и «блин» отражают как внешний вид пучка розги, так и ощущение жжения от ударов при наказании. Следует отметить, что эти идиомы восходят к эпохе, когда телесные наказания были распространённым явлением. Однако в настоящее время они устарели и редко употребляются в живой речи.

Дополнительно, некоторые устаревшие ФЕ и ПЕ, такие как «*пошёл / услан берёзки считать*» и «*пошёл по широкой, где берёзки посажены*», символизируют наказание в виде ссылки в Сибирь. Происхождение этих выражений объясняется В.М. Мокиенко: «Выражение связано с отправкой арестантов по этапу, т.е. определённому пути, по которому следовали лица, направлявшиеся под конвоем до места заключения, ссылки» [Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 46].

Свойство перца как жгучего и острого растения подвергается образному переосмыслению в русском языке, где оно ассоциируется с человеческой злостью и язвительностью. В разговорной речи слово «перец» имеет переносное значение «остроумная насмешка; едкое, язвительное замечание, реплика» [Кузнецов, 2000, с. 822]. Эта ассоциация выражена в фразеологизме «*всыпать / давать / задавать перцу*», который означает резкую критику или брань, где жгучесть перца сравнивается с силой словесного воздействия.

ФЕ «*досталось / достанется на орехи*», используемая в разговорной речи, часто в шутиливом контексте, символизирует словесное наказание. Происхождение выражения связано с русскими семейными традициями, где орехи считались лакомством, вручаемым детям за хорошее поведение. Однако в случае их непослушания выражение служило предупреждением о грядущем наказании, что при возвращении отца детям «*достанется на орехи*», то есть их ждёт наказание. Со временем этот фразеологизм расширил своё значение, и в современном языке он может обозначать любые формы выговора или наказания.

В молодёжном сленге встречаются фразеологизмы, отражающие физическое наказание, в которых названия растений ассоциируются с человеческим телом. Так, из-за круглой формы арбуз и репа ассоциируются с головой человека: «*расколоть арбуз*» ('разбить кому-то голову'), «*дать по репе*» ('ударить кого-л. по голове'). Однако слово «репа» в некоторых контекстах обозначает не всю голову, а её часть – лицо. Зафиксировано переносное значение репы в «Словаре русского арго» (2000): «Лицо. Репой ворочать. Репу из окошка выставил. Чистить репу (мыть)» [Елистратов, 2000, с. 402]. На основе этих значений появились ФЕ «*начистить репу*» ('ударить кого-л. по лицу'), «*дать в репу*» ('нанести удар в лицо'). Кроме того, слово «боб» в разговорной речи приобретает переносное значение «щелчок (обычно по лбу)» [там же, с. 39]. Отмечены жаргоны «*нашелушить бобов*» ('дать щелчок по лбу'), «*дать боба*» ('дать щелчок по лбу'), «*нарваться на боба*» ('получить щелчок по лбу').

Символика плодов в русском языке отражает трудовую деятельность и её результаты, что проявляется в поговорках, таких как: «*вкушать плоды*», «*без труда нет плода*», «*деревья смотри в плодах, а людей смотри в делах*», «*весна красна цветами, а осень грибами*». Эти выражения подчёркивают важность трудовой активности для достижения результатов. В русском языке также акцентируется идея необходимости баланса между работой и отдыхом, что находит отражение в выражении «*дело не медведь, в лес не уйдёт*», которое подчёркивает, что работу можно отложить, уделяя время отдыху.

В русском языке слово «бамбук» символизирует праздность и безделье. Эти значения выражены в разговорных фразеологизмах «*курить бамбук*», «*окучивать / парить / пинать бамбук*», которые ассоциируются с расслаблением и непродуктивной тратой времени. Считается, что эта символика бамбука связана с традициями курения в Юго-Восточной Азии, в частности, в китайской провинции Юньнань, где бамбуковые трубки использовались для курения табака. В традиционных представлениях курение (в особенности опиума) ассоциировалось со снятием стресса и расслаблением, что могло повлиять на возникновение данных выражений.

Жаргонное выражение «*охранять кукурузу*», возникшее во времена Никиты Хрущёва, используется для ироничного неодобрения безделья. В контексте кампании Хрущёва по массовому выращиванию кукурузы это выражение подчёркивает бесполезность действий, поскольку кукуруза символически не требовала охраны.

Дополнительно, для описания болтунов и бездельников используются выражения, связанные со словами «шишки», «бобы» и «бананы». Примеры фразеологизмов, передающих подобное значение: «*бить шишки*», «*сбивать шишки*», «*ходит да походя бобы разводит*», «*катать бананы*». Эти выражения имеют шутливо-ироническую окраску и подчёркивают непродуктивное использование времени.

Идиомы, выражающие лень и бесполезность действий, включают «*драть лыки*» ('пустая работа'), «*бесплодная смоковница*» ('неспособность приносить пользу'). Выражение «*как об стенку горох*» связано с традиционным способом обработки гороха, при котором горошины, отскакивая от твёрдой поверхности, не прилипают к ней, что символически передаёт бессмысленность действий. Идиомы «*хватил спелой ягоды виндерюхи*» и «*отсыхать в капусте*» описывают человека, испытавшего неудачу или находящегося в состоянии бездействия. Выражение «*как все шишки валятся*» иронически характеризует человека, на которого обрушиваются многочисленные неприятности или бедствия.

ФЕ «*остаться на бобах*», означающая ‘ничего не получить, несмотря на усилия’, происходит из исторического контекста, когда бобы были одним из самых доступных продуктов для бедных. Первоначально выражение буквально означало, что у человека не осталось еды, кроме бобов. Со временем его значение расширилось, и оно стало обозначать «у кого-либо ничего не было, он ни на что надеялся или рассчитывал» [Мокиенко, 2004]. В современном языке выражение используется в более широком смысле для обозначения любой неудачи или провала.

Далее следуют ФЕ, связанные с участием в конкурсах и экзаменах. Пальма символизирует победу и триумф, что восходит к древнеримской традиции вручения пальмовых ветвей победителям атлетических соревнований. Примеры включают ФЕ «*пальма первенства*» (‘первое место как результат превосходства’), «*отдавать пальму*» (‘признавать чье-л. превосходство’), «*уступать пальму первенства*» (‘отказ от первенства из-за преимущества других’). Лавр и его производные (лавровый венок, ветвь и листья) также символизируют славу и победу, например, «*лавровый венец*» (‘символ победы и награды’), «*пожинать лавры*» (‘наслаждаться завоёванным успехом’), «*почивать на лаврах*» (‘успокаиваться на достигнутом’).

Некоторые жаргонные выражения описывают нелегальные действия, например, «*идти / пойти на траву (травушку-муравушку)*» означает побег из заключения в летнее время [Мокиенко, Никитина, 2007, с. 669]. Поговорки «*сидеть на траве*» и «*нюхнуть траву*» в сленговой речи обозначают курить гашиш [там же, с. 669]. Эти выражения подчёркивают связь между травой и наркотическими веществами.

В китайской фразеологии прослеживается связь растительных образов с жёстким насилием. Человеческая жизнь сравнивается с уничтоженной травой, что отражено в ФЕ 草薶禽猕 [cǎo tì qín xiǎn] (букв. «выполоть траву и переловить птиц»), которая олицетворяет быстрое и беспощадное уничтожение врагов. Конопля, символизирующая изобилие, используется в устойчивом обороте 杀人如

麻 [shā rén rú má] (букв. «убивать людей, как коноплю»), означающем массовое истребление. Кроме того, существуют ФЕ, описывающие насилие в отношении женщин. ФЕ 辣手摧花 [là shǒu cuī huā] (букв. «уничтожать цветы горячей рукой») и 摧花斫柳 [cuī huā zhuó liǔ] (букв. «уничтожать цветы, рубить ивы топором») описывают насилие над женщинами, подчёркивая жестокость и неравенство.

Ряд китайских пословиц подчёркивает принцип причинно-следственной связи, связанный с трудом. ПЕ 种瓜得瓜, 种豆得豆 [zhòng guā dé guā, zhòng dòu dé dòu] (букв. «посеешь тыкву, получишь тыкву; посеешь бобы, получишь бобы») подчёркивает необходимость усердной работы для достижения успеха. В этом контексте также употребляются другие выражения. ПЕ 十年树木, 百年树人 [shí nián shù mù, bǎi nián shù rén] (букв. «десять лет на выращивание деревьев, сто лет на воспитание человека») – образование и формирование личности требуют больше времени. ПЕ 种花一年, 看花十日 [zhòng huā yī nián, kàn huā shí rì] (букв. «выращиваешь цветы год, любишь ими десять дней») иллюстрирует непродолжительность наслаждения по сравнению с затраченными усилиями.

Идиомы, описывающие бесполезные или неудачные действия, такие как 缘木求鱼 [yuán mù qiú yú] (букв. «искать рыбу, взбираясь на дерево») и 竹篮打水 [zhú lán dǎ shuǐ] (букв. «носить воду в бамбуковой корзине»), иллюстрируют бесполезность определённых действий. Некоторые выражения отражают идею неумелого труда, например, 揠苗助长 [yà miáo zhù zhǎng] (букв. «подтягивать руками всходы пшеницы для ускорения их роста»), что аналогично русскому выражению «оказать медвежьёю услугу», то есть навредить, пытаясь помочь.

Эквивалентом русского фразеологизма «таскать каштаны из огня» в китайском языке является ФЕ 火中取栗 [huǒ zhōng qǔ lì] (букв. «таскать каштаны из огня»). Этот фразеологизм обозначает выполнение трудной работы, результатами которой пользуются другие. Происхождение выражения связано с басней, в которой обезьяна уговаривает кошку вытащить каштаны из огня. В

результате кошка бесполезно тратит силы, тогда как обезьяна достигает своих целей за счёт её действий.

Для обозначения успеха на императорских экзаменах используются ФЕ 蟾宮折桂 [chán gōng zhé guì] (букв. «в Жабьем дворце сорвать ветку османтуса») и 攀蟾折桂 [pān chán shé guì] (букв. «дотянуться до Жабьего дворца, чтобы сорвать ветку османтуса»). Эти выражения связаны с легендой о Луне, где в Лунном дворце (Жабьем дворце), растёт ароматный османтус – символ счастья. В китайском языке также обнаружены слова и выражения, связанные с экзаменационным успехом: 丹桂 [dān guì] («красный османтус»), 桂枝 [guì zhī] («ветви османтуса»), 桂科 [guì kē] («османтус Экзаменов кэцзюй⁸»). Эти термины метафорически обозначают успешное прохождение государственных экзаменов. Кроме того, для почётного упоминания отличников использовались обращения 桂枝郎 [guì zhī láng] («молодой человек с ветвью османтуса»), 桂客 [guì kè] («гость с османтусом»). Также существует слово 桂苑 [guì yuàn] («сад османтуса») обозначавшее место проведения экзаменов.

Слово 杏园 [xìng yuán] («абрикосовый сад») также ассоциируется с успешной сдачей императорских экзаменов. Эта связь объясняется тем, что экзамены проводились весной, в период цветения абрикосов. Термин 探杏 [tàn xìng] («достать абрикос»), означающий достижение одного из трёх лучших результатов на экзаменах, символизирует стремление к сбору абрикосовых цветов, что считалось привилегией лучших участников. Этот обычай породил ФЕ 及第花 [jí dì huā] («цветок сдачи экзаменов»), которая подчёркивает связь абрикоса с академическим успехом. Традиционно празднования после успешной сдачи экзаменов проводились именно в абрикосовом саду, что ещё более укрепило символическую значимость этого растения в китайской культуре и образовании.

⁸ Кэцзюй – традиционная система государственных экзаменов, использующая для отбора кандидатов на государственную службу (605–1905 гг.).

2.2.3. Эмоционально-оценочные характеристики человека, отражённые в русских и китайских фразеологизмах и поговорках с растительными компонентами

Категория «эмоционально-оценочные характеристики человека» подразделяется на две подгруппы: положительные и отрицательные эмоции и оценки. Эмоциональная оценка в языке реализуется на различных уровнях языковой системы: на фонетическом уровне – через интонацию, на лексическом – посредством синонимии, а на словообразовательном – при помощи аффиксации, что можно увидеть на примере слов «старец», «старик», «старикашка».

Вопрос взаимосвязи эмоциональности и оценочности широко обсуждается в научной литературе. Некоторые исследователи, в частности Е.М. Вольф, полагают, что оценочность и эмоциональность следует рассматривать в соотношении «часть и целое» [Вольф, 2002, с. 40]. Однако Н.А. Лукьянова придерживается иной позиции, утверждая, что оценочность и эмоциональность являются тождественными понятиями, поскольку их невозможно разделить. Учёный аргументирует свою точку зрения следующим образом: «Оценочность, представленная как соотнесённость слова с оценкой, и эмоциональность, связанная с эмоциями, чувствами, не составляют двух разных компонентов значения, они едины» [Лукьянова, 1986, с. 12]. В рамках данного исследования мы придерживаемся второй точки зрения, рассматривая эмоциональность и оценочность как неразделимые компоненты языковой экспрессии.

2.2.3.1. Положительные эмоции и оценки

Радость представляет собой чувство внутреннего удовлетворения и позитивного психологического переживания, что находит отражение в таких русских фразеологизмах, как «елова *шишка*», «ядрёна *шишка*», «едрёна (ядрена) *репа*», зафиксированных в диалектной речи Пермской и Брянской областей.

Любовь проявляется в разнообразных формах – от романтических чувств до патриотической привязанности. В русских пословицах и народных выражениях отмечается традиция ласкового обращения к влюблённому, выраженная через метафорическое сравнение с фруктами и овощами. Так, в речи используются слова «яблочко», «малинка», «клубничка», «огурчик» и др. Этот образный ряд подтверждается примерами пословиц: *«красная моя ягодка»*, *«яблочко моё наливчатое»*, *«девица в терему, что яблочко в раю»*, *«голубчик – паровой огурчик: цветёт, цветёт, да и завянет»*.

Любовь к родине часто выражается через образ сосны, отражающий глубокую связь человека с родными местами. В русской паремиологии этот образ связывается с родным лесом, что метафорически передаёт привязанность к отчему краю. Примеры народных пословиц, отражающих этот символизм: *«всякая сосна своему бору шумит»*, *«далеко сосна стоит, а своему лесу вееет»*, *«где выросла сосна, там она и красна»*.

Дружелюбие ассоциируется с прочностью и долговечностью льна, что символизирует крепкую дружбу. Это отражено во фразеологизмах *«лён не делён»*, *«лён поделён»*, которые передают идею неразделимости дружеских связей и глубокой привязанности между друзьями. Выражения, связанные с восприятием новых знакомств, находят отражение в пословице *«друг неиспытанный – что орех нерасколотый»*, которая подчёркивает потенциальную непредсказуемость в отношениях с новыми людьми. Орех здесь служит метафорой скрытой сути человека, которая становится известной только после более близкого знакомства. Таким образом, пословица акцентирует важность осторожности при выборе друзей, поскольку истинная дружба проявляется в трудные времена.

В русском языке зафиксированы ФЕ и ПЕ с компонентами растительного мира, отражающие доброе отношение к человеку или предмету. Например, шутивно-ироническое выражение *«цветок душистых прерий»* используется в качестве комплимента девушке. В то же время жаргонное выражение *«всё в ёлочку»* обозначает одобрение и употребляется в значении «всё в порядке, всё хорошо».

В китайском языке слово «цветок» используется для выражения восторга и радости. Например, идиома 心花怒放 [xīn huā nù fàng] (букв. «цветы сердца бурно расцветают») символизирует глубокий восторг, а 眉花眼笑 [méi huā yǎn xiào] (букв. «брови расправляются как цветы, глаза смеются») передаёт радостное выражение лица человека.

В китайской культуре изображение ветвей, растущих на одном стебле, символизирует гармоничные супружеские отношения. Это значение передаёт идиома 比翼连枝 [bǐ yì lián zhī] (букв. «птица Бийняо⁹ и переплетённые ветви»), которая метафорически описывает неразлучную пару, символизируя взаимную любовь и единство в браке. Образ персика в китайской культуре также ассоциируется с романтической любовью. Его цветки, нежные и розовые, символизируют идеализированные любовные чувства. Это значение выражено в ФЕ 桃花流水 [táo huā liú shuǐ] (букв. «цветы персика и текущая вода»), которая образно описывает романтические чувства. Кроме того, в китайской традиции пион выступает символом женской красоты и чувственности, например, 牡丹花下死, 做鬼也风流 [mǔ dān huā xià sǐ, zuò guǐ yě fēng liú] (букв. «лучше умереть под пионом, чем жить без страсти – даже в виде призрака быть повесой»). Эта ПЕ, часто относящаяся к мужчинам, подчёркивает идею наслаждения романтической жизнью даже ценой риска, а также идеализацию женской красоты и чувственности.

Плоды красных бобов традиционно ассоциируются с деревом Тоска (相思木 [xiāng sī mù], четочник молитвенный) и символизируют любовную тоску. Согласно легенде, это дерево появилось в период Сражающихся царств (475–221 гг. до н.э.), тогда жена одного из воинов государства Вэй умерла от тоски по своему мужу, ушедшему на войну. Над её могилой выросло дерево, ветви которого склонялись в сторону, где находился её муж, символизируя неутолимую скорбь и неразрывную

⁹ Бийняо – миф. сказочная птица с одним крылом и одним глазом, способная лететь только в паре с другой такой же птицей. Она символизирует неразлучную супружескую пару, неразлучных супругов [academic.ru].

связь с любимым [江畚经, 1983, с. 62]. Во времена династии Тан поэт Ван Вэй создал знаменитое стихотворение о Дереве Тоска под названием 相思 [xiāng sī] («Тоскуем друг о друге»), где красные бобы выступают символом любви и разлуки: «**Красные бобы** зреют на юге, / Весной ветви плодоносят. / Желая тебе собрать их побольше, / Ведь они символизируют нашу любовь». В современной культуре красные бобы остаются символом любви и тоски по разлученным. Они активно используются в литературе и разговорной речи, в том числе в идиоме 红豆相思 [hóng dòu xiāng sī] (букв. «красные бобы символизируют тоску»).

Традиционная китайская культура придаёт высокую ценность сыновней почтительности, что отражено в таких фразеологизмах, как 菽水承欢 [shú shuǐ chéng huān] (букв. «радовать родителей бобами и водой») – служить родителям с преданностью, даже в бедности, 寸草春晖 [cùn cǎo chūn huī] (букв. «травинка не может отплатить за щедрость весенних лучей солнца») – вечная благодарность за родительскую любовь и заботу.

Сыновняя почтительность может тронуть даже неодушевлённые духи. Согласно китайской легенде, Мэн Цзун в детстве отправился в бамбуковый лес за молодыми ростками бамбука, чтобы вылечить свою больную мать, поскольку именно бамбуковые побеги могли ей помочь. Однако зимой он не смог их найти и, охваченный отчаянием, расплакался. Его слёзы тронули бамбук, и под снегом появились свежие побеги. Эта история породила идиому 哭竹生笋 [kū zhú shēng sǔn] (букв. «благодаря слезам вырастают побеги бамбука») [郭居业].

Братская любовь и почтение к старшим нашли отражение в легенде о Кун Жуне. Будучи ребёнком, он выбрал самую маленькую грушу, уступив крупные фрукты старшим братьям. Эта история породила ФЕ 孔融让梨 [kǒng róng ràng lí] (букв. «Кун Жун уступил большие груши старшим братьям»), символизирующая братскую любовь и уважение. Другим примером братской любви является история императора Тайцзу (927–976 н.э.), правителя государства династии Северная Сун. Когда его брат сильно заболел, он прижёл себя горячей полыньёю, чтобы разделить

страдания своего брата. Это событие породило ФЕ 灼艾分痛 [zhuó ài fēn tòng] (букв. «прижигать себя полынью, чтобы делить боль»).

Любовь к родне может символически выражаться через привязанность к деревьям, посаженным на родной земле. Это отражено в идиоме 恭敬桑梓 [gōng jìng sāng zǐ] (букв. «благоговейное уважение к тутовникам и катальпам, растущим в родном доме»). Данное выражение символизирует любовь к родине и уважение к односельчанам. В этом контексте тутовники и катальпы рассматриваются как метафоры родины и родителей, что восходит к строкам из Книги «Ши цзин»: «Посажены были катальпа и тут / А люди и нежат деревья, и чтут / Я мог на отца лишь с надеждой взирать / Была мне привычной опорой мать» [Ши, 1987, с. 173]. В древнекитайских представлениях деревья, посаженные родителями на родной земле, заслуживают почтительного отношения, поскольку они связаны с традицией почитания предков. Со временем тут и катальпа стали символами родного дома и семьи. Аналогичное значение передаёт пословица 树高千百丈, 叶落要归根 [shù gāo qiān bǎi zhàng, yè luò yào guī gēn] (дерево может достигать высоты в тысячу чжанов¹⁰, но его листья всё равно опадают обратно к своему корню). Это выражение подчёркивает значимость возвращения к истокам и привязанности к родной земле.

ФЕ 甘棠之爱 [gān táng zhī ài] (букв. «любовь к сладким грушам») исторически ассоциируется с народной благодарностью за добрые дела правителя. Согласно преданию, во времена династии Чжоу (1046–256 гг. до н.э.) праведный чиновник Чжао Бо совершил самоубийство под грушевым деревом, доказывая свою преданность и честь. После его смерти не было срублено ни одного грушевого дерева, что впоследствии дало начало данному выражению.

Благодарность и признательность выражаются через идиомы, такие как: 投桃报李 [tóu táo bào lǐ] (букв. «получить плод персика, отблагодарить плодом сливы»), 投瓜报玉 [tóu guā bào yù] (букв. «получить арбуз, отблагодарить

¹⁰ Чжан – китайская единица длины, равная 3,33 метров.

нефритом»). Эти выражения подчёркивают идею взаимной благодарности и доброжелательности.

Преданность и верность выражаются в ФЕ 葵藿倾阳 [kuí huò qīng yang] (букв. «листья подсолнечника и бобовых растений поворачиваются к солнцу»). Здесь движение растений за солнцем сравнивается с преданностью подчинённых к своему начальству. Эта же тема продолжается в идиоме 展草垂缰 [zhǎn cǎo chuí jiāng] (букв. «тушить траву, свисать поводья»), которая основана на реальных событиях и демонстрирует жертвенную преданность животных своим хозяевам.

Когда речь идёт о детской дружбе, в китайском языке используется ФЕ 青梅竹马 [qīng méi zhú mǎ] (букв. «зелёная слива-муме и бамбуковая палка-лошадка»), которая символизирует дружеские отношения, установившиеся с раннего детства. Эта идиома происходит из стихотворения поэта Ли Бо (701–762 гг. н.э.), где описываются невинные детские игры, являющиеся метафорой чистоты и искренности дружеских отношений. В традиционной китайской культуре близкие люди могут стать названными братьями или сёстрами, чтобы укрепить дружбу на долгие годы. Практика клятвы на братство или сестринство, закрепляемая обрядом поклонения перед текучей водой и вечнозелёными соснами, иллюстрируется фразеологизмом 指水盟松 [zhǐ shuǐ méng sōng] (букв. «поклониться перед текущей водой и вечнозелёными соснами»), обозначающим стремление к долговечным дружеским отношениям.

Связь между образом орхидеи и дружбой проистекает из книги «Чжоу И» («Книга Перемен»), где приводится следующее изречение: «Если двое действуют в одном духе, их сила может разрубить металл; слова, исходящие от единства сердец, распространяют аромат, подобный орхидее» [张燕婴, 2012, с. 364]. На основе этого представления возникли фразеологизмы: 义结金兰 [yì jié jīn lán] (букв. «стать металлом и орхидеей») – завязать крепкую дружбу, стать побратимами; 金兰之契 [jīn lán zhī qì] (букв. «дружба как твёрдое золото и ароматная орхидея») – неразрывные дружеские узы.

В китайском языке уважение к мудрецам выражается через ФЕ 三顾茅庐 [sān gù máo lú] (букв. «трижды приходит с визитом в соломенную хижину»). Это выражение имеет историческое происхождение и связано с событиями эпохи Троецарствия (220–280 гг.). Согласно преданию, правитель Лю Бэй¹¹ узнал о выдающемся таланте Чжугэ Ляна¹² и решил заручиться его поддержкой. Чтобы пригласить Чжугэ Ляна на службу, Лю Бэй отправился с дарами в его дом, скромную хижину из соломы, однако дважды не застал его дома. Спутники Лю Бэя негодовали и уговаривали больше не предпринимать попыток, но Лю Бэй проявил настойчивость. В третий раз, пробыв в дом Чжугэ Ляна, Лю Бэй обнаружил, что тот спит, и терпеливо ждал, пока мудрец проснётся. Впечатлённый искренностью и уважением Лю Бэя, Чжугэ Лян согласился стать его советником. Впоследствии Чжугэ Лян стал одним из самых известных государственных деятелей и военных стратегов в истории Китая.

Уважение к медицинскому сообществу выражается через термин 杏林 [xìng lín] (букв. «абрикосовая роща»), который традиционно ассоциируется с врачебным ремеслом. Эта связь восходит к легенде о лекаре Дун Фэне, который бесплатно лечил пациентов, а в знак благодарности просил их посадить абрикосовые деревья. В результате возникли выражения 杏林春满 [xìng lín chūn mǎn] (букв. «весна расцветает в абрикосовой роще») и 誉满杏林 [yù mǎn xìng lín] (букв. «добрая слава наполняет абрикосовую рощу»), которые выражают признание заслуг медицинских работников.

2.2.3.2. Отрицательные эмоции и оценки

Обнаружены русские ФЕ и ПЕ с компонентом растений, которые отражают негативные эмоции и оценки, такие как безразличие, презрение, гнев, негодование,

¹¹ Лю Бэй (161–223 гг.) – основатель царства Шу в эпоху Троецарствия.

¹² Чжугэ Лян (181–234 гг.) – выдающийся учёный и математик, военный стратег, мудрый политик.

раздражение, разочарование, неодобрение, боязнь, беспокойство, печаль, зависть, жадность и др. Например, слово «трава» ассоциируется с незначительностью личности, присутствует во фразеологизмах для выражения равнодушия: «*всё трын-трава*», «*хоть трава не расти*», «*хоть волк траву ешь*», «*и травушка не расти*», «*считать ниже травы*», «*после нас хоть волк траву ешь!*». Изначально слово «трын-трава» происходит от «тын-трава», где «тын» обозначает обратную сторону забора, а «трава» – никому не нужный сорняк. Это подчёркивает пренебрежительное отношение к объекту обсуждения.

Безразличие, презрение и неуважение также выражены в идиомах «*срать я хотел с высокой ёлки*», «*ни в лыку не ставить*», «*плевать с высокого дерева*». Эти выражения указывают на надменность и неуважение к окружающим. Подобное значение несут фразеологизмы с компонентом «хрен»: «*и в хрен не дуть*», «*и в хрен не трубить*», «*хрен по деревне*». ФЕ «*сердце обросло мохом*» характеризует бездушного, эмоционально чёрствого человека. Мох, покрывающий поверхность ровным и плотным слоем, символизирует чувственное отчуждение, нечувствительность и эмоциональную холодность.

Состояния гнева, раздражения и негодования отражены в выражениях «*рухнуть с дуба*», «*на дуба ходить*», «*в сосну головой*». Эти фразеологизмы подчёркивают сильное эмоциональное напряжение. Кроме того, ФЕ «*апельсин тебе в гланды*», «*малина в рот!*» передают эмоциональную вспышку и возможное возмущение.

Для иллюстрации неожиданности и разочарования применяется идиома «*вот так клюква*», в которой образ кислой ягоды подчёркивает неприятный сюрприз. Это выражение сформировано по модели ФЕ типа «*вот так штука*»; «*вот так фрукт*», где акцент делается на внезапность происходящего.

Слово «банан» используется в жаргонных выражениях, таких как «*банан тебе в руку!*», «*а банан не хочешь?*», для выражения неудовлетворения или категорического отказа. Русский народ также говорит «*показывать фигу*», «*фига с маслом*» обычно при показании соответствующего жеста. Жест состоит из кулака с

большим пальцем, просунутым между указательным и средним пальцами. Изначально этот жест имел защитное значение против нечистой силы, но в современном языке стал символом пренебрежения и категорического отказа.

Сорные растения традиционно ассоциируются с нежелательными и вредными элементами. Например, ФЕ «он духу его не терпит, как чихотная **трава**» выражает отвращение к кому-л. ФЕ «выживает меня, как лиху **траву** с поля» передаёт ощущение принудительного вытеснения. ФЕ «с тобой водиться – что в **крапиву** садиться» сравнивает неприятного человека с колючей крапивой, общение с которым приносит дискомфорт.

Слово «хрен» используется в разговорной речи для выражения отрицательных эмоций и усиления экспрессивности. Оно встречается в таких ФЕ, как «кой (какой) **хрен!**», «**хрена** с два», «иди (пошёл) ты на **хрен!**», «к **хренам** собачьим». Эти фразеологизмы выражают сильное несогласие или раздражение.

Осина в христианской традиции ассоциируется с предательством и проклятием, что связано с распространённым преданием о том, что на осине повесился Иуда Искариот, предавший Иисуса Христа. По суеверным обычаям, в деревне после смерти колдуна или ведьмы использовали осиновые дрова для сжигания тел, чтобы предотвратить их вредоносное влияние. Более эффективным методом считалось вбивание осинового кола прямо в труп умершего [Борисова, 2014, с. 42]. Это поверие отразилось в идиоме «вбить **осиновый** кол в могилу», означающей окончательное избавление от враждебного или нежелательного влияния.

Связанные с осиной **паремии** включают выражения «**осиновый** клин в душу», «**быть на осине**», «**быть тебе (ему и т.п.) на осине**», «**чтоб тебя на осину**», «**чтоб тебя повесили на сухой осине**», «**ладило б тебя на осину**», которые передают недобрые пожелания или отвращение. Кроме того, существуют ФЕ и ПЕ, связанные со страхом, например: «**дрожать как осиновый лист**», «**трясётся, что Каин, что осиновый лист**», «**осина и без ветру шумит**».

В русском языке страх также находит отражение в идиоме «*волосы дубом (дубью) встали*», которая описывает человека в состоянии крайнего ужаса. Пословица «*пуганая ворона и куста боится*» передаёт идею, что человек, однажды испытавший сильный страх, становится чрезмерно осторожным и пугливым, даже в безобидных ситуациях.

«Репка, или репка, является простым овощем, однако ручной зажим в русском народе назывался репка, в сжатом состоянии он напоминал этот овощ. С репкой связаны пословицы: *хоть репку пой; хоть ты матушку-репку пой!*» [Анисимов, 2004, с. 209]. Эти фразеологизмы употреблялись в контексте пыток в застенках царской России и выражали чувство крайнего отчаяния и бессилия перед безысходной ситуацией.

Лавр, традиционно символизирующий славу и триумф, используется в выражении «*лавровый венец*», обозначающем знак почёта и признания. ПЕ «*Лавры Мильтиада (чужие) не дают спать (покоя)*» используется для описания острой зависти к чужому успеху. Исторически эта фраза связана с древнегреческим полководцем Фемистоклом, который, вдохновлённый победой Мильтиада (ок. 550–489 гг. до н.э.) в битве при Марафоне (490 г. до н.э.), стремился к собственным военным достижениям.

Тема зависти также представлена в басне И.А. Крылова (1769–1844 гг.) «Лисица и виноград», где лисица, не сумев достать виноград, пытается оправдать свою неудачу, утверждая, что ягоды всё равно незрелые и зелёные. На основе этого сюжета возникло выражение «*зелен виноград*», символизирующее зависть и оправдание собственной неудачи.

Из данной русской басни заимствована китайская поговорка *吃不到葡萄, 就说葡萄是酸的* [chī bú dào pú táo, jiù shuō pú táo shì suān de] (букв. «не доставая винограда, говорит, что виноград кислый»), что свидетельствует о распространённости данной модели мышления в различных культурах.

Отмечены китайские фразеологизмы со словом «трава», символизирующим незначительность жизни простых людей. Например, идиомы *视如草芥* [shì rú cǎo jiè] (букв. «смотреть, как на травинку») и *草菅人命* [cǎo jiān rén mìng] (букв. «убивать как травинку») отражают безразличное отношение к человеческой жизни.

Иероглиф 木 [mù] (дерево) имеет переносное значение: «потерять чувства, онеметь» [商务印书馆国际有限公司, 2015, с. 611], участвует в образовании многих ФЕ, обозначающих равнодушие и бесчувственность. ФЕ *槁木死灰* [gǎo mù sǐ huī] происходит из концепции Чжуан-цзы, второго после Лао-цзы основоположника даосизма: «Тело – как высохшее **дерево**, / Сердце – как остывший пепел. / Ведь вы, сидящий ныне передо мной, / Не тот, кто сидел здесь прежде!» [Чжуан-цзы, 1995, с. 64]. Даосизм полагает, что в мире нет принципа, управляющего явлениями, всё существует само по себе. Со временем идиома приобрела отрицательное значение ‘бесчувственный, холодный человек; омертвевший, безжизненный’. Синонимы включают ФЕ *木石心肠* [mù shí xīn cháng] (букв. «сердце подобно дереву и камню») и *麻木不仁* [má mù bù rén] (букв. «деревянный, бесчувственный»).

Иероглиф 木 [mù] (дерево) также входит в состав фразеологизма *呆若木鸡* (букв. «застыть как деревянный петух»), имеющего значение ‘оцепенеть, замереть на месте’. Эта ФЕ восходит к даосской концепции самосовершенствования, согласно которой подвижники, достигшие высших ступеней мастерства в различных искусствах, приобретают невозмутимость и полное самообладание. В качестве примера можно привести описание подготовки петуха к поединку, приведённое в трактате Чжуан-цзы: «Петух почти готов к поединку тогда, когда, даже если рядом закричит другой петух, он не беспокоится. Посмотришь издали – словно из **дерева** вырезан. Жизненная сила в нём достигла завершенности. Другие петухи не посмеют принять его вызов: едва завидят его, как тут же повернутся и убегут прочь» [Чжуан-цзы, 1995, с. 177]. Даосское совершенствование наделяет подвижника почти сверхъестественными способностями, превосходящими простое техническое мастерство. В современном языке это выражение утратило

первоначальный философский смысл и используется для описания состояния полного оцепенения.

Для выражения гнева и раздражения используются идиомы, описывающие мимику, например: *杏眼圆睁* [xìng yǎn yuán zhēng] (букв. «глаза, как косточки абрикоса, сверкают от ярости») и *柳眉踢竖* [liǔ méi tī shù] (букв. «брови, как листья ивы, подняты от гнева»). Эти выражения применяются, как правило, для описания сердитого образа женщины.

Выражения страха и паники включают ФЕ *草木皆兵* [cǎo mù jiē bīng] (букв. «каждая трава и каждое дерево кажутся врагами») и *风兵草甲* [fēng bīng cǎo jiǎ] (букв. «принять ветер за армию, а траву за доспехи»). Оба фразеологизма символизируют тревожное восприятие окружающей среды как потенциальной угрозы, когда человек, охваченный страхом, видит опасность там, где её нет.

Сложные внутренние переживания сравниваются с запутанными волокнами конопли, что отражено в идиомах *愁绪如麻* [chóu xù rú má] (букв. «печали запутанны, как конопля») и *心乱如麻* [xīn luàn rú má] (букв. «сердце запутано, как конопля»). Эти выражения описывают состояние крайнего волнения, смятения и подавленности.

Ость – это тонкий заострённый вырост на оболочке зерна многих злаков. В китайском языке существует несколько ФЕ, передающих чувство тревоги и беспокойства, сравнимое с ощущением колющего предмета в спине. К таким выражениям относятся: *芒刺在背* [máng cì zài bèi] / *如芒在背* [rú máng zài bèi] / *背若芒刺* [bèi ruò máng cì], что буквально означает «как ость в спине». Аналогичная по смыслу пословица – *屁股底下有蒺藜* [pì gu dǐ xià yǒu jí lí] (букв. «под задницей якорец»), которая также передаёт состояние крайнего беспокойства и дискомфорта.

Баклажан после заморозков становится мягким и вялым, что отражено в поговорке *霜打的茄子* [shuāng dǎ de qié zi] (букв. «баклажан, ударенный морозом»), описывающей состояние депрессии или вялости.

В китайской культуре ива традиционно ассоциируется с расставанием. В древности существовал обычай дарить отломанные ветви ивы в знак прощания, что символизировало печаль и тоску по уходящему другу. Это связано с фонетическим сходством слов 柳 [liǔ] («ива») и 留 [liú] («оставаться»). Данное значение отражено в идиоме 杨柳依依 [yáng liǔ yī yī], описывающей плавное колыхание ветвей ивы на ветру, что ассоциируется с грустью расставания. Пословица 花发多风雨, 人生苦别离 [huā fā duō fēng yǔ, rén shēng kǔ bié lí] (букв. «цветы часто сталкиваются с ветром и дождём, а жизнь человека – с болезненными расставаниями») выражает чувство грусти и утраты.

Древняя мудрость 树欲静而风不止, 子欲养而亲不待 [shù yù jìng ér fēng bù zhǐ, zǐ yù yǎng ér qīn bú dài] (букв. «дерево хочет быть спокойным, но ветер продолжает его качать; дети хотят заботиться о родителях, но родители уже ушли») подчёркивает важность проявления почтительности к родителям при их жизни, поскольку после их смерти выразить благодарность уже невозможно. Это выражение часто сокращается до 风树之感 [fēng shù zhī gǎn] (букв. «чувство к ветру и деревьям»), что означает горечь и сожаление о смерти родителей.

2.2.4. Интеллектуальные характеристики человека, отражённые в русских и китайских фразеологизмах и поговорках с растительными компонентами

Категория «интеллектуальные характеристики человека» подразделяется на такие подгруппы, как «умственная деятельность», «речевая деятельность» и «опыт и знания».

2.2.4.1. Умственная деятельность

В русском языке существует широкий корпус ФЕ и ПЕ, характеризующих умственные способности человека. Растительная метафора часто используется для

описания низкого интеллекта и ограниченности мышления. Одним из таких образов является дуб, который в русской культуре ассоциируется с глупостью и упрямством. Это отражается в выражениях «*дубовая голова*», «*дубовая башка*», «*попереть в дуб*».

Подобное значение имеют и фразеологизмы, связанные с другими деревьями: «*балда осиновая*», «*берёзовый пень*», «*башка еловая*». Эти выражения подчёркивают неспособность человека к осмыслению даже простых ситуаций и выражают пренебрежительное отношение к его интеллектуальным способностям. Образ соломы символизирует пустоту и бесполезность. Фразеологизмы «*в голове солома*», «*голова соломой набита*», «*соломенная голова*» указывают на отсутствие интеллекта и склонность к поверхностному мышлению.

Кроме того, некоторые пословицы описывают когнитивные процессы, такие как восприятие, мышление, способность анализировать и делать выводы. Они подчёркивают ограниченность ума, неспособность к анализу и путаницу в простых вопросах. Например, «*заблудиться в двух (трёх) елях*», «*как свинья в апельсинах*» характеризуют неумение разобраться в очевидных вещах. Выражения «*за деревьями леса не видеть*», «*за лесом видит, а под лесом нет*» (вариант: «*а под носом не видит*») указывают на неспособность видеть ситуацию в целом.

ФЕ «*на мякине не проведёшь*» происходит из пословицы «*старого воробья на мякине не проведёшь*», олицетворяющей опытного человека, которого трудно обмануть. Мякина, представляющая собой остатки колосьев и стеблей после обмолота злаков, непригодна в пищу. Воробей, избегая мякины и продолжая поиски необмолоченного зерна, символизирует способность отличать значимое от незначительного. Подобно этому, опытный человек умеет распознавать истину и не поддаётся на обман.

Фразеологизмы, связанные с познавательной деятельностью, включают выражения, отражающие процессы осмысления, познания и формирования новых идей. Например, «*раскусить этот / такой орех*» ('понять, постичь что-л.');

«заронить зерно / семя» ('возбудить, вызвать какое-л. чувство'); «вкушать от древа познания» ('приобретение знаний или понимание сложных явлений').

Переносное значение слова «корень» как основы или сущности явления подчёркивает глубину анализа и понимания. Некоторые ФЕ с этим словом отражают способность глубоко воспринимать информацию и разбираться в сути явлений, например, «знать в **корень**» ('видеть главное в чём-л., вникать в суть дела'), «смотреть в **корень**» ('вникать в самую суть дела, обращать внимание на самое существенное').

В китайском языке слово «корень» также используется во фразеологических выражениях, отражающих стремление к глубокому пониманию и анализу: 刨根问底 [páo gēn wèn dǐ] (букв. «расследовать до самого корня»), 拔树寻根 [bá shù xún gēn] (букв. «выкорчевать дерево, чтобы найти его корень»).

Фразеологизмы, связанные с ограниченными умственными способностями человека, часто содержат метафору дерева, символизируя негибкость мышления и отсутствие интеллектуальной гибкости. Например, 木头木脑 [mù tóu mù nǎo] (букв. «деревянная голова»), 泥塑木雕 [ní sù mù diāo] (букв. «как глиняный и деревянный истукан»), 木石鹿豕 [mù shí lù shǐ] (букв. «безжизненный, как дерево, камень, олень и свинья»).

Ассоциация вяза с глупостью основана на фонетическом созвучии слов. ФЕ 榆木脑袋 [yú mù nǎo dai] (букв. «голова сделана из вяза») обозначает упрямство и глупость. Поговорка 榆木疙瘩开了窍 [yú mù gē da kāi le qiào] (букв. ««в пне вяза открылось цяо») символизирует озарение, момент прозрения. В данном контексте «цяо» (窍 [qiào]) интерпретируется как «отверстие» и отсылает к концепции «семь цяо» (七窍 [qī qiào]), обозначающей семь органов чувств человека (глаза, уши, ноздри и рот). Подразумевается, что «открытие» этих органов приводит к способности воспринимать знания, делая человека осознанным и умным.

Выделяется ряд выражений, связанных с ограниченностью восприятия, мышления и знаний. Например, ФЕ 不辨菽粟 [bù biàn shū lì] (букв.

«неспособность отличить бобы от проса») и ПЕ 茄子黄瓜一锅煮 [qié zi huáng guā yì guō zhǔ] (букв. «баклажаны и огурцы варить в одном котле») указывают на неспособность отличить важное от неважного, смешивание несоотносимых вещей. ФЕ 目光如豆 [mù guāng rú dòu] (букв. «кругозор с горошину») символизирует узость мышления и ограниченность взгляда. ПЕ 只见树木, 不见森林 [zhǐ jiàn shù mù, bú jiàn sēn lín] (букв. «видеть лишь деревья, не замечая леса») подчёркивает неспособность увидеть общую картину, заикленность на деталях. Аналог в русском языке – «за *деревьями* леса не видеть».

Образ тыквы-горлянки также широко используется в китайских фразеологизмах, так как ассоциируется с тайной, скрытым смыслом, а также с ограниченностью мышления. В древнем Китае тыквы-горлянки служили сосудами для хранения жидкостей, включая лекарства, что сделало их символом секрета и скрытого смысла. Кроме того, закрытая форма тыквы-горлянки (узкое горлышко и широкая основа) олицетворяет недосказанность, загадочность и трудность в понимании. Эти характеристики нашли отражение в ряде фразеологизмов:

· 闹不清葫芦里装的什么药 [nào bù qīng hú lu lǐ zhuāng de shén me yào] (букв. «не знать, какое лекарство спрятано в тыкве») – неспособность понять мотивы другого человека, подозрительность;

· 吃了一个闷葫芦 [chī le yī gè mèn hú lu] (букв. «съесть закрытую тыкву-горлянку») – недоумение, столкновение с неразрешимой загадкой;

· 钻到闷葫芦里去 [zuān dào mèn hú lu lǐ qù] (букв. «забраться в закрытую тыкву») – погружение в путаницу, непонимание происходящего;

· 死抱葫芦不开瓢 [sǐ bào hú lu bù kāi piáo] (букв. «мёртво обнимать тыкву и не открывать её половинки») – упрямство, негибкость мышления, неспособность адаптироваться.

2.2.4.2. Речевая деятельность

Речевая деятельность – это комплексный коммуникативный и психологический процесс, в котором используется язык для общения. В лингвистике традиционно выделяют четыре основные формы речевой деятельности: говорение, слушание, чтение и письмо.

Цветы часто ассоциируются с красотой, что находит отражение в русском фразеологизме «*цветы красноречия*», символизирующем высокую степень риторического мастерства и красивую, выразительную речь. Напротив, для описания ситуаций, когда речь полна нелепых или бессмысленных высказываний, используется фразеологизм «*сказывать (наговорить) на вербе грушу*». Верб (ива) по своей природе не приносит плодов в виде груш, что делает это выражение метафорой абсурдной, бессмысленной речи.

Идиома «*развесистая клюква*» обозначает абсурдные и нелепые выдумки. Она возникла из анекдотической истории о французском писателе, утверждавшем, что он отдыхал в тени величественной клюквы, хотя на самом деле клюква является низкорослым болотным растением, образующим заросли лишь в определённых местах. Эта ФЕ отражает стереотипные представления иностранцев о России и применяется, когда чей-л. рассказ полностью не соответствует реальности.

Для описания бесполезной болтовни используются фразеологизмы «*бобы (на бобах) разводиться*», «*разводить / развести бобы*», основанные на ассоциации пустых разговоров с бобами, традиционно использовавшимися в России для гадания. Идиома «*сыпать горохом*» обозначает непрерывную, бессмысленную речь, напоминающую звук рассыпающегося гороха.

Устойчивое выражение «*канифоль с уксусом*», встречающееся в произведении А.П. Чехова «Палата № 6», символизирует пустые и непонятные разговоры. К.И. Чуковский использует его для характеристики самооценки Чехова, связывая кислый вкус уксуса с негативной оценкой.

В китайском языке фразеологизмы широко отражают различные аспекты речевой деятельности: искусство красноречия, обманчивость речи, склонность к преувеличениям, косвенное выражение мыслей, литературный талант и другие.

Красноречие часто ассоциируется с цветами, символизирующими красоту и изящество речи. Например, ФЕ 梨花之论 [càn huā zhī lùn] (букв. «разговоры цветут как цветы») и 口吐莲花 [kǒu tǔ lián huā] (букв. «из уст летят лотосы») подчёркивают элегантность и красоту речи. Пословица 同心之言，其臭如兰 [tóng xīn zhī yán, qí chòu rú lán] (букв. «слова, сказанные от одного сердца, благоухают, как орхидеи») подчёркивает, что единомыслие делает общение приятным и удовлетворительным.

Однако слова могут быть обманчивыми. ФЕ 天花乱坠 [tiān huā luàn zhuì] (букв. «цветы падают с небес») и 花甜蜜就 [huā tián mì jiù] (букв. «слова как цветы и мёд») иллюстрируют использование красивой речи для обмана.

Некоторые фразеологизмы отражают склонность к преувеличению и добавлению лишних деталей, что может приводить к искажению смысла, например, 拌蒜加葱 [bàn suàn jiā cōng] (букв. «добавить чеснок и зелёный лук») и ПЕ 枝儿上添叶儿 [zhī ér shàng tiān yè ér] (букв. «добавить листьев к ветке»).

В китайском языке встречаются овощные ассоциации с бессмысленными разговорами, отражённые в таких пословицах, как 数黄瓜，道茄子 [shǔ huáng guā, dào qié zi] (букв. «считать огурцы и говорить о баклажанах»), 扯葫芦，倒秧子 [chě hú lu, dào yang zi] (букв. «тянуть за тыкву-горлянку, переворачивать рассаду»).

Китайские ФЕ и ПЕ также отражают склонность выражать недовольство намёками, а не прямо. В ФЕ 指桑骂槐 [zhǐ sāng mà huái] (букв. «указывать на тутовник, а бранить акацию») косвенно выражено недовольство, уклончивая критика. ПЕ 指冬瓜说葫芦 [zhǐ dōng guā shuō hú lu] (букв. «говорить о тыкве-горлянке, указывая на зимнюю тыкву») отражает уклончивые замечания, завуалированные упрёки.

Тыква-горлянка служит метафорой молчаливого, скрытного или неразговорчивого человека. Эта ассоциация обусловлена её закрытой формой (узкое горлышко и широкая основа), символизирующей замкнутость, немногословность и неясность высказываний. ФЕ и ПЕ с образом тыквы-горлянки описывают неспособность к открытому общению, например, 没嘴葫芦 [méi zuǐ hú lu] (букв. «тыква-горлянка без рта», обр. «чрезмерно молчаливый человек»), 只比葫芦多个嘴 [zhǐ bǐ hú lu duō gè zuǐ] (букв. «отличается от тыквы-горлянки только наличием рта», обр. «молчаливый, неразговорчивый человек»), 闷葫芦打开塞儿 [mèn hú lu dǎ kāi sāi ér] (букв. «заткнутая тыква-горлянка открыла пробку», обр. «замкнутый человек заговорил»).

Литературный талант в китайской культуре часто ассоциируется с образом распускающихся цветов, символизирующих красоту и продуктивность текста. Это отражено в следующих фразеологизмах: 文如春华 [wén rú chūn huá] (букв. «проза как весенние цветы») – изящность и выразительность литературного стиля, 竹管开花 [zhú guǎn kāi huā] (букв. «бамбуковая трубка расцветает») – творческое вдохновение, неожиданное озарение.

В китайском языке слово «трава» имеет переносное значение «небрежный, неаккуратный, неразборчивый» [中国社会科学院语言研究所, 2016, с. 129]. Это отражается в термине 草书 [cǎo shū] (цаошу, небрежное письмо), обозначающем стиль китайской каллиграфии, характеризующийся свободной, экспрессивной манерой письма. Так, образ травы описывает скорописное каллиграфическое мастерство, например, ФЕ 惊蛇入草 [jīng shé rù cǎo] (букв. «испуганная змея уползает в траву») означает динамичное и выразительное письмо в стиле скорописи.

2.2.4.3. Опыт и знания

Исследование ФЕ и ПЕ способствует пониманию формирования ценностных категорий, отражающих философию восприятия, критерии благополучия и

концепции смысла жизни на протяжении столетий. Результаты анализа подтверждают взаимопроникновение культурных традиций на современном этапе их развития. Изучение опыта через призму ФЕ и ПЕ особенно продуктивно, поскольку они объединяют универсальные и культурно-специфические элементы, способствующие осмыслению и анализу системы ценностей различных культур.

В русском языке прослеживаются следующие абстрактные представления о жизненном опыте и закономерностях бытия.

Идея о том, что всё происходит в своё время, отражена в следующих пословицах:

- «*всякое **семя** знает своё время*»;
- «*когда будет **рожь**, тогда и мера*»;
- «*не цвести **цветам** зимой по снегу*»;
- «*дети – **цветы** жизни, старики – **кактусы** смерти*».

Понимание причинности и закономерности выражено в пословицах:

- «*где **цветок**, там и медок*»;
- «*не родит **верба** **груши***»;
- «*в **бор** не по **груши** – по **еловы** **шишки***»;
- «*на красный **цветок** и пчела летит*».

У всего хорошего есть и дурная сторона, что иллюстрируется выражениями:

- «*нет **розы** без **шипов***»;
- «*чем красивее **роза**, тем длиннее у неё **шипы***»;
- «*хорош **цветок**, да скоро вянет*»;
- «*жгуча **крапива** родится, да во **щух** уварится*»;
- «*и **крапива** красива, когда она цветёт*»;
- «*красна **ягодка**, да на вкус горька*».

В китайском языке можно выделить следующие абстрактные представления, связанные с опытом и закономерностями жизни.

Идея о том, что всё происходит в своё время, отражена в следующих пословицах:

· **春桃秋菊, 物有所时** [chūn táo qiū jú, wù yǒu suǒ shí] (букв. «персиковые цветы весной, хризантемы осенью, всякому своё время») – каждое явление имеет свой срок;

· **花开花落终有时** [huā kāi huā luò zhōng yǒu shí] (букв. «цветы цветут и опадают в своё время») – всё подчиняется естественному циклу;

· **树无百年荣** [shù wú bǎi nián róng] (букв. «дерево не бывает вечно пышным») – процветание и успех не вечны;

· **花开在春天, 读书在少年** [huā kāi zài chūn tiān, dú shū zài shào nián] (букв. «цветы цветут весной, а дети учатся в детстве») – всё должно происходить в надлежащее время.

Понимание закономерности событий выражено в следующих выражениях:

· **根不动, 梢不摇** [gēn bù dòng, shāo bù yáo] (букв. «если корень неподвижен, то и вершина не колыхнется») – отсутствие причины не влечёт последствий;

· **仇有源, 树有根** [chóu yǒu yuán, shù yǒu gēn] (букв. «у вражды есть исток, у дерева – корень») – всё имеет свою первопричину;

· **种什么花, 结什么果** [zhòng shén me huā, jié shén me guǒ] (букв. «каков цветок, таков и плод») – результат зависит от исходных условий;

· **什么藤结什么瓜, 什么树开什么花** [shén me téng jié shén me guā, shén me shù kāi shén me huā] (букв. «какова плеть, таков и плод; каково дерево, таковы и цветы») – каждое явление порождает соответствующий результат.

Идея о неизбежности как положительных, так и отрицательных сторон жизни выражена в следующих поговорках:

· **美丽的玫瑰总是带刺的** [měi lì de méi guī zǒng shì dài cì de] (букв. «красивая роза всегда растёт с шипами») – красота сопряжена с трудностями;

· **人无千日好, 花无百日红** [rén wú qiān rì hǎo, huā wú bǎi rì hóng] (букв. «как у человека не бывает тысячи хороших дней, так и цветок не может цвести сто дней подряд») – переменчивость удачи и благополучия;

·花无常开, 月有盈缺 [huā wú cháng kāi, yuè yǒu yíng quē] (букв. «цветы не цветут вечно, у луны есть полнолуние и убывание») – всё в мире изменчиво.

2.2.5. Моральные характеристики человека, отражённые в русских и китайских фразеологизмах и поговорках с растительными компонентами

Категория «моральные характеристики человека» включает положительные и отрицательные качества. К положительным моральным качествам относятся стойкость, твердость, смелость, отвага, решительность, честность, усердие, скромность и прочие. Отрицательные моральные качества включают необразованность, неотесанность, непорядочность, небрежность, трусость, скупость, упрямство, коварство, черствость и другие.

2.2.5.1. Положительные моральные качества

Моральные качества находят отражение в русских ФЕ и ПЕ. Они подчёркивают настойчивость, честность, терпение и силу духа, необходимые для преодоления трудностей.

Некоторые пословицы выражают идею решимости и готовности преодолевать препятствия: «*бояться волков – быть без грибов*», «*чем (что) дальше в лес, тем (то) больше дров*», «*коль не разгрызёшь ореха, так и ядра не съешь*». Выражение «*дятел и дуб продавливают*» символизирует настойчивость, терпение и силу духа. Его смысл близок к пословице «*капля камень долбит*», подчёркивающей, что достижение целей требует упорства и времени.

Пословица «*деревья умирают стоя*», заимствованная из пьесы испанского драматурга Алехандро Касоны, метафорически выражает стойкость человеческого духа перед тяжёлыми испытаниями. Схожее значение имеет пословица «*прямое дерево ветра не боится*», подчёркивающая ценность честного и достойного поведения в сложных обстоятельствах. Обе пословицы демонстрируют

необходимость сохранять внутреннюю силу и несгибаемость перед трудностями. ПЕ *«смола к дубу не пристанет»* подчёркивают честность и нравственную чистоту, указывая на невозможность опорочить достойного и порядочного человека.

Некоторые выражения акцентируют моральные качества пожилых людей, подчёркивая их стойкость и честность. Например, ПЕ *«старый дуб не скоро сломится»* ассоциирует мощное дерево с пожилым человеком, символизируя моральную стойкость и жизненный опыт. Пословицы *«старое дерево трещит, молодое летит»*, *«скрипучее дерево скрипит, да стоит, а здоровое летит да лежит»*, *«стар пестрец, да уха сладка»* подчёркивают, что возраст не мешает человеку сохранять мудрость, стойкость и глубокое понимание жизни.

ПЕ *«назвался грибом (груздем) – полезай в кузов!»* характеризует ответственность за принятые на себя обязательства. Груздь как вид гриба требует значительных усилий при сборе и подготовке, что символически отражает необходимость соответствия словам и поступкам. Данное выражение акцентирует важность ответственности, добросовестности и стремления довести начатое дело до конца.

Скромность и мягкость характера в русском языке выражаются через ФЕ и ПЕ, отражающие неприметность, покорность и добродушие. ПЕ *«тише воды, ниже травы»*, *«травы не одерёт»* описывают смиренного, скромного и незаметного человека. Образ воды и травы символизирует покой и неприметность: вода в равнинных областях России течёт медленно, а трава – низкорослое растение, олицетворяющее сдержанность. ПЕ *«мягче пареной репы»* характеризует мягкость, податливость и добродушие. Образ варёной репы, становящейся очень мягкой и легко разламывающейся, подчёркивает спокойный и неконфликтный нрав.

В китайском языке ФЕ и ПЕ широко отражают позитивные черты человеческого характера, такие как упорство, стойкость, настойчивость, нравственная чистота, выдающиеся способности, честь, достоинство, честность, трудолюбие и стремление к знаниям.

ПЕ 绳锯木断, 水滴石穿 [shéng jù mù duàn, shuǐ dī shí chuān] (букв. «пила из верёвки режет дерево, капля по капле пронзает камень») символизирует упорство и настойчивость. ПЕ 大树砍不倒, 小草站不牢 [dà shù kǎn bù dǎo, xiǎo cǎo zhàn bù láo] (букв. «большое дерево трудно срубить, но маленькая трава не стоит твёрдо») подчёркивает, что волевой человек остаётся стойким перед трудностями, тогда как слабовольный легко сдаётся.

Стремление к знаниям требует настойчивости и упорства. Это отражено в идиоме 燃糠自照 [rán kāng zì zhào] (букв. «поджигать мякину для чтения по ночам»). Она взята из исторического эпизода периода династии Южная Цзи (479–502 гг.), где герой, несмотря на необходимость обеспечивать пожилых родителей, находил время для учебы, используя свет от горящей мякины [萧子显, 1996]. Этот образ подчёркивает целеустремлённость, трудолюбие и жажду знаний.

Паремии также утверждают, что истинные человеческие качества проявляются именно в испытаниях и трудностях. Примеры включают ФЕ 疾风知劲草 [jí fēng zhī jìng cǎo] (букв. «стойкая трава познаётся только при сильном ветре»), 松柏后凋 [sōng bǎi hòu diāo] (букв. «сосна и кипарис увядают последними»), подчёркивающие стойкость и неизменность моральных принципов даже в сложные времена.

Образ орхидеи и хризантемы в китайской культуре символизирует высокие нравственные качества. ФЕ 空谷幽兰 [kōng gǔ yōu lán] (букв. «прекрасная орхидея среди горной долины») символизирует благодарную душу, а ФЕ 蕙心兰质 [huì xīn lán zhì] (букв. «душа прекрасна, как орхидея») описывает женскую чистоту и элегантность. Хризантема, символизирующая душевное спокойствие и невозмутимость, также имеет значимость, особенно в контексте выражения 黄花晚节 [huáng huā wǎn jié] (букв. «жёлтый цветок и вечером благоухает»), которое подразумевает сохранение высоких моральных устоев даже в старости.

Выдающиеся люди в китайской традиции сравниваются с великолепными деревьями и ароматными травами: 芝兰玉树 [zhī lán yù shù] (букв. «душистые орхидеи, прекрасные деревья», обр. «талантливый и достойный молодой человек»), 瑶林琼树 [yáo lín qióng shù] (букв. «прекрасные деревья, сделанные из нефрита», обр. «человек с необычными способностями и выдающейся внешностью»). ПЕ 桃李不言，下自成蹊 [táo lǐ bù yán, xià zì chéng xī] (букв. «персиковые и сливовые деревья молчат, но под ними образуется тропа») подчёркивает, что добродетельный человек привлекает внимание и уважение без лишних слов.

Кора деревьев в китайской культуре ассоциируется с честью и достоинством человека. Согласно пословицам, потеря достоинства сравнивается с деревом, лишённым коры: 人怕丢脸，树怕剥皮 [rén pà diū liǎn, shù pà bāo pí] (букв. «люди боятся потерять лицо, как деревья боятся потерять кору»), 人活一口气，树活一层皮 [rén huó yī kǒu qì, shù huó yī céng pí] (букв. «человеку необходима честь, как дереву кора для жизни»). Честность и искренность подчёркиваются в следующих ПЕ: 树要直，人要实 [shù yào zhí, rén yào shí] (букв. «дерево должно быть прямым, а человек – честным»), 树正不怕月影斜 [shù zhèng bù pà yuè yǐng xié] (букв. «прямое дерево не боится кривой тени от луны»). Искренность в отношениях способствует укреплению доверия: 交人交心，浇树浇根 [jiāo rén jiāo xīn, jiāo shù jiāo gēn] (букв. «общаться с людьми по духу, поливать дерево под корень»).

2.2.5.2. Отрицательные моральные качества

В русском языке ФЕ и ПЕ широко отражают такие отрицательные черты характера, как назойливость, непостоянство, ненадёжность, высокомерие, самохвальство, лицемерие, слабость, легкомысленность, жадность и подлость.

Некоторые идиомы описывают чрезмерно надоедливых и навязчивых людей. ФЕ «как горькая *редька*», «хуже горькой *редьки*» подчёркивают особую раздражающую навязчивость. Идиома «пристал как *репейник*» сравнивает

назойливого человека с колючими головками репейника, которые крепко цепляются за одежду и волосы. ФЕ «*как банный лист пристал*» связана с традицией русской бани, где во время парения от берёзового или дубового веника могут отрываться листья и прилипать к разогретой коже. В данном контексте листья символизируют человека, от которого трудно избавиться. Выражение «*липнет как смола*» подчёркивает крайнюю навязчивость, сравнивая с кедровой смолой, от которой сложно очиститься.

Некоторые растения символизируют колкость, резкость и скрытность характера. ПЕ «*жжётся, как крапива, а колетя, как ёж*» описывает злого и язвительного человека, вызывая ассоциации с жгучей крапивой и колючим ежом. ПЕ «*крепкий, твёрдый орех*», «*крепкий, твёрдый орешек*», «*крепкий орешек*» описывают человека с жёстким или скрытым характером, сравнивая с орехом, который трудно расколоть. ФЕ «*хрен собачий*» используется в просторечии с бранным оттенком и характеризует непорядочного и недостойного человека.

Пословица «*на горошине – принцесса*» характеризует капризного и избалованного человека, предъявляющего высокие и неоправданные требования. Выражение происходит из сказки Г.Х. Андерсена «Принцесса на горошине», где девушка чувствовала горошину через множество матрасов, что символизировало излишнюю хрупкость и утончённость.

Некоторые ФЕ и ПЕ в русском языке отражают непостоянство и уклонение от ответственности. ПЕ «*сегодня на один куст сядет, завтра на другой*» характеризует человека, который легко меняет свои решения, мнения или место пребывания, подчёркивая его непостоянство и ненадёжность. ФЕ «*прятаться / уходить в кусты*», «*смотреть в кусты*» описывают человека, избегающего ответственности или уклоняющегося от выполнения обязанностей.

Фразеологизм «*дама с камелиями*» относится к женщине, ведущей роскошный, но легкомысленный образ жизни. Он происходит из одноимённого романа Александра Дюма-сына (1848), где главная героиня, любительница камелий, представлена как женщина лёгкого поведения.

Пословицы «*на обухе **рожь** молотит, зерна не уронит*», «*на обухе **рожь** молотит, из **мякины** кружево плетёт*» иллюстрируют чрезвычайную экономность, когда человек пытается извлечь максимум из минимальных ресурсов, например, молотить рожь на обухе топора без потери зёрен. Аналогичная поговорка «*шилом **горох** хлебает, да и то отряхивает*» подчёркивает неэффективные способы экономии, символизируя излишнюю скупость или попытку использовать неподходящие инструменты для достижения цели.

Пословица «*ржаная (ячная, гречная) каша сама себя хвалит*» подчёркивает самодостаточность человека, уверенного в своих достоинствах и не требующего внешнего признания. В современном контексте это выражение характеризует людей, склонных к самохвальству в попытках искусственно повысить свою значимость перед другими. Поговорки «*нащипаться блатной **травки***» и «*общипаться **травки-борзянки***» несут неодобрительный оттенок и описывают поведение, характеризующееся высокомерием. ФЕ «*заворотить **шишку***» применяется для описания человека, который начинает важничать или загордиться.

В китайском языке ФЕ и ПЕ широко отражают такие отрицательные черты характера, как непостоянство, лицемерие, коварство, жестокость, трусость, несправедливость, слабость, легкомысленность, высокомерие, самохвальство, жадность и подлость.

Фразеологизм 敲竹杠 [qiāo zhú gàng] (букв. «стучать по бамбуковому шесту») возник в конце династии Цин в связи с коррупцией во время контрабанды опиума. Контрабандисты использовали бамбуковые шесты для тайной транспортировки опиума. Чиновники, проверяя шесты, стучали по ним, и контрабандисты, опасаясь разоблачения, немедленно предлагали взятки. Со временем его значение расширилось, и в современном китайском языке он используется для обозначения вымогательства, эксплуатации чужих уязвимостей для получения выгоды или намеренного завышения цен [陈映戎, 2012, с. 45].

Поговорка **毒蛇口里吐莲花** (букв. «из рта ядовитой змеи высунулся лотос») используется как метафора, означающая, что чем более злобным и ядовитым является человек, тем лучше он умеет маскировать свои истинные намерения. В данном контексте подчёркивается противоречивость между внешним обликом и истинными намерениями. ФЕ **肚生荆棘** [dù shēng jīng jí] (букв. «в животе растёт терновник») и **胸中柴棘** [xiōng zhōng chái jí] (букв. «в груди человека есть терновник») характеризуют коварного и зловещего человека, чьи внутренние помыслы полны злобы и жестокости, подобны терновнику, растущему в его душе.

В поговорках **吃柿子拣软的捏** [chī shì zi jiǎn ruǎn de niē] (букв. «выбирать мягкую хурму для еды») и **挑软杏儿捏** [tiāo ruǎn xìng er niē] (букв. «выбирать мягкий абрикос для щипания») мягкие фрукты олицетворяют слабохарактерного человека. Выражения критикуют человека, кто целенаправленно издевается над слабыми, избегая противостояния с сильными. Такое поведение воспринимается как трусость и несправедливость.

ФЕ **墙头草, 两边倒** [qiáng tóu cǎo, liǎng biān dǎo] (букв. «трава на вершине стены падает в обе стороны») и **飞蓬乘风** [fēi péng chéng fēng] (букв. «мелколепестник уносится ветром») образно описывают человека без твёрдых убеждений, который легко меняет свои позиции или мнения в зависимости от обстоятельств, подобно траве, наклоняющейся под ветром.

Некоторые ФЕ используются для описания несерьёзности и непостоянства женщины, ведущей себя легкомысленно. Примеры включают: **花娇柳嬾** [huā jiāo liǔ duǒ] (букв. «цветы очаровательны, ивы грациозны»), **风里杨花** [fēng lǐ yáng huā] (букв. «тополиный цветок, разносимый ветром»). Выражения сравнивают женщину с цветами, разносимыми ветром.

Поговорка **看自己一朵花, 看别人一脸疤** [kàn zì jǐ yī duǒ huā, kàn bié rén yī liǎn bā] (букв. «видеть себя как цветок, а других как лицо со шрамами») осуждает эгоцентризм, неспособность к самокритике и предвзятость в оценке окружающих.

Схожая паремия 王婆卖瓜, 自卖自夸 [wáng pó mài guā, zì mài zì kuā] (букв. «старушка Ван продаёт арбузы, сама себя хвалит») также описывает чрезмерное самовосхваление и необъективную саморекламу.

ПЕ 荞麦皮里榨油 [qiáo mài pí lǐ zhà yóu] (букв. «извлекать масло из шелухи гречихи») и 黑豆皮上刮漆 [hēi dòu pí shàng guā qī] (букв. «скрести кожуру с поверхности чёрной бобы») используются как критика или сатира на чрезмерную жадность и мелочность. Эти выражения иллюстрируют поведение людей, стремящихся извлечь выгоду даже из малейших возможностей.

2.3. Типологические особенности символического осмысления растений в русском и китайском языковом сознании

В этом параграфе анализируются русские и китайские ФЕ и ПЕ с растительными компонентами, обозначающие человеческие характеристики, для выявления особенности растительных символов в языковом сознании обоих народов. Анализ отобранных ФЕ и ПЕ проводится с двух сторон: с точки зрения семантики ФЕ и ПЕ с растительными компонентами; с точки зрения продуктивности растительных компонентов в составе ФЕ и ПЕ.

2.3.1. Семантический анализ фразеологизмов и паремий с растительными компонентами в русском и китайском языках

В результате сплошной выборки было отобрано 1766 ФЕ и ПЕ, содержащих фитонимы и отражающих человеческие характеристики. Среди них 744 русские и 1022 китайские единицы. Распределение этих ФЕ и ПЕ представлено на рисунке 1.

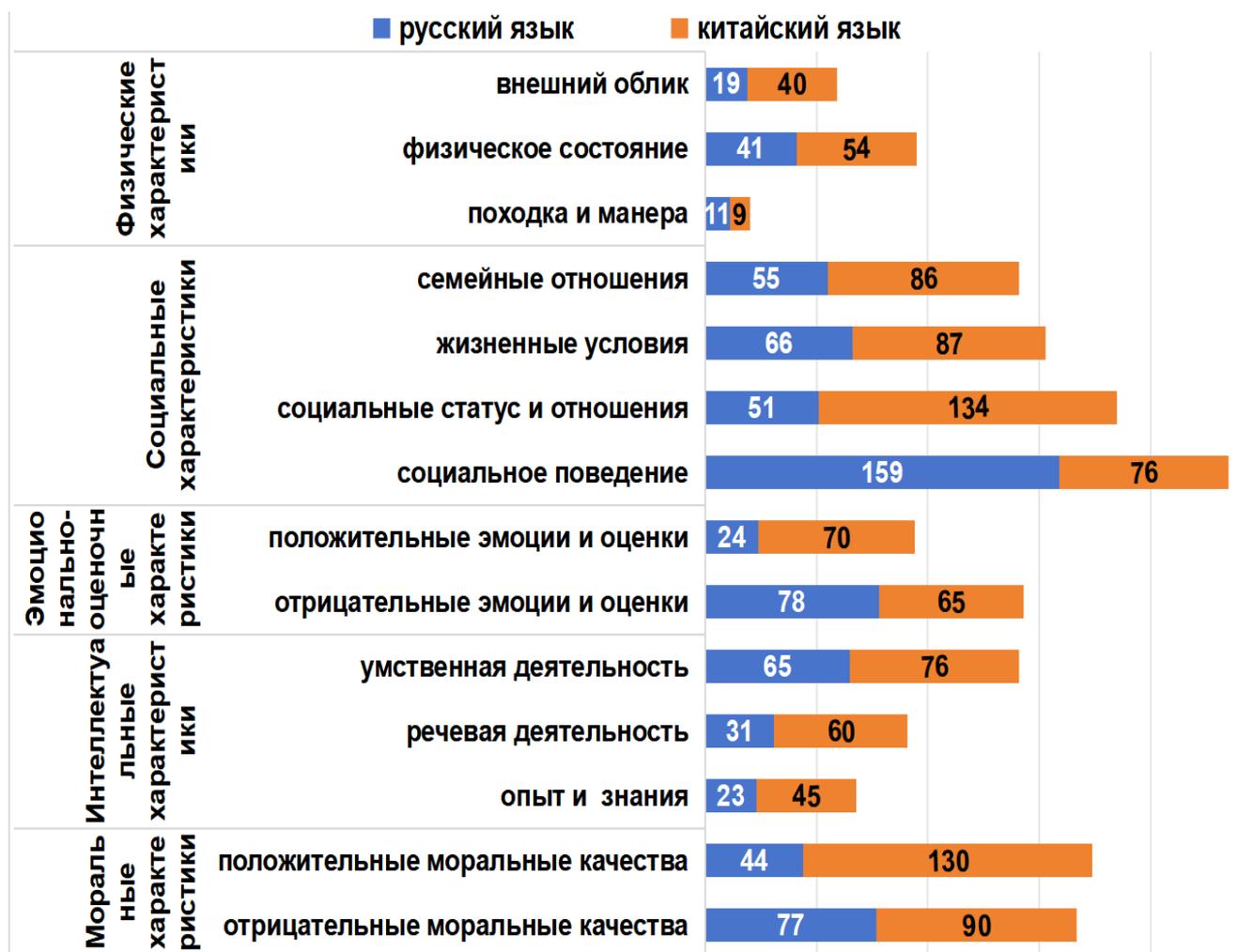

Рисунок 1 – Русские и китайские ФЕ и ПЕ с растительными компонентами, отражающие человеческие характеристики

Анализ данных рисунка 1 позволяет выявить то, что как в русском, так и в китайском языках наименее представленной является категория «физические характеристики человека», тогда как наиболее многочисленной – «социальные характеристики человека». Относительная редкость первой категории может быть обусловлена тем, что ФЕ и ПЕ с фитонимами в различных языках чаще используются для описания семейных, социальных, эмоциональных и моральных аспектов, а не физических характеристик.

В категории «социальные характеристики человека» для русского языка наиболее заметной является подгруппа «социальное поведение», в которой доминируют ФЕ, связанные с наказанием и трудовой деятельностью. Например,

ФЕ «*берёзовая каша*», «*берёзовая лапша*», «*печь берёзовые блины*» исторически восходят к традиции использования веток берёзы для телесных наказаний (берёзовой розги). Слова «каша», «лапша» и «блин» метафорически передают внешний вид пучка розги и ощущение жжения после наказания. Эти ФЕ не только иллюстрируют русскую традицию, но и демонстрируют изменения в языке, поскольку со временем они устарели вследствие отмены телесных наказаний. Ещё одной значимой подгруппой является «социальный статус и отношения», в которой китайские ФЕ и ПЕ описывают положение человека в обществе, его статус, взаимоотношения и профессиональную деятельность. Большие деревья символизируют высокий престиж и авторитет, ветви и листья олицетворяют сложные социальные связи, тогда как трава ассоциируется с низким статусом, незначительностью и невежеством. Например, ФЕ 树大根深 [shù dà gēn shēn] (букв. «большие деревья с глубокими корнями») символизирует силу и репутацию. ФЕ 落草为寇 [luò cǎo wéi kòu] (букв. «уйти в траву и стать разбойником») обозначает разбойников.

В категории «эмоционально-оценочные характеристики человека» в русском языке наблюдается существенное преобладание ФЕ и ПЕ с негативной оценкой. В подгруппе «отрицательные эмоции и оценки» выявлено 78 русских единиц, что значительно превышает количество русских единиц в подгруппе «положительные эмоции и оценки» (24 единицы). В категории «моральные характеристики человека» аналогичная тенденция: подгруппа «отрицательные моральные качества» (77 единиц) содержит больше ФЕ и ПЕ, чем подгруппа «положительные моральные качества» (44 единицы). Доминирование русских ФЕ и ПЕ с отрицательной окраской подтверждает склонность русского языка к использованию ФЕ и ПЕ с фитонимами для выражения негативных эмоций и черт характера. Однако в китайском языке подобной ситуации не наблюдается.

В категории «интеллектуальные характеристики человека» прослеживается сходство русских и китайских ФЕ и ПЕ. Во-первых, в обоих языках ассоциация деревьев с умом носит негативный характер в связи с тем, что деревья

характеризуются неподвижностью, статичностью, медленным ростом и толстой корой, что метафорически переносится на ограниченные умственные способности человека. Однако существует различие в языковом выражении. В русском языке для обозначения недостатка ума используются конкретные названия деревьев (берёза, дуб, осина, ель), а в китайском языке применяется обобщённое слово «дерево».

В категории «моральные характеристики человека» в китайском языке наблюдается значительное преобладание ФЕ и ПЕ, отражающих положительные моральные качества, по сравнению с русским языком. Эта разница может быть обусловлена культурными особенностями: в китайской традиции акцентируется внимание на стремлении к благородным духовным качествам, что находит отражение в символике растений. Например, широко распространены выражения: «Три друга зимы» (сосна, бамбук и слива-мэй), «Четверо благородных» (слива-мэй, орхидея, бамбук и хризантема). Эти образы символизируют идеальные моральные качества, жизненные установки и ценностные ориентиры китайской культуры. А в русском языке, как выше упомянуто, прослеживается доминирование ФЕ и ПЕ с растительными мотивами для выражения негативных черт характера.

В китайском языке активно используются омофоны – слова, которые произносятся одинаково, но различаются по значению и написанию. Это явление особенно характерно среди фитонимов, многие из которых созвучны словам, связанным с благополучием и удачей. Например, в китайских свадебных традициях существует обычай разбрасывания на постельное бельё фиников, арахиса, лонганов и лотосовых семян. Это связано с тем, что названия этих продуктов в сочетании звучат похоже на выражение «раннее рождение благородного сына». Кроме того, словосочетание «лотосовые семена» омофонично пожеланию «непрерывного рождения благородных сыновей». В отличие от китайского языка, подобные языковые явления в русском языке практически отсутствуют.

2.3.2. Продуктивность растительных компонентов в русских и китайских фразеологизмах и поговорках

С другой стороны, была рассмотрена продуктивность фитоимов в русских и китайских ФЕ и ПЕ, отражающих человеческие характеристики. Для анализа было отобрано 1907 ФЕ и ПЕ с фитонимами, среди которых 783 русские и 1124 китайские. Распределение растительных компонентов в русских и китайских ФЕ и ПЕ, отражающих человеческие характеристики, представлено на рисунке 2.

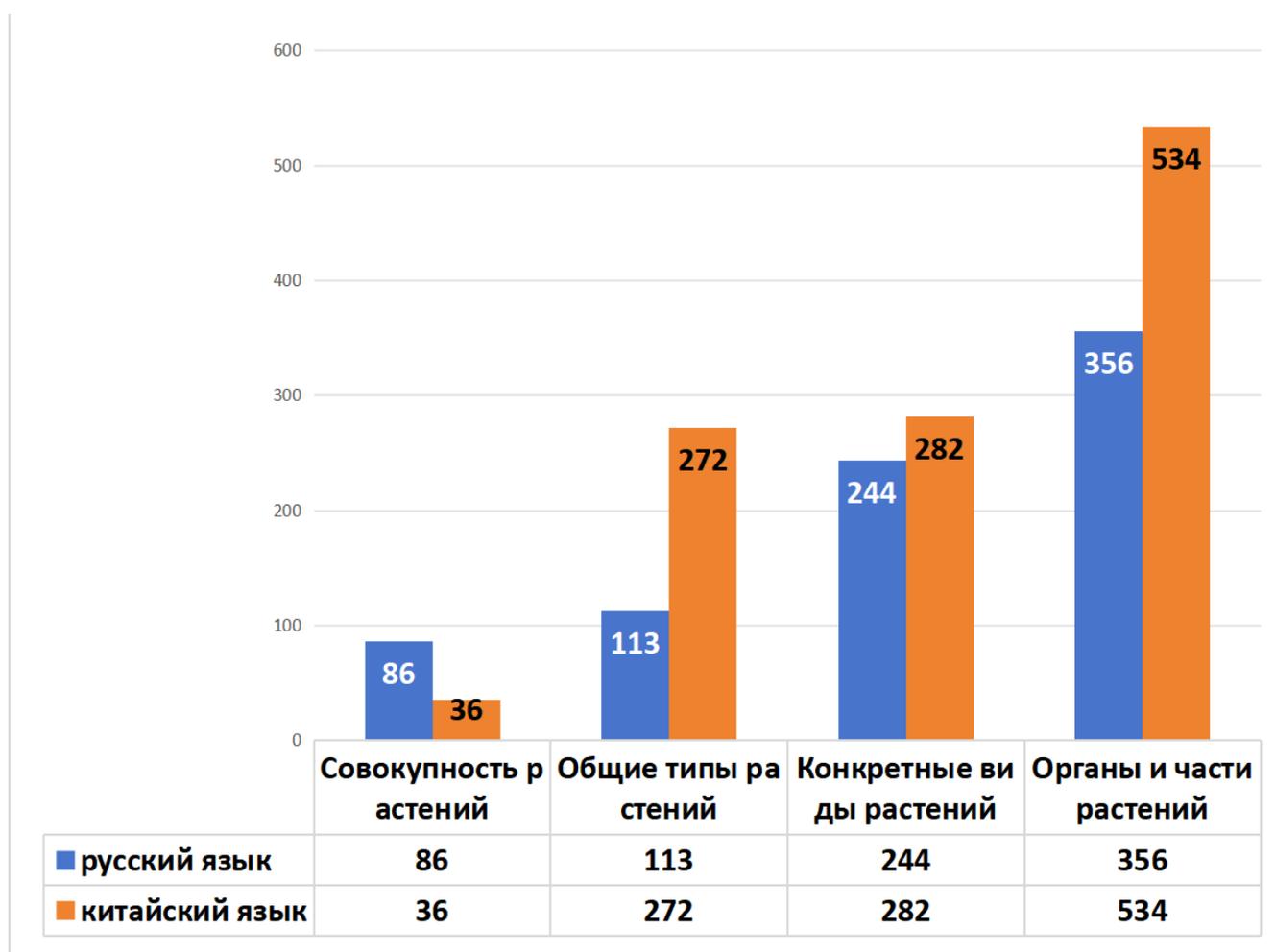

Рисунок 2 – Растительные компоненты в русских и китайских ФЕ и ПЕ, отражающих человеческие характеристики

Анализ данных рисунка 2 демонстрирует, что количество отобранных ФЕ и ПЕ, основанных на семантических значениях и наличии растительных компонентов, не совпадает. Данное расхождение обусловлено методикой подсчёта, при которой единицы, содержащие несколько фитонимических элементов, могут учитываться более одного раза. Например, в пословице *«яблоко от яблони недалеко падает»* присутствуют два различных растительных компонента: «яблоко», относящееся к категории «органы и части растений» (фрукты, ягоды); «яблоня», входящая в категорию «конкретные виды растений» (названия деревьев). Включение подобных единиц в разные категории приводит к повторному учёту, что необходимо учитывать при интерпретации полученных результатов.

Категория «органы и части растений» демонстрирует наибольшую продуктивность как в русском, так и в китайском языках. Это объясняется тем, что в неё входят не только общие части растений (листья, корни, стебли, ветви), но и плоды, ягоды и семена, которые имеют ярко выраженную символическую значимость. В связи с этим такие образы, как «корень» (основа, начало, происхождение), «плод» (результат, достижение) и «ветвь» (семья, родственные связи), широко используются в метафорическом значении в обоих языках. Соответственно, категории «конкретные виды растений» и «общие типы растений» занимают второе и третье место по количеству единиц, поскольку названия отдельных растений и их обобщённые группы также играют важную роль в языковом сознании.

Категория «совокупность растений» содержит наименьшее количество ФЕ и ПЕ. Небольшой объём данной категории объясняется тем, что в любом языке обозначения совокупности растений встречаются значительно реже, чем названия отдельных видов или их частей. Например, такие слова, как «бор» и «роща», менее востребованы в образной системе языка по сравнению с конкретными наименованиями растений. Кроме того, несмотря на то, что фитоним «лес» является наиболее распространённым обозначением совокупности растений, его частотность в китайских ФЕ и ПЕ значительно ниже, чем в русских.

Для детального анализа символического осмысления отдельных растительных образов необходимо определить их продуктивность. Однако значительная неравномерность объёма категорий затрудняет проведение всестороннего анализа продуктивности растительных компонентов. Кроме того, большое количество фитонимов, включённых в исследование, не позволяет представить их комплексно в одном графическом изображении. В связи с этим представляется целесообразным выделить 20 наиболее частотных растительных компонентов, которые наиболее активно используются в ФЕ и ПЕ каждого языка и наиболее полно отражают характеристики человека.

Продуктивность 20 наиболее распространённых растительных компонентов в ФЕ и ПЕ каждого языка, отражающих человеческие характеристики, представлена на рисунке 3.

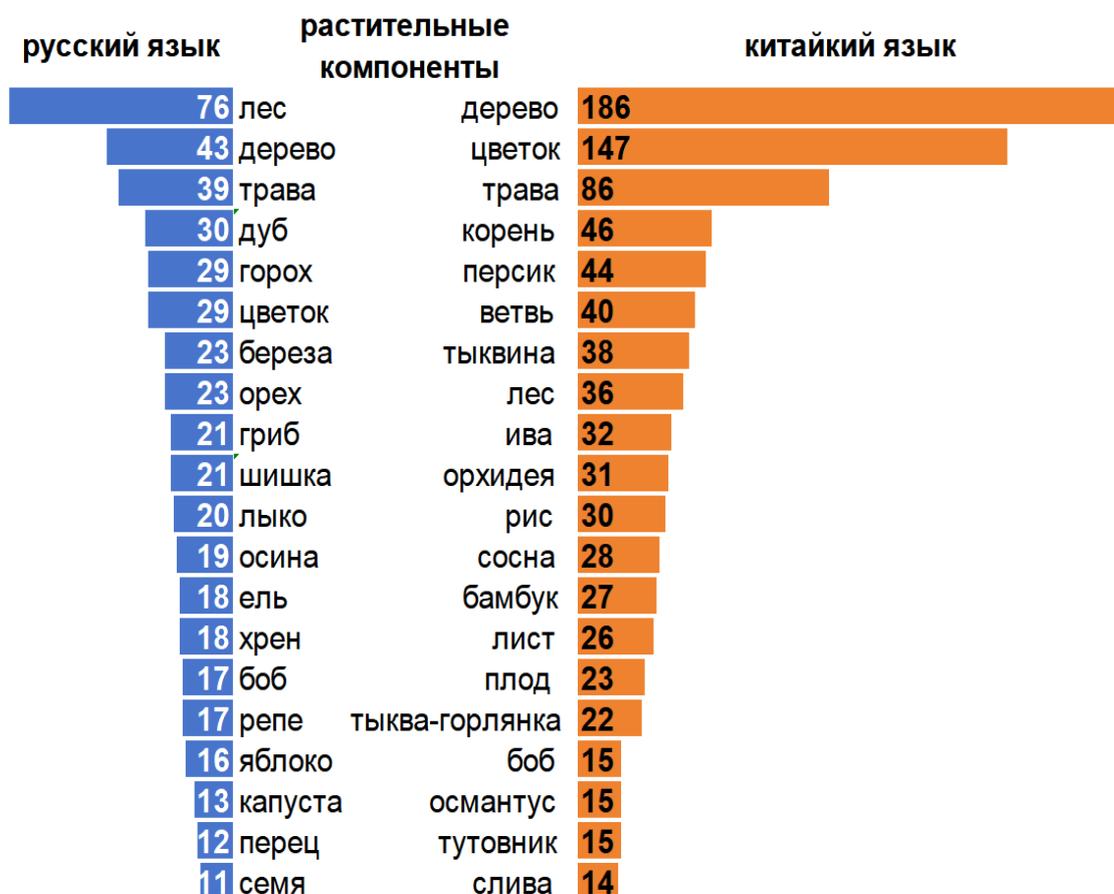

Рисунок 3 – Продуктивность растительных компонентов в русских и китайских ФЕ и ПЕ, отражающих человеческие характеристики

Анализ данных рисунка 3 показывает, что в китайском языке выявлено 901 ФЕ и ПЕ с использованием 20 наиболее частотных фитонимических компонентов, что составляет 80,16% от общего количества исследованных китайских единиц (901 из 1124). В русском языке аналогичных единиц обнаружено 495, что соответствует 63,22% от общего количества проанализированных русских ФЕ и ПЕ (495 из 783). Это свидетельствует о том, что отобранные фитонимы в русском и китайском языках являются типичными и репрезентативными.

Среди китайских ФЕ и ПЕ наиболее частотными фитонимами выступают компоненты «дерево», «цветок» и «трава», причём их частотность существенно превышает показатели других наименований растений. В русском языке, согласно результатам анализа, три наиболее частотных фитонима – «лес», «дерево» и «трава». Данный факт показывает, что в китайском языке чаще используются обобщённые наименования растений («дерево», «цветок», «трава») для описания человеческих характеристик, тогда как в русском языке наиболее типичными являются «лес», «дерево» и «трава». В связи с этим целесообразно провести сравнительный анализ символических значений фитонимов «дерево», «цветок», «трава» и «лес» в русских и китайских ФЕ и ПЕ с целью выявления общих и отличительных черт.

Символическое значение слова «дерево». В обоих языках дерево выступает как символ родовых корней и преемственности: *«от доброго **дерева** добрый и плод»*, 夫妇是**树**, 儿女是**花** [fū fù shì shù, ér nǚ shì huā] (букв. «супруги – дерево, дети – цветы», обр. «дети делают семью полной и счастливой»). Также дерево ассоциируется с положительными человеческими качествами. Например, русские ФЕ *«**деревья** умирают стоя»* и *«**прямое дерево** ветра не боится»* подчёркивают стойкость и моральную силу. Китайская ФЕ 玉**树**琼**枝** [yù shù qióng zhī] (букв. «нефритовое дерево и заснеженные ветви») символизирует молодое поколение, прекрасную молодёжь. Кроме того, в обоих языках дерево противопоставляется лесу и выражает идею индивидуальности и ограниченности возможностей одного

человека: «лес по дереву не плачет», «лес по топорщику не плачет», 独木不成林 [dú mù bù chéng lín] (букв. «одно дерево не создаёт лес», обр. «один человек не в силах достичь значительных результатов»). Вместе с тем в русском языке дерево также может иметь отрицательную коннотацию, ассоциируясь с глупостью и упрямством: «голова деревянная». Аналогичное значение в китайском языке выражает ФЕ 木头木脑 [mù tóu mù nǎo] (букв. «деревянная голова», обр. «тупой, глупый»). Однако в китайской культуре дерево чаще связано с социальной иерархией, богатством и успехом: 大树底下好乘凉 [dà shù dǐ xià hǎo chéng liáng] (букв. «под большим деревом приятно укрыться в тени», обр. «сильный человек защищает слабого»), 树大招风 [shù dà zhāo fēng] (букв. «высокое дерево привлекает ветер», обр. «высокий статус привлекает внимание и вызывает угрозы»).

Символическое значение слова «цветок». В обоих языках цветок символизирует красоту, молодость и жизненные силы: «в расцвете сил», «цветы красноречия», 花样年华 [huā yàng nián huá] (букв. «цветочная молодость»), 花容月貌 (букв. «лицо прекрасное, как цветок, и светлое, как луна»). Цветок также ассоциируется с радостью и счастьем: «жизнь в ярких цветах», 心花怒放 [xīn huā nù fàng] (букв. «цветы сердца бурно расцветают, обр. «испытывать большой восторг»). В то же время цветок может символизировать хрупкость и обманчивость внешней красоты: «хорош цветок, да остёр шипок», «вянет и красный цвет», 花说柳说 [huā shuō liǔ shuō] (букв. «цветы и ива говорят», обр. «красивые, но ложные слова»). В китайском языке сочетание «цветок» и «ива» часто используется метафорически для обозначения легкомысленных женщин или секс-работниц. Например, ФЕ 残花败柳 [cán huā bài liǔ] (букв. «завядший цветок и засохшая ива») характеризует секс-работницу, ФЕ 柳巷花街 [liǔ xiàng huā jiē] (букв. «ивовый переулок и цветочная улица») обозначает публичные дома. А в русском языке аналогичную символику передаёт ФЕ «дама с камелиями».

Символическое значение слова «трава». В обоих языках трава ассоциируется с незначительностью: «*тише воды, ниже травы*», «*травы не одерёт*», 严霜单打独根草 (букв. «сильный мороз выделяет одинокую траву», обр. «о трудном выживании в одиночку»). В русском языке трава также символизирует безвкусную пищу: «*трава травой*»; полное равнодушие и безразличие: «*хоть волк траву ешь*», «*хоть трава не расти*». А также она используется в жаргоне в значении наркотических средств: «*нюхнуть траву*», «*сидеть на траве*». В китайском языке трава связана преимущественно с бедностью, низким статусом и нестабильностью: 饭糗茹草 [fàn qiǔ rú cǎo] (букв. «есть высушенный варёный рис и жевать траву», обр. «о бедности»), 草芥之微 [cǎo jiè zhī wēi] (букв. «маленький как травинка», обр. «ничтожность, незначительность»), 墙头草, 两边倒 [qiáng tóu cǎo, liǎng biān dǎo] (букв. «трава на вершине стены падает в обе стороны», обр. «непостоянство, смена убеждений»). В китайском языке сочетание «трава» и «цветок» может символизировать любовницу или легкомысленную женщину: 闲花野草 [xián huā yě cǎo] (букв. «полевые цветы и дикие травы»), 墙花路草 [qiáng huā lù cǎo] (букв. «цветы у стены, трава на обочине дороги»).

Символическое значение слова «лес». В обоих языках лес олицетворяет множество, коллектив, общество: «*лес по дереву не плачет*», 独木不成林 [dú mù bù chéng lín] (букв. «одно дерево не создаёт лес, обр. «нельзя достичь большого в одиночку»). В русском языке лес также символизирует чужое, что-л. тайное, тёмное и непонятное: «*в чужом месте что в лесу*», «*чужая душа – тёмный лес*», «*как в тёмном лесу*». В то время как в китайском языке лес ассоциируется с родиной и ностальгией: 人情怀旧乡, 客鸟思故林 [rén qíng huái jiù xiāng, kè niǎo sī gù lín] (букв. «людям свойственно тосковать по родине, как и странствующим птицам – по родному лесу»).

Символическое значение типичных видов растений. Некоторые фитонимы являются характерными только для фразеологии одного языка и создают лакуны в языковом сознании другой культуры. В русской культуре широко

представлены такие растительные образы, как **дуб, берёза, осина, ель, хрен и капуста**, которые отсутствуют в китайских ФЕ и ПЕ. Так, дуб ассоциируется с упрямством и несговорчивостью: «**дубовая голова**», «**дубовая башка**». Кроме того, дуб, берёза, сосна и ель символически связаны со смертью: «**дать дуба**», «**врезать (секануть) дуба**», «**до берёзки**», «**лечь под берёзки**», «**идти под сосну**», «**попадать / попасть в сосны**», «**прогуляться по ёлочкам**», «**угодить под ёлку**».

Осина в христианской традиции воспринимается как проклятое дерево, олицетворяющее отвращение или проклятие, что отражено в выражениях: «**как осиновый клин в душу**», «**быть тебе (ему и т.п.) на осине!**». Она также выступает символом страха и тревоги: «**дрожать как осиновый лист**»; «**осина и без ветру шумит**».

Хрен используется в разговорной речи в качестве эвфемизма нецензурной лексики («**иди (пошёл) ты на хрен!**», «**к хренам собачьим**»), а также как символ чего-то бесполезного или незначительного: «**и в хрен не дуть**», «**и в хрен не трубить**». Капуста в молодёжном жаргоне обозначает деньги: «**быть при капусте**», «**варить капусту**», «**рубленая капуста**».

В китайской культуре, напротив, широко представлены такие фитонимы, как **персик, ива, орхидея, сосна, бамбук, османтус, тутовник и слива**, которые редко встречаются в русских ФЕ и ПЕ. Персик и слива символизируют учеников и воспитанников: **桃李满天下** [táo lǐ mǎn tiān xià] (букв. «деревья персика и сливы имеются во всём мире», обр. «**езде и повсюду работают ученики и воспитанники**»). Их цветы олицетворяют женскую красоту: **艳若桃李** (букв. «**красивый, как цветы персика и сливы**»). Персиковый цвет может выражать как нежную любовь, так и незаконную страсть: **桃花运** [táo huā yùn] (букв. «**судьба персикового цветка**», обр. «**удача в любви; половая распущенность**»), **桃色新闻** [táo sè xīn wén] (букв. «**новости персикового цветка**», обр. «**скандалы о незаконных любовных связях**»).

Ива ассоциируется с расставанием, исходя из традиции дарить ветви ивы при прощании: **杨柳依依** [yáng liǔ yī yī] (букв. «**ветви ивы колышаются от ветра**», обр.

«печальное расставание»), с женской красотой и грациозностью: 云轻柳弱 [yún qīng liǔ ruò] (букв. «волосы мягкие, как облака, талия тонкая, как ива»), а также с легкомысленной женщиной или секс-работницей: 残花败柳 [cán huā bài liǔ] (букв. «завядший цветок и засохшая ива», обр. «секс-работница или женщина лёгкого поведения»).

Орхидея символизирует благородство и моральную чистоту: 空谷幽兰 [kōng gǔ yōu lán] (букв. «прекрасная орхидея среди горной долины», обр. «чистота, благородство»), а также крепкую дружбу: 金兰之契 [jīn lán zhī qì] (букв. «дружба как твёрдое золото и ароматная орхидея», обр. «закадычная дружба»). Вместе с османтусом орхидея выступает как символ прекрасного потомства: 桂子兰孙 [guì zǐ lán sūn] (букв. «потомки, как османтус и орхидея»). Османтус также ассоциируется с академическими достижениями, например: 蟾宫折桂 [chán gōng zhé guì] (букв. «в Жабьем дворце сорвать ветку османтуса», обр. «успех на экзаменах»).

Сосна и бамбук символизируют стойкость, негибкость и благородство: 松柏后凋 [sōng bǎi hòu diāo] (букв. «сосна и кипарис увядают последними», обр. «стойкость, моральная твёрдость»), 竹死不变节, 花落有余香 [zhú sǐ bù biàn jié, huā luò yǒu yú xiāng] (букв. «бамбук, даже умирая, сохраняет свою стойкость, а цветы, даже падая, сохраняют свой аромат»). Сосна дополнительно выступает символом долголетия: 松乔之寿 [sōng qiáo zhī shòu] (букв. «долгая жизнь, как у сосны»).

Образы тутовника и вяза ассоциируются с преклонным возрастом, закатом жизни человека. Например, ФЕ 桑榆暮景 [sāng yú mù jǐng] (букв. «вечерний пейзаж с тутовником и вязом») и 年迫桑榆 [nián pò sāng yú] (букв. «годы, приближающиеся к тутовнику и вязу») образно обозначают приближение старости.

Символическое значение частей и органов растений. В обоих языках отмечается сходная символика таких частей растений, как **корень, плод, ветвь и**

лист. Корень символизирует основу, сущность и происхождение: «*смотреть в корень*», «*брать под (самый) корень*», «*каков корень, таков и отпрыск*», 刨根问底 [páo gēn wèn dǐ] (букв. «расследовать до самого корня», обр. «стремление к сущности дела»), 叶落归根 [yè luò guī gēn] (букв. «падавшие листья вернутся к корням», обр. «возвращение к истокам»).

Плод ассоциируется с результатом труда и достижениями: «*деревья смотри в плодах, а людей смотри в делах*», 自食其果 (букв. «ест свои плоды», обр. «человек получает последствия своих действий»). Также плод символизирует потомство и детей: «*от доброго дерева добрый и плод*», 先花后果 (букв. «сначала цветы, потом плоды», обр. «сначала рождается дочь, потом сын»).

Ветвь и лист ассоциируются с семьёй и родственными связями: «*семейная ветвь*» ('часть рода или фамилии'), 连枝带叶 (букв. «связанные ветви и листья», обр. «тесные отношения между братьями и сёстрами»).

Вместе с тем имеются уникальные символы. В русском языке характерны образы таких частей растений, как **боб, горох, перец, орех, лыко и шишка**. Боб и горох символизируют болтливость, пустые разговоры: «*бобы (на бобах) разводиться*», «*разводить / развести бобы*», «*сыпать горохом*», «*говорить как горох об стену*». Перец и орех обозначают наказание: «*всыпать / давать / задавать перцу*», «*задать кому перцу*», «*осталось / достанется на орехи*», «*получить на орехи*». Лыко в русской культуре связано с бедностью и грубостью исполнения (лапти из лыка были обувью крестьян). Например, ФЕ «*подпоясан лыком*» говорит о крайне бедном человеке. Шишка метафорически характеризует человека, занимающего высокое положение: «*большая шишка*». ФЕ «*шишка на ровном месте*» характеризует лицо, преувеличивающее свою значимость.

В китайском языке широко представлены ФЕ и ПЕ с названиями таких частей растений, как **тыквина** (тыква, арбуз и дыня), **тыква-горлянка, боб и рис**. Во многих китайских фразеологизмах используется общий компонент 瓜 [guā] («тыквина»), однако часто не уточняется, имеется в виду арбуз, дыня или тыква.

Тыквина и бобы выступают символами плодородия и результата труда: *种瓜得瓜, 种豆得豆* [zhòng guā dé guā, zhòng dòu dé dòu] (букв. «посеешь тыкву, получишь тыкву; посеешь бобы, получишь бобы»), образно выражающая принцип причинно-следственной связи («что посеешь, то и пожнёшь»). Тыква, являясь вьющимся растением, метафорически обозначает сложные и тесные взаимоотношения между людьми: *瓜葛相连* [guā gě xiāng lián] (букв. «тыквы и плети переплетаются между собой»), обр. «тесные социальные связи взаимоотношения»).

Кроме того, тыква-горлянка ассоциируется с тайной, скрытым смыслом, а также с ограниченностью мышления. Например, ПЕ *吃了一个闷葫芦* [chī le yī gè mèn hú lu] (букв. «съесть закрытую тыкву-горлянку») означает столкновение с неразрешимой загадкой, выражает состояние недоумения. Также тыква служит метафорой молчаливого, замкнутого или скрытного человека: *没嘴葫芦* [méi zuǐ hú lu] (букв. «тыква-горлянка без рта»), обр. «чрезмерно молчаливый человек»).

Рис символизирует жизненную энергию и основу существования человека, например, ФЕ *柴米油盐* [chái mǐ yóu yán] (букв. «дрова, рис, масло, соль») метафорически иллюстрирует предметы первой необходимости. Также рис традиционно является символом достатка и благополучия, ассоциируется с изобилием и материальной обеспеченностью: *米烂成仓* [mǐ làn chéng cāng] (букв. «рис сгнил в амбарах»), обр. «чрезмерное богатство и достаток»).

Кроме того, в русском языке выявлены ФЕ и ПЕ с компонентом «гриб», который ассоциируется с пожилым возрастом и физической слабостью: «*старый гриб*», «*стар гриб, да корень свеж*». Также гриб символизирует результаты труда: «*грибов ищут, по лесу рыщут*», «*весна красна цветами, а осень грибами*». В китайском языке фразеологизмов и паремий с компонентом «гриб» не обнаружено.

2.3.3. Сопоставление символического осмысления растений в русском и китайском языках на примере фразеологизмов и паремий

Сопоставительный анализ символического осмысления растений в русской и китайской фразеологии и паремиологии выявляет как универсальные, так и специфические черты, характерные для каждой культуры. Данный анализ позволяет проследить, каким образом растительные образы используются для выражения различных характеристик человека в двух лингвокультурах. Основные результаты исследования представлены в приложениях В и Г.

Кроме того, исследование раскрывает культурно-специфические особенности восприятия растительных символов в русской и китайской культурах, демонстрируя их роль в формировании мировоззренческих, морально-этических и социальных представлений народов. В ходе анализа выявлены следующие ключевые особенности.

1. Символизация растений в характеристике человеческих качеств реализуется в пяти основных направлениях: физические, социальные, эмоционально-оценочные, интеллектуальные и моральные характеристики человека. Физические качества включают внешний облик, состояние, походку и манеры; социальные качества охватывают семейные отношения, жизненные условия, социальный статус, поведение в обществе; эмоционально-оценочные характеристики отражают положительные и отрицательные эмоции и оценки; интеллектуальные характеристики связаны с умом, речью, опытом и знаниями; моральные характеристики обозначают положительные и отрицательные качества личности.

2. В китайском языке обнаружено больше ФЕ и ПЕ с растительными элементами, отражающих человеческие характеристики, по сравнению с русским языком (соотношение китайских и русских единиц – 1022 к 744). Символическое осмысление растений в русской и китайской культурах показывает общий акцент

на внутренних характеристиках (моральных качествах, эмоциях, уме, речи и др.) по сравнению с внешними физическими особенностями.

3. В русской и китайской культурных парадигмах интеллектуальные способности часто символизируются через растительные образы, преимущественно деревья. Это отражает глубоко укоренившиеся представления о человеческом разуме. В обоих языках ассоциация деревьев с умом имеет негативный оттенок, связанный с неподвижностью и статичностью деревьев.

ФЕ и ПЕ с компонентами-фитонимами наделены коннотативной оценочной окраской, причём русские ФЕ и ПЕ чаще имеют негативную коннотативную окраску, выражая отрицательные черты характера и эмоции посредством растительных мотивов. В китайском языке эта тенденция менее выражена.

4. Культурная насыщенность растительных компонентов влияет на их способность к образованию ФЕ и ПЕ. Так, фитонимы, обозначающие конкретные виды или части растений, обладают более богатой культурной семантикой по сравнению с обозначениями совокупностей растений, проявляя разную активность во фразеологии и паремиологии.

Для демонстрации продуктивности фитонимов в ФЕ и ПЕ отобраны 20 наиболее частотных растительных компонентов каждого языка, которые оказались типичными и репрезентативными. Некоторые растительные компоненты представлены только в одном из языков, создавая лакуны в языковом сознании другой культуры. Например, в русском языке часто встречаются ФЕ и ПЕ с компонентами «дуб», «берёза», «осина», «ель», «горох», «репа», «шишка», «хрен», отсутствующие в китайском языке. Для китайского языка характерны фитонимы «орхидея», «ива», «слива», «сосна», «персик», «османтус», «тыква-горлянка», редко используемые в русской фразеологии.

5. Типичными продуктивными фитонимами в обоих языках являются **«дерево», «цветок», «трава» и «лес».**

«Дерево» в обоих языках ассоциируется с родовыми корнями и преемственностью, глупостью и упрямством, индивидуальностью и

ограниченными возможностями человека, а также с положительными качествами человека. В китайской культуре дерево дополнительно связано с социальной иерархией, богатством и успехом.

«Цветок» в обоих языках символизирует красоту, молодость, жизненные силы, а также хрупкость и обманчивость внешней привлекательности, ассоциируясь с радостью и счастьем. В китайском языке сочетание «цветок» и «ива» метафорически обозначает легкомысленных женщин или секс-работниц.

«Лес» в обоих языках символизирует множество, коллектив и общество. В русском языке лес также воспринимается как нечто чужое, тайное и непонятное, тогда как в китайском – связан с родиной и ностальгией.

«Трава» в обоих языках ассоциируется с незаметностью и незначительностью. В русском языке трава также символизирует безвкусную пищу, равнодушие и безразличие, наркотические средства. В китайском языке трава связана с бедностью, нестабильностью и низким статусом. Сочетание «трава» и «цветок» может символизировать любовницу или легкомысленную женщину.

6. Осмыслены конкретные виды растений, характерные для каждой лингвокультуры. В русской культуре выделяются такие растительные образы, как **дуб, берёза, осина, ель, хрен, капуста**, которые отсутствуют в китайских ФЕ и ПЕ. Дуб, берёза и ель символически связаны со смертью. Дуб также ассоциируется с упрямством и несговорчивостью. Осина в христианской традиции воспринимается как проклятое дерево, олицетворяющее отвращение, проклятие, страх и тревогу. Хрен употребляется в качестве эвфемизма нецензурной брани и символизирует бесполезность. Капуста в молодёжном жаргоне обозначает деньги.

В китайской культуре широко представлены такие видовые растения, как **персик, ива, орхидея, сосна, бамбук, османтус, тутовник, слива**, которые редко встречаются в русских ФЕ и ПЕ. Персик и слива символизируют учеников и воспитанников, а их цветы олицетворяют женскую красоту. Кроме того, персиковый цвет может выражать незаконную страсть. Ива ассоциируется с печальным расставанием, женской красотой и легкомысленностью. Орхидея

символизирует благородство, моральную чистоту и крепкую дружбу, османтус – академические достижения. Орхидея и османтус выступают как символ прекрасного потомства. Сосна и бамбук символизируют стойкость, негибаемость и благородство, а сосна дополнительно – долголетие. Образы тутовника и вяза ассоциируются с преклонным возрастом, закатом жизни человека.

7. В обоих языках отмечается сходная символика таких частей растений, как **корень, плод, ветвь, лист**. Корень символизирует основу, сущность и происхождение. Плод ассоциируется с результатом труда и достижениями. Также плод символизирует потомство и детей. Ветвь и лист ассоциируются с семьёй и родственными связями.

Вместе с тем имеются уникальные символы для каждого языка. В русском языке характерны образы таких частей растений, как **боб, горох, перец, орех, лыко и шишка**. Боб и горох символизируют болтливость, пустые разговоры. Перец и орех обозначают наказание. Лыко в русской культуре связано с бедностью и грубостью исполнения. Шишка иронически характеризует человека, занимающего высокое положение.

В китайском языке широко представлены ФЕ и ПЕ с названиями таких частей растений, как **тыквина** (тыква, арбуз и дыня), **тыква-горлянка, боб и рис**. Тыквина и бобы выступают символами плодородия и результата труда. Тыква, являясь вьющимся растением, метафорически обозначает сложные и тесные взаимоотношения. Кроме того, тыква-горлянка ассоциируется с тайной, скрытым смыслом, а также с ограниченностью мышления. Также тыква служит метафорой молчаливого и скрытного человека. Рис символизирует основу существования человека, достаток и благополучие.

8. В китайском языке распространена практика использования фитонимов как омофонов, выражающих позитивные значения и пожелания благополучия. Так, в традиционной свадебной обрядности Китая существует обычай разбрасывать по постельному белью финики, арахис, лонган и лotosовые семена. Это обусловлено тем, что сочетание названий указанных продуктов образует фразеологическое

выражение, созвучное пожеланию скорого рождения благородного потомства. В русском языке подобные явления практически не представлены, что демонстрирует специфику символической реализации растений в китайской лингвокультуре.

Таким образом, растительные символы в различных языковых системах демонстрируют как общие, так и специфические черты. Анализ данных символов позволяет выявить универсальные и национально-культурные особенности восприятия человеком растительного мира. В ходе анализа установлено, что на формирование растительных символов влияют разнообразные факторы. К числу таких факторов относятся атрибутивные характеристики и внешние признаки растений, личный и коллективный опыт носителей языка, особенности национального мышления и культурного мировосприятия, психологические механизмы восприятия действительности, а также социальные ценности и эстетические предпочтения.

Атрибуты и характеристики растений являются основой для создания символов и метафор. Восприятие людьми внешнего вида, цвета, формы и позы растения, а также взаимосвязей между различными органами растения может способствовать возникновению ассоциаций и порождать богатые растительные метафоры и символы. Например, в русском языке используются выражения «нос картошкой» ('о широком, толстом носе'), «уши как лопухи» ('о человеке с большими ушами'). Китайский фразеологизм 杨柳依依 [yáng liǔ yī yī] олицетворяет колеблющиеся на ветру ветви ивы, чьи нежные и утончённые движения символизируют прощальные чувства и грусть разлуки.

Помимо внешнего вида и формы, растения также отличаются своими привычками. Осознание особенностей поведения растений позволяет людям провоцировать глубокий эстетический опыт в контексте самопознания и восприятия окружающего мира, что способствует генерации богатых метафор. Например, травянистые растения мелколепестник и ряска характеризуются способностью плавать на поверхности воды или распространяться семенами,

разносимыми ветром, становятся символами бродяжничества в китайской культуре. ФЕ 浪迹萍踪 [làng jì píng zōng] (букв. «следы человека подобны волнам или плывущей ряске») и 飘蓬断梗 [piāo péng duàn gěng] (букв. «летающий мелколепестник и сломанный стебель») символизируют беспризорную судьбу, неопределённые перемещения или жизнь.

Богатый опыт и знания человека о мире растений способствуют формированию и развитию культурного значения растений в языке. Например, в китайской культуре имбирь, известный своим острым вкусом и способностью согревать, символизирует силу и жизненный опыт. Пословица 姜是老的辣 [jiāng shì lǎo de là] (букв. «старый имбирь острее на вкус») характеризует человека с богатым жизненным опытом и знаниями. Однако, когда внешний вид растения и его внутренние качества не совпадают, это может порождать негативные ассоциации. Например, русская пословица «крепок *орешек*, да зелен» описывает человека, который обладает обманчиво привлекательным внешним видом, но на самом деле некачественным. Человеческий опыт, знания и наблюдения за природой оказывают влияние на способы выражения мыслей и ощущений через растительные мотивы в языке.

Психологические механизмы восприятия действительности служат субъективными условиями для генерации символов и метафор. Способность человека к пониманию, рассуждению и творчеству основана на взаимодействии с окружающей средой. Первый случай возникновения метафоры связан с эмоциональной переносимостью, когда растения приобретают символические значения, выходящие за рамки их прямого значения. Например, в Китае «красные бобы» широко применяются как символ любовной тоски благодаря эмпатии поэта Ван Вэй, который в своей поэзии связал «красные бобы» с тоской. Со временем «красные бобы» стали стабильной метафорой в китайской культуре. Второй случай возникновения метафоры связан с наличием сходства между растением и объектом, например, красивые цветы символизируют красоту, вечнозеленые сосны и

кипарисы – непоколебимость и благородство. Важно отметить, что такие ассоциации могут возникать из-за физического или психологического сходства, которое подчёркивается культурными или психологическими факторами, даже если оно не существует объективно. Например, термин 杏林 [xìng lín] (букв. «абрикосовая роща») в китайской культуре ассоциируется с медицинским сообществом и символизирует расцвет традиционной китайской медицины благодаря легенде о Дун Фэне, который лечил пациентов бескорыстно, просил лишь посадить абрикосовое дерево.

Формирование растительных символов тесно связано с особенностями национального мышления. Китайское мышление, ориентированное на целостное и образное восприятие, подчёркивает гармонию и связь с природой и активно использует метафоры и сравнения, связанные с растениями, для описания человеческих качеств. В результате в китайском языке обнаруживается значительно большее количество ФЕ и ПЕ, описывающих положительные черты характера, чем в русском. Это отражает традиционное стремление китайцев к благородным духовным качествам, что проявляется, например, в символизме «Три друга зимы» (сосна, бамбук и слива-мэй), «Четверо Благородных» (слива-мэй, орхидея, бамбук и хризантема). В отличие от китайского, русское мышление ориентировано на точность и прямолинейность в выражениях. Русский язык также использует растительные символы для выражения благородных качеств, однако эти символы часто носят более прямой и менее метафорический характер по сравнению с китайскими.

Эстетическое восприятие влияет на порождение символического значения растений. В китайской культуре, лотос, растущий в грязной воде, но сохраняющий чистоту и красоту своих цветов, является мощным символом чистоты и благородства. Однако такое эстетическое представление отсутствует в русской культуре. В русском коллективном сознании берёза ассоциируется с красотой и связью с родной землёй. Этимологически слово «берёза» происходит от

индоевропейского корня «*bherag*», связанного с блеском и светом, что подчёркивает её белую кору и чистоту.

Социальные ценности также играют важную роль в создании растительных символов. Китайская культура глубоко проникнута учением Конфуция, Мэн-цзы и Чжуан-цзы, которое акцентирует внимание на самосовершенствовании и нравственном воспитании. Например, сосна метафорически ассоциируется с мудрым и смелым мужем; гордость сливы перед снегом отражает непокорность перед насилием; хризантема олицетворяет спокойствие и умеренность. Персонафикация этих растений на самом деле является отражением стремлений традиционных этических и нравственных ценностей китайского народа.

Выводы по главе 2

Анализ символического осмысления растений проводится на основе русских и китайских ФЕ и ПЕ с растительными компонентами, которые отражают человеческие характеристики.

Классификация ФЕ и ПЕ по семантическим признакам показала, что русские и китайские ФЕ и ПЕ с растительными компонентами отражают пять основных категорий человеческих характеристик: физические, социальные, эмоционально-оценочные, интеллектуальные и моральные. В рамках каждой из данных категорий выделены и описаны более узкие подгруппы, такие как внешность, физическое состояние, походка и манеры, семейные отношения, жизненные условия, социальный статус, ум, речь и моральные качества.

Классификация ФЕ и ПЕ по типу фитонимического компонента позволяет разделить их на четыре категории: совокупность растений, общие типы растений, конкретные виды растений, органы и части растений. Эта классификация способствует определению степени продуктивности каждого растительного компонента при описании человеческих характеристик в обоих языках.

Символическое осмысление растений в русской и китайской культурах демонстрирует общую тенденцию к большей представленности внутренних характеристик человека (моральных качеств, эмоций, ума, речи), чем внешних физических признаков. Вместе с тем в русском языке чаще отмечается использование растительных образов для выражения негативных эмоций и отрицательных черт характера, тогда как в китайском языке подобная тенденция выражена слабее.

Особенности символического осмысления растений в русском и китайском языках представлены определёнными уникальными образами. В русском языке широко используются такие фитонимы, как «дуб», «берёза», «осина», «ель», «хрен», «капуста», «горох», «репа», «шишка». Эти растительные образы редко встречаются или вовсе отсутствуют в китайской фразеологии. В китайской культуре характерными фитонимами являются «орхидея», «ива», «слива», «сосна», «персик», «лотос», «бамбук», «османтус», «тыква-горлянка», которые имеют ограниченное использование в русском языке. Эти различия обусловлены культурно-историческими и природными факторами, влияющими на восприятие растительного мира каждым народом.

Выявлены основные факторы, влияющие на символическое осмысление растений в языковом сознании. К таким факторам относятся: атрибутивные характеристики и внешние признаки растений, коллективный опыт и знания, особенности национального мышления и культурного мировосприятия, психологические механизмы восприятия, а также эстетические предпочтения и социальные ценности. Перечисленные факторы обуславливают появление устойчивых ассоциаций, растительных метафор и символов, обладающих как универсальными, так и культурно-специфическими признаками в разных языковых картинах мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Природа, включая растительный мир, играет важную роль в формировании мировоззрения и культурных традиций различных народов. Она является не только средством жизнеобеспечения, но и источником эстетического и духовного вдохновения, что отражается в различных формах искусства, таких как живопись, музыка, ювелирное искусство, текстильный дизайн и литература.

Утилитарное восприятие растений проявляется в широком спектре их практического применения, в частности в пищевой культуре, праздничных и ритуальных обрядах, прядильной и текстильной промышленности, строительстве, народной медицине и других сферах жизни, что характерно как для России, так и для Китая.

Развитие ботаники как науки о растениях прошло путь от эмпирических наблюдений и накопления практического опыта в древности до современных молекулярно-генетических исследований. В результате сформировались фундаментальные знания о классификации, строении, развитии и биологических функциях растений, ставшие основой научного изучения растительного мира.

Символ, как предмет лингвокультурологического анализа, представляет особый интерес ввиду наличия в его структуре ценностно-смыслового компонента. Всестороннее исследование символа позволяет определить его место в системе культуры, выявить классификационные характеристики и сущностные свойства. К числу основных характеристик символа относятся знаковость, образность (иконичность), мотивированность, многозначность, комплексность и архетипичность.

Растения выступают в качестве уникального лингвокультурного концепта, отражающего систему ценностей определённого национально-культурного сообщества, его мировосприятие и способы осмысления окружающего мира. Символическое осмысление растительного мира чаще всего реализуется в форме метафор и сравнений, ярко выражаясь в таких языковых единицах, как

фразеологизмы и поговорки. Анализ фразеологизмов и поговорок позволяет проследить, каким образом национально-культурные особенности проявляются в языке через символическое осмысление растительного мира.

На основе исследования русских и китайских ФЕ и ПЕ с растительными компонентами, которые отражают различные характеристики человека, были выделены основные семантические категории: «физические характеристики человека», «социальные характеристики человека», «эмоционально-оценочные характеристики человека», «интеллектуальные характеристики человека» и «моральные характеристики человека». Кроме того, проведена классификация исследуемых единиц по содержащимся в них растительным компонентам: «совокупность растений», «общие типы растений», «конкретные виды растений» и «органы и части растений». Применение двойной классификации (по семантическим характеристикам и по растительным компонентам) позволило не только систематизировать собранные языковые данные, но и выявить закономерности символического осмысления растительного мира в русской и китайской культурах.

Сопоставительный анализ символического осмысления растений в русских и китайских ФЕ и ПЕ позволяет выявить общие и уникальные черты двух лингвокультур. В результате проведённого исследования были установлены следующие общие закономерности.

1. В китайском языке зафиксировано большее количество ФЕ и ПЕ с фитонимическими компонентами, отражающими человеческие характеристики (1022 единицы), чем в русском языке (744 единицы). При этом в обоих языках отмечается преобладание единиц, описывающих внутренний мир человека (моральные качества, эмоциональные состояния, умственные способности и др.), тогда как внешние физические характеристики представлены менее активно.

2. ФЕ и ПЕ с компонентами-фитонимами в обоих языках характеризуются выраженной коннотативной и оценочной окраской, причём русские ФЕ и ПЕ чаще имеют негативную коннотацию, выражая отрицательные эмоции и черты

характера посредством растительных мотивов. Однако в китайском языке эта тенденция менее выражена.

3. В обеих лингвокультурах интеллектуальные способности человека символически часто выражаются через образы деревьев, причём ассоциация «дерево – интеллект» чаще имеет негативную коннотацию, обусловленную представлениями о статичности и неподвижности деревьев.

4. Символическое осмысление растений в русском и китайском языковом сознании имеет много общего. Наиболее продуктивными фитонимами в обоих языках выступают компоненты «дерево», «цветок», «трава» и «лес», имеющие сходные символические значения. Также наблюдается сходство символики таких частей растений, как корень, плод, ветвь и лист.

5. В обоих языках выделяются общие факторы, влияющие на символическое осмысление растений: атрибуты и характеристики растений, коллективный опыт и знания, психологические механизмы восприятия, особенности национального мышления, эстетические предпочтения и социальные ценности. Данные факторы обуславливают формирование растительных символов и метафор, обладающих как универсальными, так и культурно-специфическими чертами.

Также были выявлены уникальные культурно-специфические особенности.

1. Один и тот же растительный компонент может иметь сходные, различные или даже противоположные символические значения в русской и китайской культурах. Например, «трава» в обоих языках ассоциируется со скромностью и незаметностью, однако в русском языке дополнительно обозначает безвкусную пищу, равнодушие и наркотические вещества, тогда как в китайском языке она связана с бедностью, небрежностью, нестабильностью жизни, низким статусом, каллиграфическим стилем письма и женской легкомысленностью.

2. Степень продуктивности отдельных фитонимов значительно различается в русских и китайских фразеологизмах и поговорках, что отражает культурную специфику восприятия растений. Например, фитоним «цветок» в китайском языке представлен существенно активнее (146 единиц), чем в русском (30 единиц). Это

свидетельствует о высокой символической значимости цветка в китайской культуре.

3. В каждой из исследуемых лингвокультур имеются виды растений, обладающие уникальной символической значимостью, характерной только для данной культуры. В русской культуре это дуб, берёза, осина, ель и хрен, отсутствующие в китайской фразеологии. В китайской культуре распространены символические образы орхидеи, ивы, сливы, сосны, персика, лотоса, османтуса и тутовника, редко встречающихся в русских ФЕ и ПЕ.

4. В обеих лингвокультурах наблюдаются лакунарные образы частей растений. В русской культуре символическое значение имеют лыко (бедность, простота), горох и бобы (пустословие), перец и орех (наказание), шишка (высокий социальный статус или мнимая значимость). В китайском языке активно используется образ тыквы-горлянки (символ тайны и скрытности) и риса (символ достатка и благополучия), редко отражаемые в русских ФЕ и ПЕ.

5. Особенностью китайского языка является активное использование явления омофонии фитонимов для передачи пожеланий и символических значений. Например, традиция разбрасывать финики, арахис, лонган и лotosовые семена на свадебное ложе связана с фонетическим сходством их названий с выражением «раннее рождение благородного сына». Подобные языковые особенности в русском языке не представлены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Научная и учебно-методическая литература

1. Абакумова, О.Б. Семантика и прагматика пословиц и поговорок в дискурсе / О.Б. Абакумова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2010. – № 4 (14). – С. 105–107.
2. Аверинцев, С.С. Заметки к будущей классификации типов символа / С.С. Аверинцев. – Москва : Наука, 1985. – 400 с.
3. Агапкина, Т.А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки / Т.А. Агапкина. – Москва : Индрик, 2019. – 654 с.
4. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учебное пособие. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 288 с.
5. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология : учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 344 с.
6. Анисимов, Е.В. Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века / Е.В. Анисимов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2004. – 464 с.
7. Апресян, Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций. Вопросы языкознания / Ю.Д. Апресян. – 1993. – № 3. – С. 27–36.
8. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры / Пер. под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – Москва : Прогресс, 1990. – 511 с.
9. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 895 с.
10. Багана, Ж. Цветофразеологизмы русского и испанского языков в лингвокультурном аспекте : монография / Ж. Багана, Д.Н. Еркова. – Москва : НИЦ ИНФРА-М, 2014. – 116 с.

11. Базилевская, Н.А. Краткая история ботаники / Н.А. Базилевская, И.П. Белоконь, А.А. Щербакова. – Москва : Наука, 1968. – 310 с.
12. Барляева, Е.А. Символы сознания в структурах языка (на материале английского языка) / Е.А. Барляева. – Санкт-Петербург : Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2010. – 262 с.
13. Берестнев, Г.И. Познание – символ – культура // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке. Сборник научных трудов / Г.И. Берестнев. – Москва : Институт языкознания РАН ; Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 95–106.
14. Бобров, Е.Г. Двухсотлетие «Species plantarum» [«Виды растений»] Карла Линнея. 1753–1953 Доложено на восьмом ежегодном Комаровском чтении 11 дек. 1953 г. / Е.Г. Бобров ; Акад. наук СССР. Ботан. ин-т им. В.Л. Комарова. – Москва, Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1954. – 40 с.
15. Борисова, Л.В. Концепт «дерево» как лингвокультурный код / Л.В. Борисова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2014. – № 1. – С. 34–45.
16. Велькович, М. Фитонимы в русском языке: лингвокультурологический и лексикографический аспекты (на фоне сербского языка) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Велькович Мария ; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. – Санкт-Петербург, 2022. – 162 с.
17. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. Сборник статей и материалов. А.А. Шахматов (1864–1920) / В.В. Виноградов. Издательство АН СССР, 1947. – С. 339–364.
18. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – Москва : Едиториал УРСС. 2002. – 280 с.
19. Воркачѳв, С.Г. В чаще символов: образ в языке и культуре : монография / С.Г. Воркачѳв. – Краснодар : КубГТУ, 2021. – 264 с.

20. Воробьёв, В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьёв. – Москва : РУДН, 2006. – 331 с.

21. Го, Жунжун. Национально-культурная специфика бамбука в китайской лингвокультуре / Ж. Го // Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов: Сборник докладов II Международной научно-практической конференции. – 2022. – С. 59–63.

22. Го, Жунжун. Символическое осмысление лексемы трава в русской и китайской лингвокультурах / Ж. Го // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14. – № 4. (URL: <https://sfk-mn.ru/pdf/44flsk423.pdf>)

23. Гольский, И.А. Символика флоры: сущность и формы переживания : специальность 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры» : диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук / Гольский Иван Александрович ; Омский государственный педагогический университет. – Омск, 2010. – 162 с.

24. Гребнева, А.М. Флористическая лексика мордовских языков : специальность 10.02.07 «Финно-угорские и самодийские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Гребнева Александра Михайловна. – Саранск, 1984. – 17 с.

25. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. ; под ред., с предисл. Г.В. Рамишвили. – Москва : Прогресс, 1984. – 397 с.

26. Дементьева, А.Г. Когнитивные основы формирования переносных значений фитонимов: на материале английского, русского и французского языков : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Дементьева Алевтина Геннадьевна ; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2012. – 185 с.

27. Дьяченко, Ю.А. Фитонимическая лексика в художественной прозе Е.И. Носова : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Дьяченко Юлия Александровна ; Курский государственный университет. – Курск, 2010. – 19 с.

28. Женевская, Е.В. Лингвокультурные модели символообразования в австралийской и новозеландской картинах мира: на материале концептов флоры и фауны : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Женевская Евгения Викторовна ; Московский государственный областной университет. – Москва, 2016. – 195 с.

29. Жуков, В.П. Русская фразеология / В.П. Жуков. – Москва : Высшая школа, 1986. – 310 с.

30. Загидуллина, А.А. Языковые символы и образы: онтология и функционирование (на материале французского языка) специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / Загидуллина Алия Адамбековна. – Алматы, 2010. – 54 с.

31. Иванов, В.В. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – Москва : Наука, 1974. – 342 с.

32. Иванов, Н.В. Проблемные аспекты языкового символизма (опыт теоретического рассмотрения) : монография / Н.В. Иванов. – Минск : Пропилеи, 2002. – 176 с.

33. Иванян, Е.П. Лексика и фразеология наказания в русском дискурсе: к постановке вопроса / Е.П. Иванян // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Том 7. – № 4 (25). – С. 59–62.

34. Исаев, Ю.Н. Фитонимическая картина мира в разноструктурных языках : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / Исаев Юрий Николаевич ; «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 2016. – 413 с.

35. Ибрафилова, Д.Ш. Концепт «tree/дерево/агач» как средство выражения языковой действительности в английском, русском и татарском языках : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и

сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Исрафилова, Диляра Шамилевна ; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2012. – 157 с.

36. Исследование о растениях / Феофраст; пер. с древнегреч. и примеч. М.Е. Сергеевко; ред. акад. И.И. Толстого и чл.-кор. АН СССР Б.К. Шишкина. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1951. – 589 с.

37. Камаль, Альдин Зэйнаб Сафуан. Флористическая лексика в лирике С. Есенина : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Камаль Альдин Зэйнаб Сафуан ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2011. – 24 с.

38. Камаль, Альдин Зэйнаб Сафуан. Функции фитонимов в читательской интерпретации лирики С. Есенина / Камаль Альдин Зэйнаб Сафуан // Коммуникативные исследования / научн. ред. И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2008. – С. 123–127.

39. Карасик, В.И. Культурные концепты: проблема ценностей / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. Сборник научных трудов. – Волгоград : Перемена, 1996. – С. 3–16.

40. Карасик, В.И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей / В.И. Карасик // Политическая лингвистика. – Екатеринбург : Издательство УрГПУ, 2012. – № 1 (39). – С. 43–50.

41. Карасик, В.И. Символические концепты / В.И. Карасик // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях. Сборник статей ; Отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь : Рибэст, 2009. – С. 23–29.

42. Карасик, В.И. Языковая кристаллизация смысла / В.И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2010. – 351 с.

43. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сборник научных трудов. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 75–80.

44. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры / М.Л. Ковшова. – 3-е изд. – Москва : Легенда, 2016. – 456 с.
45. Колосова, В.Б. Лексика и символика славянской народной ботаники: Этнолингвистический аспект / В.Б. Колосова. – Москва : Индрик, 2009. – 352 с.
46. Косиков, Г.К. Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора / Г.К. Косиков. – Москва : Издательство Московского университета, 1993. – 507 с.
47. Красных, В.В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации / В.В. Красных // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Серия «Филология. Культурология. Педагогика. Методика». – 2012. – № 3. – С. 67–74.
48. Красных, В.В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) / В.В. Красных // *Respectus philologicus*. – 2005. – № 7 (12). – С. 10–24.
49. Красных, В.В. Свой среди чужих: миф или реальность? / В.В. Красных. – Москва : Гнозис, 2003. – 375 с.
50. Куликова, И.С. Мир русской природы в мире русской литературы. Слова названия растений в русской художественной картине мира / И.С. Куликова. – Санкт-Петербург : Наука ; САГА, 2006. – 480 с.
51. Кунин, А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – 6-е изд., испр. – Москва : Живой язык, 2005. – 944 с.
52. Леонтович, О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О.А. Леонтович. – Москва : Гнозис, 2005. – 352 с.
53. Ли, Юецзяо. Лингвокультурологический подход к обучению коннотативно маркированной лексике китайских студентов-филологов: на материале фитонимов : специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания(русский язык как иностранный, уровень профессионального образования)» : диссертация на соискание учёной степени

кандидата педагогических наук / Ли Юецзяо ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2018. – 214 с.

54. Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

55. Лосев, А.Ф. Философия. Мифология. Культура / А.Ф. Лосев. – Москва : Мысль, 1991. – 527 с.

56. Лосев, А.Ф. История античной эстетики / А.Ф. Лосев. – Москва : Искусство, 1988. – 447 с.

57. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. – Москва : Искусство, 1995. – 320 с.

58. Лотман, Ю.М. Символ в системе культуры / Ю.М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. – Таллин : Александра, 1992. – Т. 1. – С. 191–199.

59. Лотман, Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю.М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. – Таллин : Александра, 1992. – Т. 1. – С. 129–132.

60. Лукьянова, Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики / Н.А. Лукьянова. – Новосибирск : Наука, 1986. – 228 с.

61. Мамардашвили, М.К. Символ и сознание / М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 318 с.

62. Мартынова, А.Н. Пословицы, поговорки, загадки / А.Н. Мартынова, В.В. Митрофанова. – Москва : Современник, 1986. – 512 с.

63. Маслова, В.А. Лингвокультурология : учебное пособие / В.А. Маслова. – 2-е изд., стер. – Москва : Академия, 2001. – 208 с.

64. Маслова, В.А. Основы фразеологии / В.А. Маслова. – Москва : Высшая школа, 2004. – 376 с.

65. Маслова, В.А. Коды лингвокультуры : учебное пособие / В.А. Маслова, М.В. Пименова. – Москва : Флинта ; Наука, 2016. – 180 с.

66. Мельвиль, Ю.К. Чарлз Пирс и прагматизм / Ю.К. Мельвиль. – Москва : МГУ, 1968. – 503 с.

67. Мильруд, Р.П. Язык как символ культуры / Р.П. Мильруд // Язык и культура. – 2013. – № 2 (22). – С. 43–60.

68. Мокиенко, В.М. Почему так говорят? От Авося до Ятя: историко-этимологический справочник по русской фразеологии / В.М. Мокиенко. – Санкт-Петербург : Норинт, 2004. – 512 с.

69. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология : учебное пособие для филологических специальностей университетов / В.М. Мокиенко. – Москва : Высшая школа, 1980. – 207 с.

70. Молчанова, Г.Г. Лингвокультурные концепты и паремическое моделирование / Г.Г. Молчанова, О.В. Тарбеева // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сборник научных трудов. – Москва : Институт языкознания РАН, 2007. – С. 42–59.

71. Мусаева, О.И. Флористическая метафора как фрагмент национальной картины мира: на материале русского и испанского языков : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Мусаева Ольга Игоревна ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2005. – 203 с.

72. Нань, Яньхуа. Лингвокультурологическое описание паремий русского языка с компонентом-фитонимом на фоне китайского и корейского языков : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Нань Яньхуа ; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. – Санкт-Петербург, 2022. – 237 с.

73. Огольцева, Е.В. Васильки и колокольчики в русской языковой картине мира / Е.В. Огольцева // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2023. – № 4 (52). – С. 104–117.

74. Огольцева, Е.В. Устойчивые сравнения русского языка в современной фразеологии / Е.В. Огольцева // Вопросы филологии. – 2014. – № 3-4 (48). – С. 40–51.

75. Павлова, И.П. Концепт «дерево / мас» в русской и якутской лингвокультурах / И.П. Павлова, Р.А. Данилова // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 5 (84). – С. 367–370.

76. Павловская, А.В. Съедобная история моей семьи / А.В. Павловская. – Москва : Слово, 2013. – 558 с.

77. Пак, И.Я. Языковое воплощение образа дерева / растения в русском языке : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Пак Ирина Яковлевна; Томский государственный университет. – Томск, 2006. – 269 с.

78. Панкова, Т.Н. Национальная специфика метафорической номинации: на материале русских и английских лексем, объединённых семантическим компонентом «растение» : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Панкова Татьяна Николаевна ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2009. – 196 с.

79. Песков, А.Е. Основы культурологии: теоретический курс : учебное пособие / А.Е. Песков, Е.А. Кленина ; ред. И.Б. Чижикова; – Волгоград : ВолгГАСУ, 2013. (URL: <https://vgasu.ru/attachments/peskov-01.pdf>)

80. Петровский, А.В. Психология : словарь / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Политиздат, 1990. – 494 с.

81. Плотникова, А.А. Гороху объесться / А.А. Плотникова // Русская речь. – 1992. – № 1. – С. 107–109.

82. Пуцилева, Л.Ф. Опыт анализа русских фитонимов с коннотативными значениями, характеризующими внешний вид человека (на фоне итальянского языка) / Л.Ф. Пуцилева // МИРС. – 2008. – № 3. – С. 31–36.

83. Пучкова, Е.В. Символический культурный код дерево в русском языке / Е.В. Пучкова // Эпоха науки. Общественно-гуманитарные науки. – 2018. – № 14. – С. 261–265.

84. Рубцов, Н.Н. Символ в искусстве и жизни: философские размышления / Н.Н. Рубцов. – Москва : Наука, 1991. – 176 с.

85. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии : пер. с англ. / Э. Сепир ; общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – Москва : Прогресс, 1993. – 656 с.

86. Серков, В.А. История коноплеводства в России / В.А. Серков, А.А. Смирнов // Масличные культуры. Научно-технический бюллетень Всероссийского научно-исследовательского института масличных культур. – 2018. – Вып. 3 (175). – С. 132–141.

87. Сетаров, Р.Д. Национальная специфика образной номинации: на материале названий растений в славянских, германских и тюркских языках : специальность 10.02.19 «Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Сетаров Руслан Джаватович ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2000. – 19 с.

88. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1. / Российская академия наук [РАН]. Институт славяноведения ; под ред. Н.И. Толстой. – Москва : Международные отношения, 1995. – 578 с.

89. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр ; под общ. ред. М.Э. Рут ; пер. с франц. А. Сухотина. – Екатеринбург : Издательство УрФУ, 1999. – 432 с.

90. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

91. Степанова, Л.Г. Традиционное питание русского крестьянина в XVI в. и резервные источники его пополнения / Л.Г. Степанова // Научный журнал КубГАУ. – 2014. – № 104 (10). (URL: <http://ej.kubagro.ru/2014/10/pdf/139.pdf>)

92. Сунь, Юйно. Лингвокультурные коннотации фитономенов в русском и китайском языках : специальность 5.9.8 «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» : диссертация на соискание учёной

степени кандидата филологических наук / Сунь Юйно ; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2023. – 203 с.

93. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – Москва : Наука, 1973. – 366 с.

94. Сухомлинский, В.А. Избранные произведения: В 5 т. Т. 1 / Редкол А.Г. Дзеверин (пред.) и др. – Киев : Радянська школа, 1979. – 686 с.

95. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

96. Хатхе, А.А. Номинации растительного мира в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах (на материале русского и адыгейского языков) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Хатхе Асиет Асланбечевна ; Адыгейский государственный университет. – Майкоп, 2010. – 256 с.

97. Чан, Т.Н. Лингвометодический потенциал культурной константы «берёза» в обучении русскому языку вьетнамских студентов : специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (русский язык как иностранный, уровень профессионального образования)» : диссертация на соискание учёной степени кандидата педагогических наук / Чан Тхи Нау ; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2011. – 210 с.

98. Черепанова, О.А. Историко-типологический взгляд на устойчивые сочетания сакрально-прагматического характера / О.А. Черепанова // Идеографический и историко-этимологический анализ славянской фразеологии. – Псков, 1994. – С. 105–106.

99. Черкасова, Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС : в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева. – Москва : Издательство Московской международной академии, 2014. – 280 с.

100. Чжуан-цзы. Ле-цзы. Каноны даос. традиции Китая / Чжуан-цзы ; пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В.В. Малявина. – Москва : Мысль, 1995. – 440 с.

101. Чулкина, Н.Л. Концептосфера русской повседневности как объект лингвокультурологии и лексикографии : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / Чулкина Нина Леонидовна ; Российский университет дружбы народов (РУДН). – Москва, 2005. – 37 с.

102. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – Москва : Высшая школа, 1996. – 218 с.

103. Шелестюк, Е.В. О лингвистическом исследовании символа / Е.В. Шелестюк // Вопросы языкознания. – 1997. – № 4. – С. 125–143.

104. Шелестюк, Е.В. Семантика художественного образа и символа (на материале англоязычной поэзии XX века) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Шелестюк Елена Владимировна ; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 1998. – 207 с.

105. Шицзин: Книга песен и гимнов / Пер. с кит. А. Штукина; Подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко ; коммент. А.А. Штукина. – Москва : Художественная литература, 1987. – 351 с.

106. Шумбасова, С.С. Грамматическое структурирование фразеологизмов современного английского языка с компонентом-фитонимом / С.С. Шумбасова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика» / Под ред. В.В. Пасечника и др. – Москва : Издательство МГОУ, 2011. – № 1. – С. 85–92.

107. Юнг, К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг ; сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. – Москва : Ренессанс, 1991. – 304 с.

108. Юрченкова, Е.Ю. Сопоставительный анализ когнитивных стратегий номинации растений в русском и немецком языках (на материале отзоонимных фитонимов) : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое,

типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Юрченкова Елизавета Юрьевна; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2018. – 353 с.

109. 丁艳. 汉语植物词语研究. 内蒙古大学, 博士学位论文, 2020 年. (Дин, Янь. Исследование растительных слов в китайском языке : аспирантская диссертация / Я. Дин. 2020. – 233 с.)

110. 严云受, 刘锋杰. 文学象征论. 安徽: 安徽教育出版社, 1995 年. (Янь, Юньшоу. Теория литературного символизма / Ю. Янь, Ф. Лю. – Аньхой : Издательство образования Аньхуя, 1995. – 480 с.)

111. 刘光准, 黄苏华. 走进白桦林 (俄语语言与文化面面观). 北京: 外语教学与研究出版社, 2001 年. (Лю, Гуанчжунь. Погружение в берёзовый лес (Взгляды на русский язык и культуру) / Г. Лю, С. Хуан. – Пекин : Издательство исследований и преподавания иностранных языков, 2001. – 174 с.)

112. 刘锡诚, 王文宝. 中国象征辞典. 天津: 天津教育出版社, 1991 年. (Лю, Сичэн. Словарь китайских символов / С. Лю, В. Ван. – Тяньцзинь : Издательство образования Тяньцзиня, 1991. – 385 с.)

113. 包佳瑞. 俄语花卉植物名称的语言特点和文化内涵. 上海外国语大学, 硕士学位论文, 2020 年. (Бао, Цзяжуй. Языковые особенности и культурные коннотации названий цветочных растений в русском языке : магистерская диссертация / Бао Цзяжуй, 2020. – 54 с.)

114. 叶大兵, 乌丙安. 中国风俗辞典. 上海: 上海辞书出版社, 1990 年. (Е, Дабин. Словарь китайских обычаев / Д. Е., Б. У. – Шанхай : Издательство Шанхайского словаря, 1990. – 911 с.)

115. 吴国华. 俄汉语称名单位的民族文化语义对比研究. 北京: 外语教学与研究出版社, 2003 年. (У, Гохуа. Сравнительное исследование национально-культурной семантики русских и китайских единиц наименования / Г. У. – Пекин : Издательство исследований и преподавания иностранных языков, 2003. – 338 с.)

116. 喻晓玲. 《红楼梦》花草意象研究. 闽南师范大学, 硕士学位论文, 2018 年. (Юй, Сяолин. Исследование цветочных и травянистых образов в «Сон в красном тереме»: аспирантская диссертация / Юй Сяолин, 2018. – 121 с.)

117. 娜佳. 汉俄语言中花名隐喻的对比研究. 沈阳师范大学, 硕士学位论文, 2013 年. (Надя. Сравнительное исследование метафор флоры в китайском и русском языках: магистерская диссертация / Надя, 2013. – 41 с.)

118. 孙莹. 《诗经》植物意象探微——物我互通, 生命一体的信仰及其艺术表现. 东北师范大学, 硕士学位论文, 2002 年. (Сунь, Ин. Исследование растительных образов в «Книге песен» – взаимосвязь человека и природы, единство жизни верования и их художественное выражение: магистерская диссертация / Сунь Ин, 2002. – 36 с.)

119. 居阅时, 瞿明安. 中国象征文化. 上海: 上海人民出版社, 2001 年. (Цзю, Юэши. Китайская символическая культура / Ю. Цзю, М. Цюй. – Шанхай: Издательство Шанхайского народного, 2001. – 666 с.)

120. 崔柳青. 浅析宋词中表示“离别”的主要意象. 安徽文学, 2007 年, 第 7 期, 第 96 页. (Цуй, Люцин. Анализ основных образов, выражающих «прощание» в сунских Цах / Л. Цуй // Аньхойская литература. – 2007. – № 7. – С. 96.)

121. 张晗. 俄汉语表“植物”词的隐喻对比分析. 哈尔滨师范大学, 硕士学位论文, 2020 年. (Чжан, Хань. Сравнительный анализ метафорического употребления слов, обозначающих «РАСТЕНИЕ» в русском и китайском языках: магистерская диссертация / Чжан Хань, 2020. – 71 с.)

122. 张桐. 俄汉语中表“可食用植物”词汇隐喻对比研究. 吉林大学, 硕士学位论文, 2021 年. (Чжан, Тун. Сравнительное исследование метафоризации лексики «съедобных растений» в русском и китайском языках: магистерская диссертация / Чжан Тун, 2021. – 79 с.)

123. 张燕婴等译注. 中华经典藏书: 全套典藏装——周易. 北京: 中华书局, 2012 年. (Чжан, Яньин. Классическая китайская коллекция книг: полное собрание в коллекционном оформлении – «И-цзин» / Я. Чжан; пер. и комментарии Чжан Яньин. – Пекин: Издательство «Чжунхуа», 2012. – 435 с.)

124. 彭海玲. 唐诗草意象研究. 江西师范大学, 硕士学位论文, 2014 年. (Пэн, Хайлин. Исследование образа травы в танской поэзии: магистерская диссертация / Пэн Хайлин, 2014. – 66 с.)

125. 徐媛. 汉语植物异名研究. 华中师范大学, 博士学位论文, 2018 年. (Сю Юань, Исследование синонимии растительных названий в китайском языке: аспирантская диссертация / Сю Юань, 2018. – 171 с.)

126. 房佳潼. 基于功能对等理论的施图金俄译版《诗经》植物意象翻译研究. 哈尔滨理工大学, 硕士学位论文, 2021 年. (Фан, Цзятун. Исследование перевода имиджа растения в Книге песен и гимнов «Шицзин» А.А. Штукина на основе теории функциональной эквивалентности: магистерская диссертация / Фан Цзятун, 2021. – 64 с.)

127. 朱俊蓉. 中外常见花卉词隐喻语义及其文化内涵探究. 福建师范大学, 硕士学位论文, 2016 年. (Чжу, Цзюньжун. Исследование метафорической семантики и культурных коннотаций распространенных цветочных терминов в китайском и зарубежном контекстах: магистерская диссертация / Чжу Цзюньжун, 2016. – 55 с.)

128. 李万军. 俄汉语含植物名称熟语对比研究. 哈尔滨理工大学, 硕士学位论文, 2016 年. (Ли, Ваньцзюнь. Сравнительное исследование русских и китайских фразеологизмов с компонентом-растением: магистерская диссертация / Ли Ваньцзюнь, 2016. – 49 с.)

129. 李佳. 俄汉语言文化中“树”观念的对比研究. 辽宁大学, 硕士学位论文, 2015 年. (Ли, Цзя. Сравнительное исследование концепции «дерево» в

русской и китайской языковой культуре : магистерская диссертация / Ли Цзя, 2015. – 78 с.)

130. 李坤. 基于文化伴随意义的俄语植物名词分类. 新疆大学, 硕士学位论文, 2012 年. (Ли, Кунь. Классификация русских растительных названий на основе культурных коннотаций : магистерская диссертация / Ли Кунь, 2012. – 31 с.)

131. 李昉. 太平御览. 第 9 册. 上海: 上海古籍出版社, 2008 年. (Ли, Фан. Каталог Энциклопедии Тайпин Юйланы. Т. 9 / Ф. Ли. – Шанхай : Издательство древних книг Шанхая, 2008. – 552 с.)

132. 李磊. 比较视域下对俄汉语教学植物词汇文化含义研究. 西南科技大学, 硕士学位论文, 2024 年. (Ли, Лэй. Исследование культурного значения фитонимов в обучении китайскому языку в России (в сравнительной перспективе) : магистерская диссертация / Ли Лэй, 2024. – 40 с.)

133. 李莉. 中国传统松柏文化研究. 北京林业大学, 博士学位论文, 2005 年. (Ли, Ли. Исследование традиционной культуры сосны и кипариса в Китае : аспирантская диссертация / Ли Ли, 2005. – 195 с.)

134. 武氏梅花. 越汉植物词隐喻对比较研究. 华东师范大学, 博士学位论文, 2014 年. (VO THIMAI HOA. Сравнительное исследование метафор в китайских и вьетнамских фитонимах : аспирантская диссертация / VO THIMAI HOA, 2014. – 222 с.)

135. 江畚经: 《历代小说笔记选》(汉魏六朝唐). 上海: 上海书店, 1983 年. (Цзян, Шэцзин. Избранное из заметок о романах различных династий (от династий Хань, Вэй до шести династий и Тан). – Шанхай : Шанхайская книжная компания, 1983. – 166 с.)

136. 爱伯哈德著; 陈建宪译. 中国文化象征词典. 长沙: 湖南文艺出版社, 1990 年. (Эберхард, В. Китайский словарь культурных символов / В. Эберхард ; пер. Ц. Чэнь. – Чанша : Издательство Хунань литературы и искусства, 1990. – 370 с.)

137. 王凌云. 中国当代新诗植物意象研究. 云南大学, 博士学位论文, 2017 年. (Ван, Линъюнь. Исследование растительных образов в современной китайской поэзии : аспирантская диссертация / Ван Линъюнь, 2017. – 268 с.)

138. 王力. 中国古代文化常识 (修订第 4 版). 北京: 北京联合出版公司, 2014 年. (Ван, Ли. Общие сведения о древнекитайской культуре / Л. Ван. – 4-е испр. – Пекин: Пекинское объединенное издательство, 2014. – 272 с.)

139. 王娜. 生态翻译学视域下《诗经》中动植物名称的俄译研究. 大连外国语大学, 硕士学位论文, 2022 年. (Ван, На. Исследование русского перевода названий животных и растений в «Ши цзин» на основе экопереводаведения : магистерская диссертация / Ван На, 2022. – 76 с.)

140. 王颖. 中国古代文学松柏题材与意象研究. 南京师范大学, 博士学位论文, 2012 年. (Ван, Ин. Исследование темы и образов сосны и кипариса в древнекитайской литературе : аспирантская диссертация / Ван Ин, 2012. – 197 с.)

141. 瞿明安. 论象征的基本特征. 民族研究. 2007 年, 第 5 期. (Цюй, Минань. Основные характеристики символа / М. Цюй // Национальные исследования, 2007. – № 5. – С. 56–65.)

142. 石文倩, 陈明, 朱世桂. 古代萱草应用价值及其文化意蕴探讨. 农业考古, 2019 年, 第 1 期, 第 134–140 页. (Ши, Вэньцзянь. Исследование практической ценности и культурной значимости красоднева в древнем Китае / В. Ши, М. Чэнь, Ш. Чжу // Аграрная археология. – 2019. – № 1. – С. 134–140.)

143. 石润宏. 唐代文学中的植物书写研究. 南京师范大学, 博士学位论文, 2017 年. (Ши, Жуньхун. Исследование изображения растений в литературе времен династии Тан : аспирантская диссертация / Ши Жуньхун, 2017. – 300 с.)

144. 萧子显. 南齐书. 北京: 中华书局, 1996 年. (Сяо, Цзысянь. Книга Южной Ци / Ц. Сяо. – Пекин : Издательство «Чжунхуа», 1996. – 1038 с.)

145. 蒋凡, 李笑野. 天人之思: 《周易》文化象征. 成都: 四川人民出版社, 2007 年. (Цзян, Фань. Мысли о небе и человеке: Культурные символы в «Ицзин» / Ф. Цзян, С. Ли. – Чэнду: Издательство народа Сычуань, 2007. – 246 с.)

146. 谭业庭, 张英杰. 中国民俗文化. 北京: 经济科学出版社, 2010 年. (Тань, Етин. Китайская народная культура / Е. Тань, И. Чжан. – Пекин: Издательство экономических наук, 2010. – 240 с.)

147. 贾军. 植物意象研究. 东北林业大学, 博士学位论文, 2011 年. (Цзя, Цзюнь. Исследование растительных образов: аспирантская диссертация / Цзя Цзюнь, 2011. – 133 с.)

148. 赵天羽. 传统文化中柳树的民俗审美. 淮阴工学院学报, 2017 年, 第 26 (04) 期, 第 46–49 页. (Чжао, Тяньюй. Фольклорно-эстетическое восприятие ивы в традиционной культуре / Т. Чжао // Журнал Хуайинского института технологий. – 2017. – № 26 (04). – С. 46–49.)

149. 邱美. 《诗经》中的植物意象及其影响. 苏州大学, 硕士学位论文, 2008 年. (Цю, Мэй. Растительные образы в «Книге песен» и их значение: магистерская диссертация / Цю Мэй, 2008. – 57 с.)

150. 闵彦琳. 概念整合理论视角下俄语植物成语的语义认知研究. 吉林大学, 硕士学位论文, 2024 年. (Минь, Яньлинь. Когнитивно-семантическое исследование русских фразеологизмов с фитонимическим компонентом в свете теории концептуальной интеграции: магистерская диссертация / Минь Яньлинь, 2024. – 81 с.)

151. 陈映戎. 英汉植物隐喻的跨文化理解研究. 华东师范大学, 博士学位论文, 2012 年. (Чэнь, Инжун. Исследование межкультурного понимания англо-китайских растительных метафор: аспирантская диссертация / Чэнь Инжун, 2012. – 210 с.)

152. 陈晦. 英汉植物词语对比研究. 上海外国语大学, 博士学位论文, 2012 年. (Чэнь, Хуэй. Сравнительное исследование английских и китайских растительных слов : аспирантская диссертация / Чэнь Хуэй, 2012. – 160 с.)

153. 陶友莲. 植物象征文化研究——以《红楼梦》植物象征为例. 浙江农林大学, 硕士学位论文, 2012 年. (Тао, Юлиань. Исследование символики растений – на примере символизма растений в «Сон в красном тереме» : магистерская диссертация / Тао Юлиань, 2012. – 38 с.)

154. 隋真. 俄汉成语中植物词的文化伴随意义对比分析. 山东师范大学, 硕士学位论文, 2016 年. (Суй, Чжэнь. Сравнительный анализ культурных коннотаций фитонимов в русских и китайских идиомах : магистерская диссертация / Суй Чжэнь. 2016. – 48 с.)

155. 齐慎. 《诗经》植物与周人礼俗研究. 苏州大学, 硕士学位论文, 2006 年. (Ци, Шэнь. Исследование связь растений с обычаями народа Чжоу в «Книге песен» : магистерская диссертация / Ци Шэнь, 2006. – 39 с.)

Словари

156. Аникин, В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор / В.П. Аникин. – Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. – 240 с.

157. Бирих, А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

158. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1535 с.

159. Брилева, И.С. Большой фразеологический словарь русского языка / И.С. Брилев [и др.] ; отв. ред. В.Н. Телия. – Москва : АСТ-Пресс, 2009. – 781 с.

160. Даль, В.И. Пословицы и поговорки русского народа / В.И. Даль. – Санкт-Петербург : Диамант, 1998. – 544 с.

161. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В.И. Даль. – Москва : Издательство общества любителей Российской словесности, 1863. – 627 с.

162. Елистратов, В.С. Словарь русского арга: Материалы 1980-1990 гг.: около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений / В.С. Елистратов. – Москва : Русские словари, 2000. – 694 с.

163. Ельчева, А.Н. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 7: Глушить – Грандина / А.Н. Ельчева. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1986. – 184 с.

164. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – 7-е изд., стереотип. – Москва : Русский язык, 2000. – 544 с.

165. Мелерович, А.М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – Москва : Русские словари, 2001. – 856 с.

166. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Москва : Олма Медиа Групп, 2007. – 784 с.

167. Молотков, А.И. Фразеологический словарь русского языка. Свыше 4000 словарных статей / А.И. Молотков, Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Фёдоров ; под ред. А.И. Молоткова. – 2-е изд., стереотип. – Москва : Советская Энциклопедия, 1968. – 544 с.

168. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов ; под ред. Л.И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – Москва : Мир и Образование, 2019. – 1375 с.

169. Ребер, А. Большой толковый психологический словарь. В 2 т. Т. 1 / А. Ребер ; пер. с англ. – Москва : Вече, АСТ, 2003. – 591 с.

170. Словарь ботанических терминов / И.А. Дудка, С.П. Вассер, И.Н. Голубинский ; под общ. ред. И.А. Дудки. – Киев : Наук. думка, 1984. – 308 с.

171. Словарь иностранных слов / Под зав. ред. В.В. Пчёлкина. – 18-е изд., стереотип. – Москва : Русский язык, 1989. – 624 с.

172. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; [гл. ред. А.П. Евгеньева; выполн. Л.П. Алекторовой и др.]. – 3-е изд., стер. – Москва : Русский язык, 1988. – 795 с.

173. Словарь фразеологических синонимов русского языка: около 730 синоним. Рядов / В.П. Жуков, М.И. Сидоренко, В.Т. Шкляр ; под ред. В.П. Жукова. – Москва : Русский язык, 1987. – 448 с.

174. Сорокин, В.Г. Русские народные пословицы и поговорки / В.Г. Сорокин. – Москва : АСТ, 2021. – 352 с.

175. Тихонов, А.Н. Фразеологический словарь русского языка / сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. – 3-е изд., стереотип. – Москва : Русский язык – Медиа, 2007. – 334 с.

176. Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц / А.И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель, 2008. – 878 с.

177. Чернышёва, В.И. Словарь современного русского литературного языка. Т. 15 / Под ред. В.И. Чернышева. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1963. – 1286 с.

178. Шанский, Н.М. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – Москва : Прозерпина, 1994. – 398 с.

179. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Г.В. Шанская. – Москва : Просвещение, 1971. – 542 с.

180. 辞源 (第三版). 商务印书馆编辑部. 北京: 商务印书馆, 2015 年. (Этимологический словарь «Цюань». 3-е издание / Редакция Коммерческой печати. – Пекин : Коммерческая печать, 2015. – 4810 с.)

181. 古代汉语词典. 古代汉语词典编写组编. 北京: 商务印书馆, 2022 年. (Словарь древнекитайского языка / Редакция Словаря древнекитайского языка. – Пекин : Коммерческая печать, 2022. – 2087 с.)

182. 刘洁修. 汉语成语考释词典. 北京: 商务印书馆, 1989 年. (Лю Цзесю. Словарь исследований китайских идиом. – Пекин : Коммерческая печать, 1989. – 1668 с.)
183. 刘万国, 侯文富. 中华成语大词典. 长春: 吉林大学出版社, 1999 年. (Лю, Ванго. Большой словарь китайских идиом Чжунхуа / В. Лю, В. Хоу. – Чанчунь : Издательство Цзилиньского университета, 1999. – 1462 с.)
184. 刘杨. 中华经典故事. 谚语、俗语故事. 北京: 中华书局, 2013 年. (Лю, Ян. Классические китайские истории. Истории пословиц и поговорок / Я. Лю. – Пекин : Издательство «Цзунхуа», 2013. – 206 с.)
185. 罗竹风. 汉语大词典. 上海: 上海辞书出版社, 2008 年. (Ло, Чжужуфэн. Большой словарь китайского языка / Ч. Ло. – Шанхай : Шанхайское издательство словарей и энциклопедий, 2008. – 15400 с.)
186. 王兴国. 汉语成语大词典. 北京: 华语教学出版社, 2016 年. (Ван, Синго. Большой словарь идиом китайского языка / С. Ван. – Пекин : Издательство по обучению китайскому языку, 2016. – 2035 с.)
187. 王志刚. 谚语、俗语、歇后语精辟. 北京: 中国华侨出版社, 2015 年. (Ван, Чжиган. Изысканные пословицы, поговорки и сехоуэй / Ч. Ван. – Пекин : Издательство Китайского общества соотечественников, 2015. – 364 с.)
188. 温端政. 中国格言大辞典. 上海: 上海辞书出版社, 2008 年. (Вэнь, Дуаньчжэн. Большой словарь китайских афоризмов / Д. Вэнь. – Шанхай : Шанхайское издательство словарей и энциклопедий, 2008. – 1101 с.)
189. 温端政. 中国惯用语大辞典. 上海: 上海辞书出版社, 2011 年. (Вэнь, Дуаньчжэн. Большой словарь китайских устойчивых выражений / Д. Вэнь. — Шанхай : Шанхайское издательство словарей и энциклопедий, 2011. – 526 с.)
190. 温端政. 中国俗语大辞典. 上海: 上海辞书出版社, 2011 年. (Вэнь, Дуаньчжэн. Большой словарь китайских поговорок / Д. Вэнь. – Шанхай : Шанхайское издательство словарей и энциклопедий, 2011. – 1137 с.)

191. 温端政. 中国谚语大辞典. 上海: 上海辞书出版社, 2011 年. (Вэнь, Дуаньчжэн. Большой словарь китайских пословиц / Д. Вэнь. – Шанхай : Шанхайское издательство словарей и энциклопедий, 2011. – 638 с.)

192. 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编, 第七版. 北京: 商务印书馆, 2016 年. (Словарь современного китайского языка / Институт лингвистики КАН, 7-е издание. – Пекин : Коммерческая печать, 2016. – 1800 с.)

193. 新华成语词典. 商务印书馆辞书研究中心. 北京: 商务印书馆, 2002 年. (Словарь чэньюй Синьхуа / Исследовательский центр словарей Коммерческой печати. – Пекин : Коммерческая печать, 2002. – 1016 с.)

194. 新华大字典. 商务印书馆辞书研究中心. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2015 年. (Толковый и этимологический словарь иероглифов китайского языка / Исследовательский центр словарей Коммерческой печати. – Пекин : Коммерческая печать, 2015. – 1360 с.)

195. 赵英. 汉语成语词典. 呼和浩特: 内蒙古大学出版社, 2006 年. (Чжао, Ин. Словарь китайских идиом / И. Чжао. – Хух-Хото : Издательство Университета Внутренней Монголии, 2006. – 1016 с.)

196. 郑薇莉, 周谦. 中华成语大词典. 北京: 商务印书馆, 2009 年. (Чжэн, Вэйли. Большой словарь китайских идиом Чжунхуа / В. Чжэн, Ц. Чжоу. – Пекин : Коммерческая печать, 2009. – 2293 с.)

Электронные ресурсы

197. Справочно-информационный портал «Грамота.ру» : официальный сайт. – URL: <https://gramota.ru> (дата обращения: 01.08.2024). – Текст : электронный.

198. 郭居业 . 全相二十四孝诗选集 . – URL: <https://www.zhonghuadiancang.com/wenxueyishu/ershisixiao> (дата обращения: 01.08.2024). – Текст : электронный.

199. 韩 诗 外 传 • 卷 七 . – URL:
https://www.gushiwen.cn/guwen/bookv_512ec1878558.aspx (дата обращения:
01.08.2024). – Текст : электронный.

200. 苏 轼 . 记 岭 南 竹 . – URL:
https://m.gushiwen.cn/shiwenv_88c5ab6b0840.aspx (дата обращения: 01.08.2024). –
Текст : электронный.

**ПРИЛОЖЕНИЕ А. РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ПАРЕМИИ С
РАСТИТЕЛЬНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ, ОТРАЖАЮЩИЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ**

744 ФЕ и ПЕ

Категория «физические характеристики человека»: 71 ФЕ и ПЕ

Подгруппа «внешний облик»: 19 ФЕ и ПЕ

1. Адамово яблоко. – *Книжн.* Кадык.
2. Брови как лён. – Светлые, золотистые брови.
3. Глаза как маслины. – Тёмные, выразительные глаза.
4. Глазное яблоко. – Округлая форма глазного органа.
5. Голова как дыня. – Голова большого размера.
6. Как маков цвет. – Красивая внешность, румянец, цветущий вид.
7. Красная девка в хороводе, что маков цвет в огороде. – Выразительность, яркость красоты девушки.
8. Наряди пень в вешний день, и пень будет красавчик. – Одежда красит человека.
9. Наряди пня, и пень хорош будет. – О щегольстве.
10. Ноги как тростинки. – Об очень худом человеке.
11. Нос картошкой. – О широком носе, похожем на картофель.
12. Осиная талия. – Очень тонкая талия.
13. Репа на голове вырастет. – *Волг. Пренебр.* О неопрятном, неряшливом человеке.
14. Сморчок сморчком. – Об очень маленьком, невзрачном или старом, морщинистом человеке.
15. Стройный как кипарис. – О подтянутом, стройном человеке.
16. Стройный как пальма. – Пропорционально и красиво сложенный, статный.

17. Тонкий как тростинка. – Очень тонкий, худой.
18. Уши как лопухи. – О человеке с большими ушами.
19. Чёрный как смоль. – Очень чёрный (обычно о волосах).

Подгруппа «физическое состояние»: 41 ФЕ и ПЕ

1. Божий одуванчик. – *Разг., ирон.* Старый, дряхлый человек.
2. В <во> цвете <в расцвете> сил. – В период наибольшей жизненной активности (обычно в молодости).
3. В <во> цвете лет. – В пору расцвета физических и духовных сил.
4. В лесу-то морошка, да не носят ножки. – *Кар. Ирон.* О старческой слабости, немощи.
5. В расцвете лет. – В пору расцвета физических и духовных сил.
6. В самом соку. – В полном расцвете физических сил.
7. Врезать (секануть) дуба (дубаря). – О преждевременной смерти физически крепкого, сильного человека.
8. Втыкать дуба. – Дохнуть, издыхать, подохнуть.
9. Выжатый лимон. – Предельно уставший, измождённый человек.
10. Вялый как овощ. – Физическая слабость вследствие усталости или болезни.
11. Дать дуба. – Грубо-прост. Умереть.
12. Деревянный пирог, начинка мясная (гроб с телом). – О смерти и о покойниках в традиционных русских представлениях.
13. До берёзки. – До смерти.
14. Дойти до лыка. – *Яросл.* Сильно похудеть.
15. Идти под сосну. – *Кар.* Умирать.
16. Из всего дерева. – *Перм. Одобр.* О сильном, крепкого телосложения человеке.
17. Из всего лесу. – *Перм. Шутл.-одобр.* О сильном, крепкого телосложения человеке.

18. Как огурчик. – О человеке бодром, имеющем свежий, здоровый вид.
19. Лежать в цветах. – *Пск.* Быть мёртвым, умереть.
20. Лежать на траве. – Будучи на диете, лечиться целебными травами.
21. Лечь под берёзки. – Умереть.
22. Лыка не волочить. – Обессилеть.
23. Любить до самой берёзки. – Любить до самой смерти.
24. Морковь беззубая. – *Морд. Пренебр.* О старом, дряхлом человеке.
25. Набрать (собрать) грибов. – *Жарг., мол., шутл.* Простудиться.
26. Ни пышет, ни дышит, в сухом дереве лежит (мертвец, покойник). – О смерти и захоронении человека.
27. Падает через былинку. – *Волг. Ирон.* О слабом, больном, старом человеке.
28. Подёрнуться мохом. – *Омск.* Сильно похудеть, перестать соблюдать правила гигиены.
29. Пойти в [зелёную] рощу. – *Олон., Сиб.* Умереть.
30. Пойти по ёлочкам. – Умереть.
31. Положить под берёзки. – Похоронить кого-л.
32. Получить / получать маслину. – Быть убитым, застреленным.
33. Помереть (умереть, согнуться) под ёлкой. – окончить жизнь бесславно (о никчемном, опустившемся человеке).
34. Попадать / попасть в сосны. – Умирать.
35. Прогуляться по ёлочкам. – *Новг.* Умереть.
36. Смотреть под ёлку. – Находиться в тяжёлом состоянии (о больном человеке).
37. Старого лесу кочерга – Физически крепкий человек.
38. Старый гриб. – *Ирон.* О человеке старом и малосильном.
39. Старый хрен. – 1) Пренебрежительная характеристика старика.
2) Бранное обращение к старому человеку.
40. Считать горох. – *Новг. Ирон.* Быть очень дряхлым, старым.

41. Угодить под ёлку. – Умереть.

Подгруппа «походка и манеры»: 11 ФЕ и ПЕ

1. Бежать в шишках. – Ехать цугом, гуськом.
2. Дуба стоять. – Стоять на ножках (о ребёнке, начинающем ходить).
3. Дубок стоять. – Стоять на ножках (о ребёнке, начинающем ходить).
4. Лыка не вяжет / везёт кто. – Об очень пьяном человеке, не способном координировать свои движения и связно говорить.
5. Налился, как клюковка; натянулся, как губка. – Об очень пьяном человеке.
6. Наткнулся (налился, пьян) как клюковка. – Об очень пьяном, напившемся человеке.
7. Сесть на дубошки. – *Дон*. Опуститься на корточки.
8. Стоять дубочки. – Стоять на ножках (о ребёнке, начинающем ходить).
9. Стоять на бобе. – *Жарг. Арм.* Стоять на посту, быть часовым (о пограничнике).
10. То пьян, коли пальцы впрямь, а народ в глазах, что ельник. – Симптомы сильного опьянения.
11. У пьяного кулаки дерево рубят, у трезвого и топор не берёт. – Пьяный человек бывает смелым и решительным до безрассудства.

Категория «социальные характеристики человека»: 331 ФЕ и ПЕ

Подгруппа «семейные отношения»: 55 ФЕ и ПЕ

1. Арбуз поднести (дать). – *Народн., ирон.* Отказать жениху при сватовстве.
2. Бесплодная смоковница. – 1) О женщине, страдающей бесплодием (грубо, уничижит). 2) О человеке, деятельность которого лишена смысла, не приносит результатов.
3. Бесплодное дерево. – *Пск.* 1) *Ирон. или неодобр.* О женщине, которая не может иметь детей. 2) О бездетной семье.

4. Брат не брат, а в горох не лезь! – Не суйся не в своё дело.
5. В лесу медведь, а в доме мачеха. – Дома плохо, а снаружи ещё хуже.
6. Венчали вокруг ели (ракитового куста). – О невенчанной чете.
7. Венчали вокруг ели, а черти пели. – *Народн., шутл.-ирон.* О невенчанной чете.
8. Венчать / венчаться вокруг ракитового куста (кустика). – 1) Находиться с кем-л. в незаконной, внебрачной связи. 2) Вступать во внебрачное совокупление, жить половой жизнью до официального брака.
9. Выдавливать плод. – Рожать детей.
10. Выходить на чёрную капусту. – *Брян.* Вступить в брак с неимущим.
11. Где вода, там и верба; где верба, там и вода. – О взаимосвязи.
12. Горох в поле, да девка в доме – завидное дело: кто ни пройдёт – тот щипнёт. – Красавица – всем на загляденье.
13. Горох да репа в поле – вдова да девка в людях. – Вдова и незамужняя девушка беззащитные, без опоры, вынужденные жить самостоятельно.
14. Гороху объесться – Забеременеть (о незамужней женщине).
15. Грибы выросли. – *Новг.* Кто-л. получил отказ при сватовстве.
16. Девушка не травка, не вырастет без славки. – Девушка нуждается в признании, воспитании, любви и внимании.
17. Дети – цветы жизни. – Дети делают нашу жизнь ярче и приятнее.
18. Дуб – дерево хорошее, да плоды его только свиньям годны. – У хороших родителей могут быть плохие дети.
19. Завидны в поле горох да репа (прибавка: кто ни пройдёт, щипнёт). – Красивая девушка или уязвимый человек всегда привлекают внимание, иногда нежелательное.
20. Из дому гонит мачеха, а из лесу медведь. – Дома плохо, а снаружи ещё хуже.
21. Каков корень, таков и отпрыск. – О наследственности, передаче качеств и свойств от одного поколения к другому.

22. Каково дерево, такова и отрасль (и плод). – Качество потомков зависит от их предков.
23. Каково деревце, таковы и яблочки. – Каковы родители, таковы и дети.
24. Каково семя, таков и плод. Каково волокно, таково и полотно. – Качество детей зависит от их родителей.
25. Каково семя, таково и племя. – Качество детей зависит от их родителей.
26. Каков дуб, таков и клин; каков батька, таков и сын. – Каковы родители, таковы и дети.
27. Какова берёзка, такова и отростка. – Качество детей зависит от их родителей.
28. Клонить дерево не по себе. – Вступать в неравный брак.
29. Крапивное семя (зелье). Каиново племя. – О наследственности, передаче качеств и свойств от одного поколения к другому.
30. Купить арбуз. – Быть в последней стадии беременности.
31. Маком сидеть. – Народи. ирон. О засидевшейся в девках, долго не выходящей замуж девушке.
32. Мимо девку, да мимо репку, так не пройдёшь (щипнёшь). – Красота девушек – не спрячешь.
33. Мимо яблоньки яблочко не падает. – О наследственности, передаче качеств и свойств от одного поколения к другому.
34. Найти в крапиве. – *Волг., Курск.* Родить ребёнка вне брака.
35. Нашла на перец горчица. – О недружной чете.
36. Не далеко от дерева яблочко падает. – Качество детей зависит от их родителей.
37. Окрутиться вокруг куста проруби. – *Пск. Ирон.* Выйти замуж без венчания.
38. Обежать вокруг ёлки. – Выйти замуж без официального оформления.
39. От доброго корня добрая и отрасль. – Каковы родители, таковы и дети.

40. От доброго дерева добрый и плод. Каков корень, таково и семя. – Качество детей зависит от их родителей.

41. От худого семени не жди доброго племени. – Качество потомков зависит от их предков.

42. От яблоньки яблочко, а от ели шишка. – Каковы родители, таковы и дети.

43. По семени и плод. Что посеяно, то и вырастет (и взойдёт). – Каковы родители, таковы и дети.

44. Покатить арбуз. – *Народн., ирон.* Отказать жениху при сватовстве.

45. Победны (обидны, завидны, бедуют) в поле горох да репа, в свете (в мире) вдова да девка. – Вдова и девушка в обществе тоже привлекают внимание.

46. Покушать горошку. – Забеременеть (о незамужней женщине).

47. Получить арбуз. – *Народн., ирон.* Получить отказ при сватовстве.

48. Понести плод. – Забеременеть.

49. Потянуть арбуз. – *Народн., ирон.* Получить отказ при сватовстве.

50. Руби (вали) дерево по себе. Не по себе дерева не руби. – Выбирай себе ровню (при женитьбе).

51. Рубить дерево не по себе. – *Разг., ирон.* Пытаться сосватать девушку, найти невесту, которая имеет значительно больше достоинств, чем жених.

52. Хрен с перцем сошёлся. – О недружной чете.

53. Цветок шахны. – Муж, который делает карьеру с помощью родственных связей жены.

54. Яблоко от яблоньки не далеко откатывается. – Каковы родители, таковы и дети.

55. Яблоко (яблочко) от яблони (от яблоньки) недалеко падает. – Каковы родители, таковы и дети.

Подгруппа «жизненные условия»: 66 ФЕ и ПЕ

1. В лесу люди лесеют, в людях людеют. – О влиянии окружения на человека: где живёшь, таким и становишься.

2. В одном кармане (или: зепи) пусто, в другом капуста. – О неравномерном недостатке.
3. В пост редьки хвост. Честна чесноковина да луковица. – Скромная пища важна в нужде.
4. Гол, как сокол. Гол, как осиновый кол. – О крайне бедном, нищем человеке.
5. Голо, голо, а луковка во щи есть. – О бедности, но с надеждой на небольшие средства для жизни.
6. Горе лыком подпоясано. – Крайняя степень нищеты.
7. Горе лыковое. – Об очень бедном, бедствующем, невезучем человеке.
8. Горек, как полынь (перец, горчица). – О скромной пище.
9. Горох да репа животу не крепа. Репа брюху не крепа. – О слабом, недостаточном питании.
10. Горькому сердцу не до перцу. – Большая беда делает мелкие проблемы несущественными.
11. Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной. – О важности простой, питательной еды.
12. Гречневая каша – мать наша, хлебец – кормилец. – О главной еде.
13. Гриб не хлеб, а ягода не трава. – Грибы и ягоды – не основные продукты, но тоже полезны.
14. Грибы растут в деревне, а их и в городе знают. – Хорошие вещи (люди) известны повсюду, независимо от их происхождения.
15. Губина (грибы, овощ) не сыть, а как с нею быть? Рыба – вода, ягода – трава, а хлеб – всему голова. – Хлеб – это главное пропитание, всё остальное вторично.
16. Дворянское кушанье – два грибка на тарелочке. – О бедности еды.
17. Девятый хрен без соли доедает. – *Волг. Ирон.* О бедствующем, голодающем человеке.

18. Ел, ел капусту, а в брюхе всё пусто. – О пустой, малоценной пище, от которой нет сытости.

19. Ельник, березник чем не дрова? Хрен да капуста чем не еда? Добра съедь и редька, коли нет рыбки. – О необходимости довольствоваться малым, если нет лучшего варианта.

20. Жизнь в ярких цветах. – Яркая, насыщенная и удачная жизнь, полная радостных событий.

21. Жить в лесу, богу молиться колесу. – *Сиб. Ирон.* Жить в захолустье, в глухом, отдалённом месте.

22. Земляное яблоко. – Устар. Картофель.

23. Как (что) горох при дороге. – *Народи.* О бедняке, сироте, незащищённом и безродном человеке, которого всякий готов обидеть.

24. Капуста из куста, густа, да невкусна. – О чём-т. обильном, но некачественном.

25. Капуста лучше пуста: хоть в брюхе не порожне. – Лучше хоть что-то есть, чем совсем ничего.

26. Капуста не пуста, сама летит во уста. – О том, что простая пища всегда востребована.

27. Капустой пригоже, а солью укусно. – Капуста вкуснее с приправами.

28. Капусту не густу, щи пожди, а хлеб да каша давно не наша. – О бедности, нехватке еды, трудных временах.

29. Картошка картошку догоняет. – *Волг. Ирон.* О скудной пище бедняка.

30. Картошка (картофка) в мундире. – Картошка в кожуре.

31. Картошка в тулупах. – Картошка в кожуре.

32. Картошка в шинелях. – Картошка в кожуре.

33. Красная роза. – *Одесск.* Сорт картофеля.

34. Кто ест лук, того бог избавит вечных мук. – О пользе лука для здоровья и долголетия.

35. Лук семь недугов лечит. Лук да баня все правят. – Лук полезен для здоровья.
36. Лыка не с чего сплесть. – *Волг. Ирон.* О крайней бедности.
37. Маковой росинки (не пьёт, в рот не возьмёт). – Не пьёт спиртного.
38. Маковой росинки во рту не было. – Ничего не пил, не ел.
39. Метаться на разные цветы. – *Калуж. Неодобр.* Вести разгульную жизнь.
40. На что было жениться, коли рожь не родится. – Если не будет урожая, то и женитьба не принесёт радости.
41. Не воняет и мохом. – *Новг.* Об отсутствии имущества, бедности, нищете.
42. Не жизнь, а малина. – Радостная, счастливая и беззаботная жизнь, материальные блага, успех, веселое времяпровождение.
43. Ни былинки, ни пылинки. – *Волг. Ирон.* О крайней бедности.
44. Одна майская роса лучше овса. – Майская роса – символ весеннего обновления.
45. Перекати-поле – Постоянно меняют места жительства или работы; без семьи и родни, без корней и больших привязанностей.
46. Под своей смоковницей – *Книжи.* О доме, месте, где можно отдохнуть.
47. Подпоясан лыком. – *Волг. Ирон.* О крайне бедном человеке.
48. Поешь горошку, так побегаешь по дорожке (побежишь в дорожку). – О комическом последствии употребления бобовых (о слабительном эффекте).
49. Послышала ворона в зобу, так полетела в лес. – О жизни в условиях нехватки еды, когда любое ощущение голода заставляет человека мгновенно действовать.
50. Редьку есть с господами, а спать идти со свиньями. – О двойственности жизни: внешнее благополучие не означает хороших условий.
51. С избы лык не надерёшь. – Невозможность получить что-л. от избытка.
52. С одной ягоды (т.е. с одних) сыт не будешь. – Одного малого недостаточно.

53. Сосать / пососать (отсосать) хрен. – *Прост.* Абсолютно ничего не получать, оставаться без денег, пищи.
54. Срывать цветы удовольствия. – *Книжн.* Беспечно предаваться радостям жизни.
55. Срывать, рвать розы жизни, блаженства. – Беспечно пользоваться радостями жизни.
56. Тот и хорош, у кого родилась рожь. – Зависимость достатка от урожая и материального благополучия
57. Тощ, как хвощ; живёт тоненько, да помаленьку. – О скромной, небогатой жизни.
58. Трава травой. – О чём-н., не имеющем никакого вкуса.
59. У кого есть рожь, тот и мужик хорош. – Экономическое положение как показатель ценности человека.
60. Хвощ – деревенский овощ. – О скудном питании или о смекалке крестьян в еде.
61. Хлеб всему голова. Ржаной хлеб всему голова. – Без хлеба не проживёшь, он главное всего.
62. Хлеб да капуста лихого не попустят. И капуста, да лучше пуста. – Простая пища помогает выжить.
63. Хрен редьки не слаще, чёрт дьявола не лучше (не легче). – Нет разницы между плохими вариантами, они одинаково плохи.
64. Чем бес не шутит: и редька в торгу! В редьке пять еств: редечка триха, редечка ломтиха, редечка с маслом, редечка с квасом да редечка так. – О неожиданных или странных событиях, о том, что даже простая вещь может быть ценностью.
65. Чеснок да редька, так и на животе крепко. – О том, что простая еда полезна и делает человека сильнее.

66. Ягода (у) не видал сорок два года, а хоть бы и век, так нужды нет. – О том, что без чего-то можно обойтись, и оно не является жизненной необходимостью.

Подгруппа «социальный статус и отношения»: 51 ФЕ и ПЕ

1. Бог и лесу не сравнял. Бог и пальцев на руке не уравнил. – Мир неравен, люди разные, у каждого свои особенности, способности, положение.
2. Большая шишка. – *Разг., ирон.* Важный, значительный человек.
3. Быть при капусте. – Иметь деньги, быть при деньгах.
4. В лесу бог лесу не уравнил, в народстве – людей. – Среди людей нет одинаковых.
5. В чужом месте что в лесу. Чужая сторона дремуч бор. – О непонимании чужих людей.
6. Важная шишка. – *Разг., ирон.* Важный, значительный человек.
7. Варить капусту. – Зарабатывать деньги.
8. Всё едино, что хлеб, что рябина: оба кислы. – Пессимизм, примирение с обстоятельствами, отсутствие выбора.
9. Всё одно, что дерево, что бревно. – Однородность, обесценивание различий.
10. Всякому зерну своя борозда (своя лунка). – Разделение ролей в обществе, уважение к индивидуальности.
11. Грецкие орехи. – *Жарг. мол. Шутл.* Валюта.
12. Даже дуб в одиночестве засыхает, а в лесу живёт века. – Человек сильнее и выносливее в обществе, чем в одиночестве.
13. Держать шишку. – Быть на высоте положения, пользоваться авторитетом, популярностью.
14. Дойти до большой шишки. – Стать важным, влиятельным человеком.
15. И горою в лес, и под горою в лес, и лесом в лес. – О ситуации без выхода или когда всё одинаково.
16. И на дереве лист на лист не приходится. – Индивидуальность, разнообразие человеческих судеб.
17. Из одного дерева икона и лопата. – Всё зависит от того, как использовать ресурсы или человека.
18. Из одного цветка гирлянды не сделаешь. – Одного человека или ресурса

недостаточно для чего-то большого.

19. Из репки не вырезать. – *Волог.* Об очень похожих людях, лицах.
20. Крапивное семя. – О мелких служащих.
21. Лес по дереву не плачет (не тужит). – Беда одного человека не сильно влияет на общество в целом.
22. Лес по дереву не тужит. По сучку дерево не тужит. – Общество не заметит потери одного человека.
23. Лес по топорищу не плачет. Голова по волосам не плачет. – Потеря незначительна для целого.
24. Лес сечь – не жалеть плеч. – Если взялся за дело, будь готов к трудностям.
25. Лимон лимонов. – *Жарг., мол., утл.* Миллиард.
26. Люди рады лету, а пчела цвету. – У каждого существа свои приоритеты и потребности.
27. Не в капусте подобран (найден). – *Прост., экспрес.* Не хуже других в каком-л. отношении; такой же, как все.
28. Не в лесу найденный – *Прост., экспрес.* Кто-л. ничем не хуже другого.
29. Не все сосны в лесу корабельные. – Не бывает всего одинакового в жизни.
30. Не лыком шит. – Не хуже других в каком-л. отношении.
31. Не на том поле трава выросла. Не того поля ягода. – Человек не на своем месте, не в своей среде.
32. Не твоему (Не нашему) носу рябину клевать. – О чужом человеке; о человеке с чуждыми взглядами и интересами.
33. Нет таких трав, чтоб знать чужой нрав. – Нельзя полностью понять человека, его характер остаётся загадкой.
34. Обструганная роза. – *Жарг. шк. Шутл.* Добродушная, симпатичная учительница.
35. Один цветок весны не делает. – О силе единства и слабости одиночества.
36. Одинокое дерево ветер валит. – О силе единства и слабости одиночества.
37. Одного поля ягода (ягоды). – Очень похожи, имеют много общего. Обычно говорится с неодобрением.
38. Одному нравится арбуз, другому – свиной хрящик. – Индивидуальные различия, свобода выбора.

39. Одуванчик полевой. – *Жарг., шк., шутл.* Учитель ботаники.
40. Отава та же трава, да покосу нет. – Внешнее сходство не всегда означает равенство.
41. Рубленая капуста. – *Жарг., угол.* Деньги, добытые преступным путём.
42. С посконной рожей да в красные ряды не суйся! – Человек не должен пытаться занять место, которому не соответствует.
43. Сват, не сват, а в горох не лезь (а денежки не родня)! – Деньги не учитывают родственные связи и требуют уважения.
44. Старший лимон. – *Жарг. Арм.* Солдат второго полугодия первого года службы.
45. Твоего <нашего, вашего> поля ягода. – О человеке, похожем по характеру, привычкам или судьбе.
46. Ходить в лес. – *Сиб.* Заниматься пушным промыслом.
47. Хоть лыком шит, да начальник. – О начальстве и послушании.
48. Цвет пчёлкам, а мёд жёнкам. – Один трудится, а плоды достаются другому.
49. Чужая душа – тёмный лес. Чужая душа – потёмки. – Что-л. совершенно непонятное для кого-л.
50. Чужие люди – дремучий лес. Чужая совесть – могила. – О непонимании чужих людей.
51. Этот ананас не для нас (не для вас). Этот квас не про вас. – Что-то. недоступно или не предназначено для определённого человека.

Подгруппа «социальное поведение»: 159 ФЕ и ПЕ

1. Бамбуковое положение. – *Устар.* Очень неприятное, затруднительное положение.
2. Беда (или: Напраслина) не по лесу ходит, а по людям. – Несчастья случаются именно с людьми, а не с природой.
3. Без счастья и в лес по грибы не ходи! – В любом деле важна удача, а не только усилия.
4. Без труда нет плода. – Без работы не будет урожая.

5. Берёза научит. – Угроза тому, кто не реагирует на высказанные просьбы, требования.
6. Берёза ума даёт. – Розги.
7. Берёзки считать услан. – Сослан в Сибирь.
8. Берёзовая каша. – Розги.
9. Берёзовая лапша. – Розги.
10. Бесплодная смоковница. – 1) О женщине, страдающей бесплодием (грубо, уничижит). 2) О человеке, деятельность которого лишена смысла, не приносит результатов.
11. Бить шишки. – Бездельничать, празднично проводить время.
12. Бобы не грибы: не посеяв, не взойдут. Масло само не родится. – О необходимости труда.
13. В лес не съездим, так и на полатях замёрзнем. – Без действий не будет нужного результата.
14. Весна красна цветами, а осень грибами. – У каждого времени свои радости и плоды.
15. Взял с сердцем, так и ешь с перцем. – О необходимости нести ответственность за свои решения.
16. Влепить в бороду репей. – *Народн.* Расправиться с кем-л. (угроза).
17. Влепить репья. – *Новг.* Наказать кого-л.
18. Вместо ореха да свищ. Вместо калача да кукиш. – Ожидали ценное, а получили ничего.
19. Вор горох: воду оставил, а сам ушёл (т.е. жидок). – Человек, который хитро уходит, оставляя других разбираться с последствиями.
20. Вот тебе раз, другой бабушка даст. А вот дурню на орехи. – О получении выговора, наказания за ошибку.
21. Все шишки валятся. – *Ирон.* О множестве неприятностей, бедствий, обрушившихся на кого-л.
22. Всыпать / давать / задавать перцу. – *Прост.* Ругать, наказывать кого-л.

23. Выехать на бобах. – *Пск.* Выйти из трудного положения благодаря счастливой случайности.
24. Выжимать (последний) сок, (последние, все) соки. – Истошать, лишать сил, мучая, истязая или эксплуатируя кого-л.
25. Выжимать все соки. – О чрезмерной эксплуатации труда, истощении сил.
26. Вытрусить груши. – *Ворон.* Наказать кого-л.
27. Глядя на лес, не вырастешь. Смотри на людей, богат не будешь. – Для успеха нужны действия.
28. Горе-горемыка хуже лапотного лыка. – О горе и беде.
29. Грибов ищут, по лесу рыщут. – Надо потрудиться.
30. Груши (с дерева) околачивать. – бездельничать.
31. Грушу натрясти. – *Пск. Шутл.* Наказать побоями кого-л.
32. Давать / дать в репу. – Ударить кого-л. по лицу.
33. Давать / дать земляники. – *Сиб., Забайк. Устар.* Наказывать плетью крестьян за недобросовестную работу на земле.
34. Дать берёзовой каши. – Выпороть, наказать розгами.
35. Дать по репе. – *Жарг., мол.* Избить кого-л.
36. Дело не малина, в лето не опадёт. Дело не голуби, не разлетятся. – Работа не уйдёт.
37. Дело не медведь, в лес не уйдёт. – Любое дело может подождать.
38. Дерево скоро сажат, да не скоро с него плод едят. – Хорошие результаты требуют времени.
39. Деревья смотри в плодах, а людей смотри в делах. – Истинную ценность человека можно понять по его делам.
40. Дождёшься, как от вербы яблоков. – О чём-то невозможном или бесполезном ожидании.
41. Досталось / достанется на орехи. – *Прост.* О человеке, который был наказан, побит.
42. Драть лыки. – Бездельничать, лентяйничать.

43. Дрова в лес возишь. – *Сиб. Ирон.* Выполнять бесполезную работу.
44. Дышать на кукурузу. – *Одесск.* Стоять на коленях на кукурузе (наказание).
45. Едать берёзовой каши. – Быть наказанным.
46. Ему досталось на орехи. Будет тебе на орехи. – Наказать.
47. Житьё, что гороху при дороге: кто ни пройдёт, тот и скубнет. – О горе и беде.
48. За один раз дерева не срубишь. – Большие дела требуют времени и усилий.
49. За один раз дерева не срубишь. Не отпыхавшись, дерева не срубишь. – О необходимости настойчивости и труда для достижения цели.
50. Задать кому перцу (или: феферу). – Наказать, отругать, сделать выговор.
51. Засыпать / заснуть на лаврах. – *Книжн.* Успокаиваться на достигнутом.
52. Идти / пойти (на травушку-муравушку). – *Жарг., арест.* Совершать побег из заключения (в летнее время).
53. Идти /пойти на траву. – *Жарг., арест.* Совершать побег из заключения (в летнее время).
54. Из лесу в лес возить дрова – *Сиб. Ирон.* О человеке, который тратит время на бесполезную работу.
55. Из лесу в лес медведя водить. – *Обл. Шутл., ирон.* Бездельничать.
56. Из него жмут сок. Я из тебя выжму сок. – О чрезмерной эксплуатации труда.
57. Извести берёзовую рощу на кого-л. – Наказание за проступок.
58. Изрубить в капусту. – Разг. Избить, поколотить кого-л., жестоко расправиться с кем-л.
59. Как в стену горох (не льнет). – О неудаче, ничего не действует на кого-л., не оказывает никакого влияния на кого-л.
60. Как медведь в лесу дуги гнёт. – О грубой, неуклюжей работе, когда что-то делается неаккуратно, силой.

61. Как черти яблоки делят (т. е. дерутся). – О жестокой борьбе, ссоре, драке из-за дележа.
62. Кабы на крапиву не мороз, так бы с нею и ладов не было. – Только внешние силы могут усмирить неприятного или наглого человека.
63. Как об стенку горох – Человеку бесполезно что-то объяснять, убеждать его в чём-л., втолковывать, доказывать ему.
64. Катать бананы. – *Жарг. мол., шутл., ирон.* Бездельничать.
65. Корень ученья горек, да плод его сладок. – О трудности процесса обучения и полезности его результата.
66. Кто в лес да по дрова; кто рубль, кто полтора. – О чьих-л. несогласованных действиях, поступках.
67. Кто в лес, кто по дрова. – О чьих-л. несогласованных действиях, поступках.
68. Курить бамбук. – *Жарг., мол.* 1) Расслабляться, отдыхать. 2) *Неодобр.* Заниматься бесполезным делом или бездельничать.
69. Лавровый венец. – *Книжн.* Символ славы, победы, награды.
70. Люди тонут, и за соломинку хватаются. – О безнадёжной ситуации, когда человек цепляется за любой, даже иллюзорный шанс на спасение.
71. Медведь в лесу, а шкура продана. – О преждевременных планах на что-то, чего ещё нет.
72. Морковку вить. – *Жарг., арест.* Скручивать полотенце для последующего избияния кого-л.
73. На бедного Макара все шишки валятся. – О человеке, на которого обрушиваются разные несчастья.
74. На орех будет (достанется, подаёт). – Предстоит выговор, наказание.
75. На орехи. – Выговор, наказание.
76. На проклятое дерево и козы скачут. – О горе и беде.
77. Накатить / начистить репу. – *Жарг., мол.* Ударить кого-л. по лицу.
78. Набралась овца репьев. – О горе и беде.

79. Надавать шишек. – Побить, поколотить кого-л.
80. Накормить берёзовой кашей. – Наказание за проступок.
81. Намылить лен. – *Забайк.* Устроить нагоняй, взбучку кому-л., побить кого-л.
82. Напали, как на проклятое дерево. – О горе и беде.
83. Нарваться на боба. – *Жарг., мол.* Получить щелчок по лбу.
84. Нашелушить бобов. – *Жарг., мол.* Шутл. дать щелчок по лбу или избить кого-л.
85. Не отрубить дубка, не надсадя пупка. – Трудное дело требует больших усилий.
86. Нюхнуть траву. – *Жарг., нарк.* Покурить гашиша.
87. Окучивать (парить, пинать) бамбук. – *Жарг., мол.* Бездельничать.
88. Облупил, как луковку (или: как яичко, как липку, как лутошку). – Ограбить, обобрать кого-л. полностью.
89. Облупили, как липку. Обобрали, как малинку. – Ограбить, обобрать кого-л. полностью, до нитки.
90. Ободрать как липку. – Ограбить, обобрать кого-л. полностью.
91. Овсяно зёрнышко попало волку в горлышко. – О горе и беде.
92. Ожётся, ровно на крапиве (или: на огне). – О неожиданной неудаче.
93. Он портной: игла дубовая, а нить вязовая (или: аршин дубовый, нитка вязовая). – О человеке, который плохо справляется с делом, использует не те средства.
94. Остаться на бобах. – *Разг.* Обмануть, одурачить, оставить ни с чем кого-л.
95. От ерника балда, от балды шишка, от шишки ком, а чёрт ли в нём? Дай волю осоту, и огурцов на белом свете не станет. – Одна мелочь может привести к большой проблеме, но в итоге она оказывается пустой.
96. Отдавать / отдать пальму. – Отказываться от первенства в чём-л.
97. Охранять кукурузу. – Сидеть без дела.
98. Пальма первенства. – Первое место среди других как результат превосходства в чём-л. над всеми остальными.
99. Печь берёзовые блины. – Бить, хлестать, пороть кого-л.

100. По беду – не по грибы. По беду – не в лес по малину. – О серьёзной, тревожной ситуации, когда не до развлечений.

101. По задворьям (или: У вас, в лесу) дрова рубят, а по деревне (или: к нам, в город) щепка летит. – О том, что чьи-то действия затрагивают других, даже если они непричастны.

102. Погоди, задам я тебе перцу. Зададут тебе перцу к сердцу. – О предстоящем наказании, упрёке или разборке.

103. Поехал было в лес, да попался встречу бес. – О неожиданных неприятностях, которые помешали планам.

104. Поехали с орехами, приедут ни с чем. – О неудачном деле, напрасных ожиданиях.

105. Пожевать железного боба. – Пск. Испытать много горя, лишений.

106. Пожинать лавры. – Книжн. пользоваться плодами достигнутой славы, известности, почёта, успеха.

107. Покрывать кого-, что-л. лаврами. – Доставлять славу, делать прославленным, знаменитым кого-, что-л.

108. Покрываться лаврами. – Оказываться прославленным, делаться знаменитым.

109. Полечить берёзовой лапшой. – *Сиб. Шутл.* Избить кого-л.

110. Получать / получить землянку. – *Сиб., Забайк. Устар.* Получать наказание плетью за недобросовестную работу на земле.

111. Получить на орехи. – *Сиб.* Быть наказанным, избитым.

112. Получить по репе. – *Жарг., мол.* Подвергнуться избиению.

113. Попало зёрнышко под кованый жернов. – О горе и беде.

114. Попробовать крупного гороху. – *Разг., устар.* Быть наказанным.

115. Посадить на боярышный куст. – *Прибайк.* Жестоко расправиться с кем-л.

116. Посыпать (насыпать) перец не хвост. – Сильно досадить кому-н. чем-л.

117. Почивать / почить (покоиться) на лаврах. – Успокаиваться на достигнутом.

118. Пошёл по широкой, где берёзки посажены. – Сослан в Сибирь.

119. Правит, как медведь в лесу дуги гнёт (прибавка: гнёт – не парит, а переломит – не тужит). – О грубой, неуклюжей работе, когда что-то делается неаккуратно, силой.

120. Разделявать (отделявать) под орех. – Одерживать полную победу в споре, драке над кем-л.

121. Расколоть арбуз. – *Жарг., угол.* Разбить кому-л. голову.

122. Русский немцу задал перцу. – Русский одержал победу или проучил немца (намёк на военные победы).

123. С бору (да) с сосенки; с бору по сосенке. – О том, что взяли по чуть-чуть или с миру по нитке.

124. С чёрным в лес не ходи, рыжему пальца в рот не клади, лысому не верь, а с курчавым не вяжись! – О недоверии к людям по внешности, стереотипах или осторожности в общении.

125. Сколачивать шишки. – Бездельничать, праздно проводить время.

126. Сбивать шишки. – Бездельничать, праздно проводить время.

127. Свернуть (скрутить) вязы. – *Волг., Дон.* Сильно избить кого-л.

128. Свинтиться в берёзу. – Быть задержанным, арестованным.

129. Сидеть на траве. – *Жарг., мол.* Курить гашиш.

130. Слепень – горемыка: и с соломинкой летает (т.е. когда мальчишки воткнут). – Беда не приходит одна.

131. Собирать лавры. – Искать славы, почестей, пользоваться плодами успеха.

132. Собирать шишки. – Курить гашиш.

133. Соком выходить. – Доставаться-доставаться ценой больших усилий, лишений, труда.

134. Ставить морковки. – *Жарг., арест.* Избивать кого-л. скрученным полотенцем.

135. Съел фигу, шиш, кукиш, гриб. – Ничего не получил; обманулся в своих расчётах.

136. Съесть гриб. – *Устар., прост., ирон. или шутл.* Потерпеть неудачу, не добиться желаемого.

137. Таскать каштаны из огня. – Выполнять очень трудную или опасную работу, результатами которой пользуется другой.

138. Увенчивать / увенчать лаврами. – Прославлять кого-л., воздавать почести кому-л.

139. Увядают, увяли (чьи-л.) лавры. – Уходит, утрачивается чья-л. известность, слава.

140. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. – О человеке, оказавшемся между двумя силами (конфликтующими сторонами).

141. Узнаешь, чем крапива пахнет. Узнаешь вкус березовой каши. – Человек испытывает трудности или наказание.

142. Узнать, чем крапива пахнет. – *Народн., ирон.* Подвергнуться жестокой расправе, наказанию.

143. Услать берёзки считать. – Сослан в Сибирь.

144. Уступить пальму первенства. – *Книжн.* Быть вынужденным отказаться от первенства вследствие превосходства или преимущества других.

145. Уходить / уйти во мхи. – *Жарг., лаг., арест.* Совершать побег из лагеря.

146. Фигу съел. – *Прост.* Потерпел неудачу в чём-л.

147. Хвататься за соломинку. – Пытаясь спастись или выйти из затруднительного положения.

148. Хватил спелой ягоды виндерюхи, отсыхать в капусте. – О счастье и удаче.

149. Ходит да походя бобы разводит. Что ты ходишь да бобы разводишь? – О бесполезной суете, пустых разговорах без дела.

150. Ходит на походя бобы разводит. – *Народн., неодобр.* О болтуне и бездельнике.

151. Человек не грибок, в день не вырастет (или: не растёт под дождок). – Развитие человека требует труда и времени.

152. Чертополох да осот от соседа к соседу через тын перебираются. – Плохие вещи быстро передаются от одного к другому.

153. Четыре дубинки берёзовые, пятый кнут, по заказу свит. – О жестком наказании, строгих мерах воздействия.

154. Это были одни цветики, теперь пойдут ягодки. – Настоящее (более серьёзное) испытание или последствия ещё впереди.

155. Это были цветочки, теперь пойдут ягодки. – О том, что дальше будет сложнее или хуже.

156. Это ещё только цветы (цветки). – О чём-н. трудном или дурном, за которым надо ждать более трудного, худшего.

157. Это только цветочки, ягодки впереди. – Впереди всё будет намного сложнее или опаснее.

158. Я тебя заставлю рылом хрен копать. – О каре, угрозе.

159. Яблоки гесперид. – *Книжн.* О запретном плоде, о труднодостижимом.

Категория «эмоционально-оценочные характеристики человека»: 102 ФЕ и ПЕ

Подгруппа «положительные эмоции и оценки»: 24 ФЕ и ПЕ

1. Всё в ёлочку. – *Жарг., мол, одобр.* Всё в порядке, всё хорошо (о положении дел).

2. Всякая сосна своему бору шумит. – Каждый человек привязан к своей родине.

3. Где выросла сосна, там она и красна. – Человек лучше всего чувствует себя на родной земле.

4. Голубчик – паровой огурчик: цветёт, цветёт, да и завянет. – О быстротечности любви, о её хрупкости и мимолётности.

5. Далеко сосна стоит, а своему лесу веет (шумит, говорит). – Человек остаётся связанным со своей родиной или семьёй, даже если уехал далеко.

6. Девушка в терему, что яблочко в раю. – О защите и хранении девушки в семье, идеализированном представлении о её положении.

7. Друг неиспытанный – что орех нерасколотый. – Настоящего друга узнаешь только в испытаниях.

8. Едрёна (ядрёна) репа! – 1) *Бран.* Выражение лёгкого недовольства, досады, раздражения. 2) *Одобр.* Восклицание удивления, восхищения, похвалы.

9. Ёлки-палки! – 1) Выражение фамильярного порицания или недовольства. 2) *Шутл.-одобр.* Выражение чувства удовольствия, удовлетворения.

10. Ёлки-моталки. – 1) Выражение фамильярного порицания или недовольства. 2) *Шутл.-одобр.* Выражение чувства удовольствия, удовлетворения.

11. Елова шишка! – Выражение чувства удовольствия, удовлетворения.

12. Ёлочки точёные! – 1) *Бран.-шутл.* Выражение фамильярного порицания или недовольства. 2) *Шутл.-одобр.* Выражение чувства удовольствия, удовлетворения.

13. Красная моя ягодка. Яблочко моё наливчатое. – Ласковое обращение, выражающее любовь и восхищение.

14. Лён не делён. – О близкой, крепкой дружбе.

15. Лён поделён. – О близкой, крепкой дружбе.

16. Любит (Люби), как душу, а трясет (тряси), как грушу. – О двойственном отношении: сильная привязанность, но при этом жёсткость и требовательность.

17. Пальма в Антарктиде. – О том, что вызывает сильное удивление.

18. С кем по грибки, с тем и по ягодки. – О необходимости быть верным товарищем в любых обстоятельствах.

19. Хрен в пятку (в голову). – *Прост.* Выражение удивления, восхищения, восторга или возмущения, негодования.

20. Хрен восемь на семь! – *Прост., шутл.-ирон.* Возглас удивления, восхищения или негодования, возмущения.

21. Хрен с ним. – *Грубо-прост.* Пусть будет так; можно обойтись без кого-л. или без чего-л. Выражение уступки, согласия и т. п.

22. Цвели цветики, да поблекли; любил молодец красну девицу, да покинул. – О прошедших чувствах, разлуке, утраченной любви.

23. Цветок душистых прерий. – Иносказательно: комплимент, адресованный девушке.

24. Ядрёна шишка! – Выражение чувства удовольствия, удовлетворения.

Подгруппа «отрицательные эмоции и оценки»: 78 ФЕ и ПЕ

1. А банан не хочешь? – *Жарг., мол.* Формула отказа кому-л. в чём-л.

2. Апельсин тебе в гланды! – *Жарг., мол.* Бран. Выражение раздражения, негодования.

3. Банан тебе в руку! – *Жарг., мол.* 1) Выражение отказа кому-л. в чём-л. 2) *Бран.* Выражение негодования в чей-л. адрес.

4. Быть на осине. – *Устар.* Пожелание гибели.

5. Быть тебе (ему и т.п.) на осине! – Пожелание гибели кому л.

6. В сосну головой. – Выражение гнева, негодования, нежелания общаться с кем-л.

7. Волосы дубом (дубью) встали. – Об ощущении сильного страха, ужаса, возмущения.

8. Вот так клюква! – Восклицание, выражающее удивление по поводу какой-л. неприятной неожиданности.

9. Всё трын-трава. – *Разг., экспрес.* Всё нипочём, не имеет никакого значения.

10. Встать дубом. – Стоя замереть, застыть от испуга.

11. Выживает меня, как лиху траву с поля (или: из поскотины). – О жёстком и несправедливом вытеснении, изгнании.

12. До груши. – *Жарг., мол.* Абсолютно всё равно, безразлично.
13. Дрожать как осиновый лист. – Испытывать чувство страха (ощущая мелкую дрожь в теле).
14. Дрожать как лист. – Сильно бояться, испытывать чувство страха.
15. Едрёна (ядрёна) репа! – 1) *Бран.* Выражение лёгкого недовольства, досады, раздражения. 2) *Одобр.* Восклицание удивления, восхищения, похвалы.
16. Ёлки зелёные (точёные)! – *Прост., экспрес.* Выражение восхищения или недоумения, досады.
17. Ёлкин мох! – *Шутл.-ирон.* Выражение лёгкого недовольства кем-л., чем-л.
18. Ёлки-палки! – 1) Выражение фамильярного порицания или недовольствия. 2) *Шутл.-одобр.* Выражение чувства удовольствия, удовлетворения.
19. Ёлки-моталки. – 1) Выражение фамильярного порицания или недовольствия. 2) *Шутл.-одобр.* Выражение чувства удовольствия, удовлетворения.
20. Ёлочки точёные! – 1) *Бран.-шутл.* Выражение фамильярного порицания или недовольствия. 2) *Шутл.-одобр.* Выражение чувства удовольствия, удовлетворения.
21. Зардеться как маков цвет. – Сильно покраснеть от смущения, стыда.
22. Зелен виноград. – О зависти.
23. И калина с калачом ему нипочём. – О равнодушии.
24. И без перца дойдёт до сердца. – О сильных переживаниях, которые затрагивают душу и сердце.
25. И в хрен не дуть. – *Волг. Шутл.* Беспечно, безразлично относиться к чему-л.
26. И в хрен не трубить. – *Волг. Шутл.* Беспечно, безразлично относиться к чему-л.
27. И травушка не расти. – Полное безразличие или равнодушие к чему-л.

28. Иди (пошёл) ты на хрен! – *Прост., бран.* Восклицание, выражающее пожелание избавиться, отделаться от кого-л.

29. Иди на тёмный лес! – *Новг.* Восклицание, выражающее раздражение, негодование, требование уйти.

30. К хренам собачьим. – *Прост., презр.* Восклицание, выражающее желание избавиться от кого-л.

31. Как на лес взглянет, так и лес вянет. – *Народн.* О суровом взгляде, внушающем страх, ужас.

32. Как лист перед травой (стать, встать). – Внезапно появившись, замереть в полной неподвижности.

33. Когда на сосне груши будут. – *Шутл.-ирон.* Никогда (выражение отказа кому-л.).

34. Кой (какой) хрен! – *Прост., неодобр.* Выражение сильного неудовлетворения, раздражения.

35. Лавры мильтиада (чужие, чьи-л. лавры) не дают спать (покоя). – *Книжн., ирон.* Чужой успех, чужая слива вызывают у кого-л. чувство острой зависти.

36. Лавры спать (покоя) не дают. – О зависти к чьему-л. успеху.

37. Ладило б тебя на осину. – Проклятие, пожелание наказания или беды.

38. Люди живут, как ал цвет цветут; а наша голова вянет, как трава. – О зависти к чужому благополучию и собственной усталости, бедности.

39. Малина в рот! – *Урал. Бран.* Восклицание, выражающее гнев, негодование.

40. Мне всё трын-трава; всё щавель-дудка. – О равнодушии, безразличии.

41. Морщить репу. – *Жарг., угол., мол., шутл.-ирон.* Хмуриться, проявлять недовольство.

42. На дуба ходить. – *Пск.* Сердиться, злиться на кого-л.

43. На лес тебя угонь! – *Новг. Бран.* Восклицание, выражающее гнев, негодование.

44. На лес! – *Кар.* Резкая форма отказа кому-л. в чём-л.

45. На осину б тебя! Чтоб тебя на осину! – Проклятие, сильное выражение негодования.

46. Ни в лыку не ставить. – *Презр.* Не уважать кого-л., относиться к кому-л. с презрением.

47. Одним лыком шиты. – *Пск.* О похожих, одинаковых людях (обычно – с отрицательной оценкой).

48. Одно проклятое дерево без ветра шумит (осина). – О беспокойном, тревожном человеке, который постоянно чем-то озабочен.

49. Он духу его не терпит. Как чихотная трава. – О сильном отвращении к кому-то или чему-то.

50. Осина и без ветру шумит. Осина всё шепчется, а проклятое дерево. – О человеке, который всё время беспокоится.

51. Осиновый клин в душу. – Недоброе пожелание в чей-л. адрес.

52. Плевать с высокого дерева. – *Волг.* Проявлять полное безразличие к кому-л., к чему-л.

53. По мне, хоть и трава не расти! – О равнодушии, безразличии.

54. Показать (казать) фигу. – *Прост.* Жест, выражающий отказ, нежелание сделать что-л.

55. После меня хоть трава не расти! – О равнодушии, безразличии.

56. После нас хоть волк траву ешь! – О равнодушии, безразличии.

57. Провались лес и горы, мы на кочке проживём. – *Сиб. Шутл.* О человеке, которому всё нипочём.

58. Пуганая ворона и куста боится. – О человеке, который после травмы или неудачи боится всего.

59. С тобой водиться – что в крапиву садиться. – О человеке, общение с которым приносит одни неприятности.

60. Сердце обросло мохом. – Кто-л. стал бездушным, бесчувственным, чёрствым.

61. Срать я хотел с высокой ёлки. – Выражение крайнего презрения, равнодушия, безразличия к кому-л.
62. Считать ниже травы. – *Коми*. Не уважать кого-л.
63. Трын-трава. – Безразлично, бездумно, всё равно.
64. Трясётся, что Каин, что осиновый лист. – О человеке, который сильно боится чего-то.
65. Фига (шиш, кукиш) с маслом. – *Прост*. Выражение категорического отказа, возражения и т.п.
66. Ходить дубом – *Пск*. Быть недовольным чем-л., сердиться.
67. Хоть волк траву ешь. – О равнодушии, безразличии.
68. Хоть репку пой. – Выражение отчаяния, бессилия, невозможности что-л. предпринять, чтобы выйти из затруднительного, тяжёлого или безвыходного положения.
69. Хоть трава не расти. – О совершенно равнодушном, безразличном отношении к чему-н.
70. Хрен в пятку (в голову). – *Прост*. Выражение удивления, восхищения, восторга или возмущения, негодования.
71. Хрен восемь на семь! – *Прост., шутл.-ирон*. Возглас удивления, восхищения или негодования, возмущения.
72. Хрен по деревне. – *Обл. Ирон*. 1) О чём-л. безвредном, безобидном для кого-л. 2) О чём-л. неинтересном для кого-л.
73. Хрена с два! – *Вульг.-прост*. Форма отказа, категорического отрицания.
74. Что твой бархат! Что твоя малина! – Раздражение, недовольство или разочарование.
75. Что червь в орехе, то печаль в сердце. – Печаль медленно разъедает душу.
76. Чтоб тебя на осину! – Проклятие, пожелание гибели.
77. Чтоб тебя повесили на сухой осине! – Пожелание гибели.
78. Это мне всё нипочём. Мне всё это трын-трава. – О равнодушии, безразличии.

**Категория «умственно-нравственные характеристики человека»:
119 ФЕ и ПЕ**

Подгруппа «умственная деятельность»: 65 ФЕ и ПЕ

1. Балда осиновая. – Глупый, бестолковый человек.
2. Башка еловая. – *Прост., пренебр.* Глупый, бестолковый человек.
3. Белены объелся – Обезумел, одурел. Неспособность разумно мыслить.
4. Берёзовый пенёк. – *Прост., пренебр.* Дурак, остолоп, тупица.
5. В голове солома. – О глупом, бестолковом человеке.
6. В лесу дров не найдёт. – *Народн., шутл.-ирон.* О бестолковом, нерасторопном человеке.
7. В лесу дров не нашёл. – О бестолковом, нерасторопном человеке.
8. Вкушать / вкусить от древа познания добра и зла. – *Книжн.* 1) Приобретать знания, постигать смысл разнообразных явлений. 2) Узнавать что-л. Важное и запретное, учиться чему-л., прежде утаивавшемуся.
9. Воров в лесу сторожили, а они из дому выносили. – Уделяя внимание незначительным или ложным угрозам, можно упустить реальные проблемы.
10. Голова (гнилой) мякиной набито. – О глупом человеке, у которого в голове нет ума.
11. Голова деревянная. – Глупый человек, дурак.
12. Голова дубовая. – *Прост., презр.* Крайне глупый человек, дурак.
13. Голова как тыква. – Глупость, пустота в голове.
14. Голова соломой набита. – О недалёких, несмышлёных людях.
15. Горе луковое. – *Шутл.* Незадачливый, несобранный человек; растяпа, недотёпа.
16. Дерево стоеросовое. – Глупый, непонятливый, дурак, болван.
17. Деревянная (еловая, ольховая) голова. – *Разг., презр.* О глупом, несообразительном и невежественном человеке.
18. Дубовая башка. – *Прост., презр.* Крайне глупый человек, дурак.
19. Дубовая голова. – *Прост., презр.* Крайне глупый человек, дурак.

20. За деревьями леса не видеть. – О человеке, который за деталями не видит общей картины.

21. За лесом видит, а под лесом нет (а под носом не видит). – О невнимательности, неспособности замечать важные детали.

22. За семь вёрст киселя есть. За море по еловы шишки. – *Народн., неодобр.* О бестолковом человеке.

23. Заблудиться (запутаться) в двух (трёх) соснах. – О тех, кто путается в самых простых вопросах.

24. Заблудиться в трёх елях. – Не суметь сделать правильный выбор, принять нужное решение.

25. Заронилось зерно, семя. – *Книжн.* Возбудить, вызвать какое-л. чувство; дать основание, повод к чему-л.

26. Заронить зерно, семя. – *Книжн.* Возбудить, вызвать какое-л. чувство; дать основание, повод к чему-л.

27. Знает вкус (толк), как свинья в апельсинах. – О человеке, который не понимает чего-то хорошего.

28. Знать в корень. – Видеть главное в чём-л., вникать в суть дела.

29. И смирен пень, да что в нём? – Неподвижно, безучастно, ничего не понимая.

30. Из-за леса стоячего не видать лесу лежачего. – Человек не замечает самое важное.

31. Из-за лесу дерева не видеть. – За деталями, частотностями не видеть существа дела.

32. Из-за лесу дерева не видит. Ходит, как в лесу (т. е. не опознаётся). – О человеке, который не замечает главного, погружаясь в мелочи.

33. Как свинья в апельсинах. – Совсем не разбирается в чём-л.

34. Как в тёмном лесу (быть, очутиться). – О чьём-л. абсолютном непонимании в чём-л.

35. Кто в лесу? – Не понимая, не разбираясь в данной обстановке.

36. Лезть / полезть на ту же ёлочку. – Слепо подражать кому-л.
37. Лесом шёл, а дров не видал. В Риме был, а папы не видал. – О человеке, который не замечает главного в происходящем.
38. Малиновая голова. – О глупом человеке.
39. Мешок с соломой. – О безвольном, вялом человеке.
40. Мякинная голова. – О пустом, несерьёзном человеке.
41. На мякине не проведёшь. – Не обманешь, не одурачишь.
42. Не видеть в лесу лесу. – *Волг. Ирон.* Плохо разбираться в чём-л., не видеть достоинств чего-л.
43. Не найти в лесу лесу. – *Волг. Ирон.* Сделать очень неудачный выбор.
44. Не свиным рылом лимоны нюхать. – О человеке, который не способен оценить ценное.
45. Опустя лето, в лес по малину. – Не умеет вовремя действовать.
46. Осина без вершины. – *Горьк. Шутл.-ирон.* Неумелый, глуповатый человек.
47. Пень берёзовый. – *Прост., пренебр.* Дурак, остолоп, тупица.
48. По насту за грибами. Настом да по грибы. – Отсутствие логики и здравого смысла.
49. Под лесом видит, а под носом не видит. – О невнимательности, узком взгляде.
50. Попереть в дуб. – Заупрямиться, заартачиться.
51. Пропустив порину, да в лес по малину. – Неумение расставлять приоритеты: упустил более ценное ради незначительного.
52. Раскусить этот, такой и т.п. орех. – Понять, постичь что-л.
53. Растекаться мыслью по дереву. – Отвлекаться от основной мысли, затрагивать разные, побочные, подобно ветвям дерева, темы и т. д.
54. Рухнуть с дуба. – Сойти с ума, начать вести себя подобно сумасшедшему.
55. С дураком говорить, что в стену горох лепить. – Бесплезно говорить с неразумным человеком.

56. С осину (с оглоблю) вырос, а ума не вынес. – О глупом человеке, чей рост не соответствует умственным способностям.

57. Сено-солома. – О нерасторопном, несообразительном человеке (обычно о солдате).

58. Смотреть в корень. – Вникать в самую суть дела, обстоятельств, обращать внимание на самое существенное.

59. Соломенная голова. – Слабоумный человек.

60. Сорваться с дуба. – *Морд. Неодобр.* Потерять выдержку, самообладание.

61. Стал, как пень (или: как надолба, как вкопанный). – О медлительности мышления.

62. Становить в пень. – Приводить в недоумение.

63. Стать в пень. – Остановиться, стать неподвижным.

64. Стоять (сидеть), как пень пнём. – Стоять, сидеть неподвижно, безучастно, ничего не понимая.

65. Умён, да без жировы (состояния), хуже гнилой травы. – Бесплезность интеллекта без практического применения: знания без ресурсов не дают результата.

Подгруппа «речевая деятельность»: 31 ФЕ и ПЕ

1. Бобы (на бобах) разводить. – Заниматься пустыми разговорами, задерживать внимание на пустяках.

2. Будет в поле рожь, будет и в людях ложь. – Намёк на распространённость обмана среди людей.

3. В лесу (в Питере, в Москве, в городе) дрова рубят, а к нам (а по всем городам, деревням) щепки летят (то же). – Обобщённость, передача слухов.

4. В лесу рубят, а в мир щепки летят. – Обобщённость, передача слухов.

5. В огороде бузина, а в Киеве дядька. – Бессмыслица, пример несообразного повествования, рассуждения, выражения, не имеющего резона, логики.

6. Во рту калина, а в носу малина. – Контраст между словами или внешностью человека и его реальными мыслями или состоянием.
7. Всыпать (давать / дать, задавать / задать, показать перцу) перцу. – *Прост., экспрес.* Отчитывать; жестоко бранить, распекать кого-л.
8. Дать на орехи. – Сильно отругать, раскритиковать кого-л.
9. Делить яблоки. – *Одесск.* Ссориться.
10. Ему чёрт лыки дерёт, и он лапти плетёт (т. е. врёт). – Даже в сложной ситуации человек продолжает лгать.
11. Зимой собирать ягоды. – *Жарг., мол.* Лгать, обманывать кого-л.
12. Идти лесом. – *Кар.* Лгать.
13. Канифоль с уксусом. – *Устар., прост., презр.* Пустые разговоры, невразумительная витиеватая речь, ерунда.
14. Косить траву. – *Жарг., мол.* Молчать.
15. Красно поле рожью, а речь ложью (т. е. красным словцом). Когда? – А когда чёрт по лыки в лес ходил. – Слова могут быть красивыми, но неискренними.
16. Лыка не нести. – *Кар.* Говорить заплетающимся языком.
17. Мох с болотом – *Смол.* Чушь, вздор.
18. На пусты лесы звенеть – *Народн., неодобр.* Говорить вздор, ерунду; болтать, пустословить.
19. Наговорить (рассказать) мох и болото. – *Пск.* Шутл. Наговорить много глупостей, небылиц, ерунды кому-л.
20. Не всякому сказывай, что по деньге редька! – Не каждому можно рассказывать правду о цене вещей (или вообще о личных делах).
21. Попасть в (самое) яблочко. – Точно, правильно угадать, сказать и т. п.
22. Развесистая клюква. – Что-л. неправдоподобное, нелепая выдумка, небылица.
23. Разводить / развести бобы. – Заниматься пустыми разговорами, тянуть время.
24. Разделать под орех. – Зло и беспощадно ругать, распекать, критиковать за что-л.

25. Разинуть горлянку. – *Пск. Неодобр.* Нагрубить кому-л., обругать кого-л.
26. Расколоть орех. – Сильно выругать, раскритиковать, одержать над кем-л. верх в споре.
27. С тобой надо говорить, гороху наевшись. – *Прост., ирон.* Обладая огромным терпением, выдержкой (говорить).
28. Сказывать (наговорить) на вербе грушу. – Народная шутливая поговорка, означающая рассказывать небылицы, говорить вздор.
29. Сыпать горохом. – *Прост.* Говорить очень быстро, скороговоркой.
30. Цветы красноречия. – О высокой риторике. красивая, яркая речь и речевые обороты.
31. Шишки летят. – *Шутл.* О драке, перебранке.

Подгруппа «опыт и знания»: 23 ФЕ и ПЕ

1. Без плода сажают, да до плодов доживают. – Долготерпение и результативность труда.
2. В бор не по груши – по еловы шишки. – Всё имеет свою причину.
3. Всякое семя знает своё время. – Всему своё время.
4. Вянет и красный цвет. – О жизненной цикличности.
5. Где цветок, там и медок. – О причинно-следственных связях.
6. Дети – цветы жизни, старики – кактусы смерти. – Всему своё время.
7. Жгуча крапива родится, да во щах уварится. – У всего есть две стороны: хорошая и плохая.
8. Запрещённый плод сладок. – То, что запрещено, особенно привлекательно.
9. И велика, да метлика; и мала, да трава (т. е. съедобная трава). – Не всё ценное определяется размерами.
10. И крапива красива, когда она цветёт. – Красота бывает обманчива.
11. Когда будет рожь, тогда и мера. – Сначала нужно достичь результата, а потом распределять.

12. Красна ягодка, да на вкус горька. – Красота не всегда означает пользу.
13. На красный цветок и пчела летит. – Внешняя красота вызывает внимание и интерес.
14. Не расти траве после осени; не цвести цветам зимой по снегу. – Каждому явлению своё время.
15. Не родит верба груши. – У каждого есть свои природные ограничения.
16. Нет пчёлки без жальца. Нет розы без шипов. – У всего хорошего есть недостатки.
17. Нет розы без шипов. – Идеального не бывает.
18. С малинника лыки не велики, да ягоды сладки, а с калинника лык надерёшь, да ягод в рот не возмёмшь. – Каждый объект имеет свои преимущества и недостатки.
19. Трава лопух – от неё живот распух. – Внешне безобидное может оказаться вредным.
20. Хорош цветок, да остёр шипок. – Красота часто сопряжена с опасностью.
21. Хорош цветок, да скоро вянет. – Всё в жизни временно, ничто не вечно.
22. Хороша слобода, да крапивой поросла. – Внешне привлекательное место может скрывать недостатки.
23. Чем красивее роза, тем длиннее у неё шипы. – Красота может быть обманчива.

Категория «моральные характеристики»: 121 ФЕ и ПЕ

Подгруппа «положительные моральные качества»: 44 ФЕ и ПЕ

1. Бояться волков – быть без грибов. – Достижение цели требует смелости.
2. Брать под (самый) корень. – Полностью, целиком перестраивать на новый лад кого-л.

3. Вбивать / вбить (забивать / забить) осиновый кол в могилу чью, на могиле кого, чьей. – Окончательно обезвреживать кого-, что-л.; покончить с кем-л. или чем-л., избавляться от какого-л. зла.
4. Вбить / вбивать осиновый кол. – Окончательно обезвредить, окончательно избавиться от кого / чего-н.
5. Волка бояться – в лес не ходить. – Смелость, решительность: не бояться трудностей.
6. Вырвать с корнем. – Решительно освободиться от чего-л., устранять что-л.
7. Деревья умирают стоя. – Стойкость, мужество: не сдаваться перед трудностями.
8. Дятел и дуб продавливают. – Капля камень долбит.
9. Ель не сосна: шумит неспроста. – Мудрость, осмысленность поступков: за словами и действиями стоит смысл.
10. Зелен виноград не сладок, а молод человек не крепок. – Развитие и стремление к зрелости: опыт приходит со временем.
11. Как волка ни корми, он всё в лес глядит. – Свобода и независимость: не изменять своей сущности.
12. Как ни гнети дерево, оно всё вверх растёт. – Упорство и стремление к лучшему – несмотря на препятствия: человек должен расти и развиваться.
13. Коль не разгрызёшь ореха, так и ядра не съешь. – Без труда невозможно достичь желаемого.
14. Курица по зёрнышку клюёт, да сыта живёт. – Трудолюбие и терпение: важность небольших, но постоянных шагов к цели.
15. Мягче пареной репы. – О добром, податливом, незлобивом человеке.
16. На грушу лезть – или грушу рвать, или платье драть. – Решительность и готовность к риску: нужно осознавать возможные последствия своих действий.
17. Назвался грибом (груздем) – полезай в кузов! – Нужно отдавать отчёт своим словам и не болтать попусту.

18. Не первый снег на голову. Соколу лес не в диво. – Жизненная мудрость и закалённость: опыт делает человека сильнее.

19. Не разгрызёшь ореха, так не съешь и ядра. – Трудолюбие и настойчивость: без усилий не бывает результата.

20. Не спеши к капусте, как припустят. – Благоразумие и терпение: всему своё время.

21. Не срубишь дуба, не отдув губы. – Выносливость и настойчивость: без труда не добьёшься успеха.

22. Не суйся к капусте, как припустят. – Осторожность и дальновидность: не стоит торопиться с решениями.

23. Незрел виноград – невкусен, а молод человек – неискусен. – Осознание необходимости опыта: человек становится искусным со временем.

24. Плохое дерево не срубить, а выкорчевать. – Решительность и основательность: важность полного решения проблем, а не временных мер.

25. Подрубать / подрубить под корень что. – Подрывать самое основание чего-л.; окончательно подрывать, губить, уничтожить, наносить непоправимый вред чему-л.

26. Прямое дерево ветра не боится. – Честность и принципиальность: прямолинейный человек не поддаётся страху и давлению.

27. Скрипит дерево, да стоит. Скрипучее дерево живуче. – О выносливости и способности пережить трудности.

28. Скрипучее дерево скрипит, да стоит, а здоровое летит да лежит. Дуплистое дерево скрипит, да стоит, а крепкое валится. – Стойкость и упорство, гибкость перед трудностями.

29. Сердцем и соломинки не переломишь. – Духовная сила и воля, стойкость перед трудностями.

30. Смола к дубу не пристанет. – Честного, порядочного человека нельзя опорочить.

31. Соколу лес не в диво, волку зима за обычай. – Жизненная мудрость и стойкость.
32. Соколу лес не в диво. Был в лесе, а стал здесь – Гибкость и умение быстро адаптироваться: способность жить в любых условиях.
33. Стар гриб (дуб), да корень свеж. – Жизненная энергия и устойчивость: внутренние силы важнее возраста.
34. Стар пестрец (рыба, или: Стар селезень), да уха сладка. – Мудрость и опыт: старость может быть полезной и ценной.
35. Старая крапива сильнее жжёт. – Сила характера и стойкость: возраст не делает человека слабее.
36. Старое дерево трещит, молодое летит. – Выносливость и стойкость: старость даёт способность сопротивляться.
37. Старый дуб не скоро сломится. – Пожилые люди являются более терпеливыми и выносливыми.
38. Тише воды, ниже травы. Ниже травы, тише воды. – Тихий, спокойный, скромный, робкий, незаметный.
39. Травы не одерёт. – *Волог.* О тихом, скромном человеке.
40. Хоть в лес, хоть по дрова. – *Коми. Одобр.* О бойком, решительном человеке.
41. Хоть дерево гнило, да благо нам мило. – Ценят не только внешнее, но и внутреннее содержание.
42. Чем (Что) дальше в лес, тем (то) больше дров. – Чем сложнее задача, тем больше усилий необходимо для её решения.
43. Щёлкать как орехи. – Быстро, легко справляться с какой-л. задачей, с каким-л. делом.
44. Щёлкать как семечки. – *Прост.* Легко справляться с каким-л. делом, без особых затруднений решать какую-л. проблему, задачу.

Подгруппа «отрицательные моральные качества»: 77 ФЕ и ПЕ

1. В брюхе солома, а шапка с заломом. – Человек беден или пуст внутри (без знаний, умений), но делает вид, что важный.
2. В лесу настёганный. – *Сиб. Неодобр.* О нелюдимом, угрюмом человеке.
3. В лесу родился, пню молился. – *Прост., печор., пренебр.* О глупом, несообразительном человеке.
4. Велик дуб, да дуплист, а мал дуб, да здоров. – Большой, но пустой внутри: символ кажущейся силы без содержания.
5. Вставать / встать в дубы. – *Пск.* 1) Задираться, провоцировать драку. 2) Упрямитесь, не соглашаться с кем-л.
6. Вставать / встать на дубышки. – *Пск.* 1) Задираться, провоцировать драку. 2) Упрямитесь, не соглашаться с кем-л.
7. Высок репей, да чёрт ему рад. – О бесполезной вещи или человеке, который кажется значительным, но не приносит пользы.
8. Где сорняк цветёт, там хлеб вянет. – Плохое вытесняет хорошее, вредное мешает полезному.
9. Гнуть осины. – *Жарг., мол.* 1) Вести себя высокомерно, вызывающе. 2) Намеренно привлекать к себе внимание.
10. Дама с камелиями. – *Эвфем., ирон.* Женщина лёгкого поведения.
11. Ерник и в корне кривулина. – Человека с упрямым, хитрым или двуличным характером.
12. Жжётся, как крапива, а колется, как ёж. – Резкость и грубость: неприятный, конфликтный характер.
13. Жил в лесу, пенькам (чертям) богу молился. – *Волг. Неодобр.* О невежественном, грубом человеке.
14. Заверотить шишку. – *Прибайк. Неодобр.* Загордиться, начать важничать.
15. Злое семя крапивы: не сварись из него пива. – Из плохого человека ничего хорошего не выйдет.
16. Как банный лист. – Приставать к кому-л. с просьбами, надоедать, докучать кому-л.

17. Как горькая редька. – Злобность, резкость.
18. Как, будто, словно, точно, банный лист (пристать, привязаться). – Назойливость и навязчивость: не чувствует границ в общении.
19. Крепкий орешек. – О человеке, отличающемся твёрдым или скрытным характером и не поддающемся влиянию других.
20. Крепкий, твёрдый орех. – О трудной, неразрешимой задаче, труднодоступной цели; о несговорчивом человеке.
21. Крепкий, твёрдый орешек. – О трудной, неразрешимой задаче, труднодоступной цели; о несговорчивом человеке.
22. Крепок орешек, да зелен. – *Разг., устар.* О ком-л., о чём-л., имеющем обманчиво привлекательный вид, но в действительности – плохом, некачественном.
23. Лес по лесу, что рубль по рублю, не плачет. – Безразличие и расточительность – не ценит малое, пока есть большое.
24. Лесина неотёсанная – *Прост., бран., пренебр.* О грубом, некультурном человеке.
25. Лимон выжали, а корку бросили (или: выкинули). – Жестокость и неблагодарность: эксплуатировать других и забывать их заслуги.
26. Липнет как смола (от кедра). – *Неодобр.* Кто-л. очень навязчив, назойлив.
27. Лопух лопухом. – *Прост., пренебр.* О недалёком, ничего не знающем, не понимающем человеке.
28. Лыками сшит. – *Разг., ирон.* Неотёсанный, необразованный, серый человек.
29. Лыком сшит, оборчиком подпоясан. – *Народн.* Неотёсанный, необразованный, серый человек.
30. Любой сорняк – посеvu враг. – Вредные люди или вещи мешают развитию хорошего.
31. На горошине – принцесса. – Изнеженность, капризность: жалобы на несущественные проблемы.

32. На обухе рожь молотит (прибавка: зерна не уронит). – Глупость и упрямство.

33. На обухе рожь молотит, из мякины кружево плетёт. – О бережливом, экономном хозяине.

34. Надоела нам эта песня. Надоел, как горькая редька. – Навязчивость.

35. Нащипаться блатной травки. – *Жарг., мол., неодобр.* Заняться, начать важничать, вести себя высокомерно.

36. Не смейся (или: Не хвались), горох: не лучше бобов (прибавка: сам под ногами будешь). – Высокомерие и презрение к другим.

37. Не смейся, горох, над нами (над бобами): будешь и ты под ногами. – Надменность и насмешливость: человек считает себя выше других.

38. Не смейся, горох, не лучше бобов: размокнешь, и сам лопнешь. – Гордыня и излишняя уверенность в себе: не замечает своих слабостей.

39. Не смейся, горох, не лучше бобов; размокнешь, надуешься – лопнешь. – Завышенное самомнение: человек раздувает свою значимость.

40. Не хвались, горох, не лучше бобов. – Гордыня и высокомерие.

41. Не чванься (чваниться), горох, перед бобами, будешь сам под ногами. – Хвастовство и самонадеянность.

42. Общипаться травки-борзянки. – *Жарг., мол., неодобр.* Начать вести себя вызывающе, нагло.

43. Прикрываться / прикрыться фиговым листком. – Лицемерно прикрывать подлинные намерения, маскировать свои неблагоприятные поступки.

44. Принцесса на горошине. – *Неодобр.* Капризный, изнеженный, избалованный человек.

45. Пристал как репейник. – Кто-то вёл себя навязчиво, надоедливо.

46. Пришла из лесу птичница в лисьей шубке цыплят посчитать. – Лицемерие и хитрость: делает вид, что действует в чужих интересах, но на самом деле преследует свою выгоду.

47. Прятаться / спрятаться (уходить / уйти) в кусты. – *Разг., ирон.* Стремиться уклониться от ответственности, от участия в чём-л.

48. Пугало гороховое. – О человеке пустом, несерьёзном, никчёмном, служащем всеобщим посмешищем, чудаке.

49. Разыгрывать, строить шута горохового. – Кривляться, дурачиться, паясничать.

50. Ржаная (ячная, гречная) каша сама себя хвалит. – Начальный смысл этого был прямой: что хорошо, того нечего хвалить; ныне пословица эта говор. к самохвальству.

51. С дерева сняли. – *Прост., пренебр.* О грубом, некультурном и необразованном человеке.

52. Свинья под дубом. – Глупые и думающие лишь о своём благе и сегодняшнем дне люди разрушают своими недальновидными действиями своё же завтра.

53. Сегодня на один куст сядет, завтра на другой. – *Пск. Неодобр.* О непостоянном, ненадёжном человеке.

54. Сердце с перцем, душа с чесноком. – Жёсткость и раздражительность: не умеет проявлять мягкость и сочувствие.

55. Служил семь лет, выслужил семь реп (прибавка: да и тех нет). – Неблагодарность окружающих: тяжёлый труд не оценён.

56. Служил три лета, выслужил три репы, а красной ни одной. – Несправедливость: не ценят труд и преданность.

57. Смотреть в кусты. – *Разг., ирон.* Стремиться уклониться от ответственности, от участия в чём-л.

58. Соломенная душа. – О трусливом, малодушном человеке.

59. Сорняк – полей враг. – Вредные вещи или люди мешают развитию хорошего.

60. Сорняки в поле оставили – урожай убавили. – Вредные вещи или люди мешают развитию хорошего.

61. Тепличный цветок. – *Разг., шутл., ирон.* О слабом, изнеженном человеке.
62. Торчит меж людей, как пугало в горохе. – О человеке, который выглядит неуместно или нелепо в окружении.
63. Ты стал на пень, а он на корягу. – Глупость и бессмысленное соперничество: борьба не привела ни к чему.
64. Фиговый листок (лист). – О том, что прикрывает, маскирует что-л. бесстыдное, нечестное, позорное.
65. Хоть осинovým колом (в ушах) ковыряй. – *Народн., неодобр. или шутл.-ирон.* Об упрямом, строптивом, несговорчивом человеке.
66. Хоть репу сади (сей). – *Волг. Пренебр.* О неопрятном, неряшливом человеке.
67. Хрен собачий. – *Прост., бран.* О подлом, не порядочном человеке.
68. Худое дерево в сук растёт. – Из плохого исходного материала или человека вряд ли получится что-то хорошее.
69. Худое дерево растёт в сук да в болону, а худой человек в волос (в брюхо) да в бороду. – О бесполезности и пустоте человека.
70. Хуже горькой редьки. – *Разг., презр.* Что-л. или кто-л. невыносимы, нетерпимы.
71. Хуже лапотного лыка. – *Народн., презр.* О совершенно плохом, не пригодном.
72. Чёрный тюльпан. – *Жарг., мол., пренебр.* Крайне глупый, несообразительный человек.
73. Чучело гороховое. – О человеке пустом, несерьёзном, никчёмном, служащем всеобщим посмешищем, чудаке.
74. Шилом горох хлебает, да и то отряхивает. – *Народн., неодобр.* О скупом человеке.
75. Шишка на ровном месте. – Незначительный, посредственный, недалёкий человек, возомнивший себя важным, непомерно высоко оценивающий свои возможности, достоинства и т. п.

76. Шут гороховый. – О человеке пустом, несерьёзном, никчёмном, служащем всеобщим посмешищем, чудаке.

77. Ягода из-под овечьего хвоста. – *Пск. Бран.* О непорядочном человеке.

**ПРИЛОЖЕНИЕ Б. КИТАЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ПАРЕМИИ С
РАСТИТЕЛЬНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ, ОТРАЖАЮЩИЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ**

1022 ФЕ и ПЕ

Категория «физические характеристики человека»: 103 ФЕ и ПЕ

Подгруппа «внешний облик»: 40 ФЕ и ПЕ

1. 矮冬瓜 (букв. «как низкая зимняя тыква») – о человеке маленького роста.
2. 闭月羞花 (букв. «затмить луну и посрамить цветы») – о феноменальной привлекательности.
3. 出水芙蓉 (букв. «появившийся из воды цветок лотоса») – об удивительной красоте.
4. 初发芙蓉 (букв. «свежий цветущий лотос») – о красивой девушке.
5. 吹气如兰 (букв. «выдох красавицы благоухает, как орхидея») – о прелести женщины.
6. 方桃譬李 (букв. «сравнивать деревья персика и сливы») – о двух лицах, которые красивы каждое по-своему.
7. 芙蓉出水 (букв. «цветок лотоса появился из воды») – об удивительной красоте.
8. 花林粉阵 (букв. «цветочный лес и пудровая битва») – о большой группе красивых женщин.
9. 花容月貌 (букв. «лицо прекрасное, как цветок, и светлое, как луна») – о чрезвычайно красивой внешности.
10. 花枝招展 (букв. «цветочные ветви развеваются») – о женщине, одетой очень ярко и вызывающе.
11. 梨花带雨 (букв. «грушевый цветок под дождём») – о женской красоте, часто в контексте красоты с грустью или слезами.

12. 立起来像冬瓜，横起来像葫芦 (букв. «стоит как зимняя тыква, лежит как тыква-горлянка») – человека с необычной или непропорциональной фигурой.
13. 莲花之面 (букв. «лицо, как лотосовый цветок») – о красивой внешности женщины.
14. 柳夭桃艳 (букв. «нежные ветви ивы и яркие цветы персика») – о женской красоте.
15. 柳腰莲脸 (букв. «тонкая талия, как ива, нежное лицо, как лотос») – о красавице.
16. 柳叶弯眉 (букв. «брови изогнуты, как листья ивы») – о красивом лице.
17. 面如桃花 (букв. «лицо прекрасное, как цветы персика») – о красоте лица.
18. 秋水芙蓉 (букв. «лотос на фоне осенней воды») – о чистой красоте.
19. 人面桃花 (букв. «лицо прекрасное, как цветы персика») – о красоте лица.
20. 柔枝嫩叶 (букв. «нежные ветви и листья») – о молодой, привлекательной девушке.
21. 如花似玉 (букв. «прекрасный, как цветок и яшма») – о красивой и нежной внешности.
22. 三寸丁谷树皮 (букв. «три дюйма деревянной коры») – о человеке очень маленького роста и непривлекательной внешности.
23. 色艳桃李 (букв. «красивый как цветы персика и сливы») – о яркой и привлекательной внешности.
24. 石榴裙底 (букв. «гранатовая юбка») – о красивой женщине.
25. 首如飞蓬 (букв. «голова, как летящий мелколепестник») – о неопрятной, растрёпанной причёске.
26. 蒜头鼻 (букв. «нос, похожий на головку чеснока») – небольшой и слегка приплюснутый нос.
27. 桃腮柳眼 (букв. «щёки как цветы персика, тонкие глаза, как листья ивы») – прекрасное лицо, красивая наружность.

28. 桃腮杏眼 (букв. «щёки как цветы персика, глаза как косточки абрикоса») – о прекрасном лице женщины.
29. 桃羞杏让 (букв. «цветы персика и абрикоса чувствуют стыд и вынуждены отступить») – женщина красивее цветка.
30. 歪瓜裂枣 (букв. «кривой арбуз, треснувший финик») – о непривлекательной, уродливой внешности.
31. 杏脸桃腮 (букв. «лицо как цветы абрикоса, щёки как цветы персика») – о прекрасном лице женщины.
32. 杏腮柳眼 (букв. «щёки как цветы абрикоса, глаза как листья ивы») – о прекрасном лице женщины.
33. 艳若桃李 (букв. «красивый как цветы персика и сливы») – о яркой и привлекательной внешности.
34. 樱唇欲动 (букв. «красные губы, как вишня, едва заметно шевелятся») – о красавице.
35. 玉貌花容 (букв. «лицо как яшма, облик как цветок») – о красивой внешности.
36. 玉软花柔 (букв. «девушка нежна и хрупка, как цветок и яшма») – о мягкой и привлекательной внешности женщины.
37. 远山芙蓉 (букв. «брови как горы вдали, лицо как цветы лотоса») – о наружности красавицы.
38. 云鬓花颜 (букв. «волосы как облака, лицо как цветок») – о красавице.
39. 云轻柳弱 (букв. «волосы легки, как облака, талия нежная, как ива») – о женщине с лёгкими волосами и изящной фигурой.
40. 掷果潘安 (букв. «забрасывать фруктами Пань Ань») – о красивом мужчине.

Подгруппа «физическое состояние»: 54 ФЕ и ПЕ

1. 艾发衰容 (букв. «седые волосы и стареющее лицо») – о старости.
2. 拔山撼树 (букв. «сдвигать горы и трясти деревья») – об огромной силе или мощи.
3. 菜蔬之色 (букв. «цвет лица как цвет овощей») – нездоровое состояние человека из-за голода.
4. 椿萱并茂 (букв. «дерево седрела и лилейник рыжий растут пышно») – здоровое состояние обоих родителей.
5. 豆蔻年华 (букв. «возраст юной девушки как время кардамона») – возраст девочки около 13–14 лет.
6. 风冷杏坛 (букв. «ветер обдувает в абрикосовом алтаре») – о смерти педагога-воспитателя.
7. 风烛草露 (букв. «свеча на ветру, роса на траве») – о человеке, который сильно состарился и приближается к смерти.
8. 龟鹤松柏 (букв. «черепаха и журавль, сосна и кипарис») – символ долголетия.
9. 桂殒兰凋 (букв. «османтус умер, орхидея засохла») – о смерти женщины.
10. 含苞待放 (букв. «бутоны, готовые раскрыться») – о юной девушке, стоящей на пороге взросления.
11. 含苞欲放 (букв. «бутоны, готовые раскрыться») – о юной девушке, стоящей на пороге взросления.
12. 花季少女 (букв. «цветочная девушка») – девушка в возрасте от 15 до 18 лет.
13. 花信年华 (букв. «время цветка») – юность девушки в возрасте около 24 лет.
14. 花样年华 (букв. «цветочная молодость») – в пике жизни, в расцвете сил.

15. 黄梅不落青梅落 (букв. «жёлтые сливы не падают, а зелёные падают») – скорбь по поводу преждевременной смерти молодых людей.

16. 椒焚桂折 (букв. «жгут перец, ломают османтус») – жестокое преследование добродетельных и талантливых людей.

17. 今年花似去年好, 去年人到今年老 (букв. «цветы этого года похожи на прошлогодние, а люди стареют с каждым годом») – о неизбежности старения.

18. 菊老荷枯 (букв. «хризантемы стареют, лотосы увядают») – о старении женщины.

19. 枯木逢春 (букв. «для засохшего дерева настала весна») – о человеке, который вернётся к жизни.

20. 枯木朽株 (букв. «сухое дерево и гнилое растение») – старый человек.

21. 兰摧玉折 (букв. «стебель орхидеи сломан, и нефрит разбит») – о безвременной смерти таланта.

22. 柳弱花娇 (букв. «ива слаба, цветок нежен») – о женщине, которая кажется хрупкой и нежной, не способной выдержать трудности.

23. 柳折花残 (букв. «ива сломана, цветы опали») – о смерти или травме женщины.

24. 面如槁木 (букв. «лицо как сухое дерево») – о худом человеке.

25. 面有菜色 (букв. «лицо цвета овощей») – нездоровое состояние человека из-за голода.

26. 名花易殒 (букв. «известный цветок легко увядает») – выдающиеся женщины часто умирают рано.

27. 莫道桑榆晚, 为霞尚满天 (букв. «не говорите, что солнце выходит над тутовниками и вязами, когда небо ещё полно вечерней зари») – даже в старости человек может достичь многого.

28. 木坏山颓 (букв. «дерево ломается, гора рушится») – о гибели человека с высоким авторитетом.

29. 男到三十一枝花，女到三十老人家 (букв. «мужчина в 30 лет как цветок, а женщина в 30 как старушка») – женщины сталкиваются с возрастной дискриминацией.

30. 男人三十一枝花 (букв. «мужчина в 30 лет, как расцветающий цветок») – о лучшем периоде в жизни мужчины.

31. 年迫桑榆 (букв. «старый как тутовник и вяз») – старость, преклонный возраст.

32. 破瓜之年 (букв. «год, когда раскрыт арбуз») – о возрасте девушки, которая достигает 16 лет.

33. 蒲柳之质 (букв. «фигура тростника и ивы») – о женщине с физически слабым или хрупким телосложением, склонном к раннему старению.

34. 蒲柳之姿 (букв. «фигура тростника и ивы») – о женщине с физически слабым или хрупким телосложением, склонном к раннему старению.

35. 人比黄花瘦 (букв. «худее чем жёлтый цветок») – о человеке, который выглядит истощённым.

36. 人生一世，草生一秋 (букв. «жизнь человека как трава осенью») – о краткости человеческой жизни.

37. 日薄桑榆 (букв. «солнце над тутовниками и вязами») – о человеке в старости.

38. 桑榆暮景 (букв. «вечерний пейзаж с тутовником и вязом») – о старости.

39. 山颓木坏 (букв. «горы рушатся, деревья ломаются») – о смерти великого человека.

40. 山中常有千年树，世上并无百岁人 (букв. «в горах часто встречаются тысячелетние деревья, но в мире нет столетних людей») – о быстротечности человеческой жизни.

41. 生桑之梦 (букв. «сон о растущем тутовнике») – приближение смерти.

42. 树老见根，人老见筋 (букв. «у старых деревьев видны корни, у старых людей – сухожилия») – преклонный возраст.

43. 树老焦梢叶儿稀，人老猫腰把头低 (букв. «у старых деревьев сухие ветви и мало листьев, у стариков согнутая спина и опущенная голова») – о старости.

44. 树老怕风摇 (букв. «старое дерево боится ветра») – пожилые люди плохо переносят стресс и трудности.

45. 树老生虫，人老无用 (букв. «старое дерево поражается вредителями, старый человек становится бесполезен – преклонный возраст).

46. 树老易空，人老易松 (букв. «старое дерево склонно к образованию пустот, старый человек склонен к потере энергии») – о неизбежности старения.

47. 松乔之寿 (букв. «жить долго, как сосна») – о долголетьи.

48. 泰山梁木 (букв. «гора Тайшань рушится, балки ломаются») – о смерти великого человека.

49. 桃花薄命 (букв. «у персиковых цветов короткая жизнь») – судьба красивых женщин часто трагична, и их жизнь коротка.

50. 行将就木 (букв. «почти войти в дерево») – о человеке, который стоит одной ногой в гробу, на пороге смерти.

51. 形如槁木 (букв. «выглядеть подобно сухому дереву») – о худом человеке.

52. 叶瘦花残 (букв. «листья худеют, цветы увядают») – о старении женщины.

53. 月坠花折 (букв. «луна упала, цветы завяли») – о смерти красивой женщины.

54. 竹清松瘦 (букв. «бамбук чист и сосна худа») – о человеке стройного и изящного вида, обладающим внутренним блеском.

Подгруппа «походка и манеры»: 9 ФЕ и ПЕ

1. 步步莲花 (букв. «на каждом шагу возрастает лотос») – о лёгкой походке женщины.
2. 步步生莲 (букв. «на каждом шагу возрастает лотос») – о лёгкой походке женщины.
3. 芳兰竟体 (букв. «душистый аромат орхидеи по всему телу») – элегантные, изысканные манеры человека.
4. 分花约柳 (букв. «делить цветы, завязывать ивы») – об изящной походке женщины.
5. 林下风范 (букв. «манеры, достойные уединённого леса») – о женщине с элегантными манерами и грациозным поведением.
6. 林下风气 (букв. «манеры, достойные уединённого леса») – о женщине с элегантными манерами и грациозным поведением.
7. 三寸金莲 (букв. «золотой лотос в три цуня») – о бинтованных ножках женщины.
8. 松形鹤骨 (букв. «форма сосны, кости журавля») – о лёгкости и изяществе в поведении.
9. 松姿柳态 (букв. «поза сосны, манера ивы») – о расслабленности и уверенности походки.

Категория «социальные характеристики человека»: 383 ФЕ и ПЕ

Подгруппа «семейные отношения»: 86 ФЕ и ПЕ

1. 爱着家花恋野花 (букв. «любить домашний цветок, скучать по дикому») – об измене мужчины, который имеет постоянного партнёра, но влечётся к другому.
2. 并蒂芙蓉 (букв. «два цветка лотоса на одном стебле») – о нежных супругах.
3. 并蒂莲 (букв. «два цветка лотоса на одном стебле») – о нежных супругах.

4. 不栽桃李种蔷薇 (букв. «не выращивать персиковые и сливовые деревья, а заниматься только колючими розами») – отказ от обучения студентов, но вместо этого воспитание непокорных людей.

5. 地生连理枝, 水出并头莲 (букв. «на земле растут сросшиеся ветви, из воды вырастают лотосы, растущие вместе») – о влюбленных парах, тесно связанных любовью.

6. 洞房花烛 (букв. «свечи с цветами в брачной комнате») – благополучие и счастье на свадьбе.

7. 豆萁相煎 (букв. «бобы и их стебель жарятся друг на друге») – разрушительные отношения или враждебность между братьями.

8. 非其地, 树之不生; 非其意, 教之不成 (букв. «дерево не растёт на неподходящей почве, а обучение неэффективно, если учащийся не заинтересован») – о необходимости учитывать индивидуальные интересы учеников.

9. 夫妇是树, 儿女是花 (букв. «супруги – это дерево, дети – цветы») – наличие детей делает семью более счастливой и полноценной.

10. 夫妻本是同林鸟, 大难临头各自飞 (букв. «супруги как птицы в одном лесу, но в большой беде каждый улетает в свою сторону») – в трудные времена супруги могут разойтись.

11. 夫妻本是同林鸟, 大限来时各自飞 (букв. «супруги как птицы в одном лесу, а когда наступает конец, каждый улетает по-своему») – в случае крайней опасности могут супруги оказаться разделёнными.

12. 夫妻是一棵蔓上的瓜 (букв. «супруги как плоды на одной плети») – общности судьбы мужа и жены.

13. 芙蓉并蒂 (букв. «два цветка лотоса на одном стебле») – о нежных супругах.

14. 瓜瓞绵绵 (букв. «на одной плети завязываются множество разных по размеру плодов») – множественное потомство.

15. 瓜长在秧上 (букв. «арбуз растёт на плетях») – о глубокой связи и привязанности между матерью и ребёнком.

16. 桂子兰孙 (букв. «потомки как османтус и орхидея») – прекрасное потомство.

17. 寒冬腊月倒开花 (букв. «дерево даёт цветок в холодную зиму») – о поздней любви или новых романтических отношениях в старости.

18. 好花不好折 (букв. «хорошие цветы трудно сорвать») – хорошую девушку трудно завоевать.

19. 好花不结子 (букв. «красивые цветы не дают плодов») – о женщинах красивой внешности, которые не могут иметь детей.

20. 好花插在牛屎上 (букв. «прекрасный цветок в коровьем навозе») – о красивой женщине, вышедшей замуж за непривлекательного мужчину.

21. 好花须是并头开 (букв. «прекрасные цветы должны цвести рядом») – феодальные представления о браке, согласно которым две хорошие девушки должны выйти замуж за одного мужчину

22. 好郎没好妻，癞痢配花枝 (букв. «красивый мужчина без красивой жены, у лысого жена как цветы») – о несоответствии в браках по внешности.

23. 红杏出墙 (букв. «красный абрикос вырос за стеной») – о женской неверности.

24. 胡荽不结瓜，菽根不产麻 (букв. «кориандр не даёт тыквы, бобы не производят коноплю») – дети наследуют черты своих родителей.

25. 花残月缺 (букв. «цветы увядают, луна не полная») – разрыв в отношениях между супругами.

26. 黄花闺女 (букв. «девушка, как жёлтые цветы») – о незамужней девушке.

27. 家菜不甜野菜甜 (букв. «домашние овощи не сладкие, дикие – сладкие») – о ситуации, когда мужчина считает, что его жена уступает другой женщине.

28. 葭莩之亲 (букв. «родственное отношение как тонкая оболочка на внутренней стороне тростника») – о дальнем родстве.

29. 碱地不出苗儿 (букв. «на щелочной почве не растут ростки») – о женщинах, которые не могут иметь детей.

30. 教儿须用打黄荆，不打黄荆定不成 (букв. «для воспитания ребёнка необходимо использовать терновник как розги, без них воспитание не удастся») – бывшее представление о том, что без применения телесных наказаний невозможно воспитать ребёнка.

31. 金花配银花，西葫芦配南瓜 (букв. «золотой цветок с серебряным, кабачок с тыквой») – брак должен быть между равными по социальному статусу.

32. 酒肉兄弟，柴米夫妻 (букв. «братья по пиву и пиву, супруги по дровам и рису») – о супружеских отношениях, характеризующихся повседневным совместным бытом.

33. 开花不结果 (букв. «цветёт, но не приносит плодов») – о женщинах, которые после замужества не могут иметь детей.

34. 枯树再生枝 (букв. «сухое дерево снова отрастает ветви») – о пожилых людях, которые становятся родителями.

35. 赖汉子娶花枝儿 (букв. «неприятный мужчина женится на красивой женщине как цветке») – о ситуации, когда мужчина с плохими качествами женится на красивой женщине.

36. 兰桂齐芳 (букв. «орхидея и османтус одновременно раскрываются») – дети и внуки одновременно обретают славу и богатство.

37. 兰薰桂馥 (букв. «аромат орхидеи и османтуса») – о благородных и достойных потомках, которые приносят славу семье.

38. 兰因絮果 (букв. «прекрасное начало как орхидея, а результат как летящий пух ивы») – о краткосрочных, красивых отношениях, заканчивающихся разлукой.

39. 连理分枝 (букв. «разделение сросшихся ветвей») – разделение или развод супругов.

40. 连枝带叶 (букв. «связанные ветви и листья») – гармония, взаимосвязь между братьями и сёстрами.

41. 连枝同气 (букв. «на одной ветви, из одного дыхания») – о тесной связи между родственниками.

42. 莲藕同根 (букв. «у лотоса и корневище лотоса один и тот же корень») – о неразрывной связи между людьми, разделяющими общее происхождение.

43. 名花有主 (букв. «известный цветок уже имеет хозяин») – у девушки уже есть парень.

44. 贫贱糟糠 (букв. «винный отстой и рисовая мякина, используемые бедняками для утоления голода») – о жене, испытавшей с мужем невзгоды и беду.

45. 千朵桃花一树生 (букв. «тысяча цветков персика растёт на одном дереве») – о крепких семейных узах между братьями и сёстрами.

46. 千枝连根，十指连心 (букв. «тысяча ветвей дерева соединена с корнем, кончики десяти пальцев связаны с сердцем») – о глубокой связи и неразрывной зависимости между родственниками.

47. 强扭的瓜不甜 (букв. «силой скрученная дыня не сладкая») – насильно добиться хорошего результата нельзя.

48. 人留后代草留根 (букв. «люди оставляют потомство, трава – корни») – о важности продолжения рода.

49. 如花美眷 (букв. «жена как цветущие цветы») – о прекрасных брачных узах.

50. 桑条从小拗，大来拗不直 (букв. «если не исправить изгибы молодого саженца тутовника, то исправить его во взрослом состоянии будет невозможно») – о важности своевременного воспитания.

51. 什么种子出什么苗 (букв. «каково семя, таков и росток») – дети похожи на своих родителей.

52. 树不打杈要歪, 人不教育要栽 (букв. «неправильно выращенное дерево растёт кривым, а невоспитанный человек склонен к заблуждениям») – о решающем значении образования и воспитания в формировании личности.

53. 树大分杈, 人大分家 (букв. «как дерево велико и ветвится, так и взрослые дети должны уйти из дома») – дети, достигнув взрослости, должны уйти от родителей и начать самостоятельную жизнь.

54. 树大分杈, 女大离家 (букв. «как дерево велико и ветвится, так и взрослая девушка уходит из дома») – дочь, став взрослой, должна выйти замуж.

55. 树大生杈枝, 人大生意思 (букв. «как большое дерево даёт ветви, так и взрослый человек приобретает свои идеи») – взрослые дети начинают иметь собственные мнения и планы на жизнь.

56. 树大自然直 (букв. «как взрослое дерево естественно растёт прямо») – взрослый человек естественным образом учится делать правильные выборы.

57. 树倒鸟飞, 夫死再嫁 (букв. «когда дерево падает, птицы улетают; когда муж умирает, жена выходит замуж снова») – о поиске нового мужа после потери супруга.

58. 树苗好栽成材难 (букв. «легко посадить саженец, но сложно вырастить из него ценное дерево») – развитие человеческого потенциала требует длительных усилий и заботы.

59. 树木不修剪, 只能当柴砍 (букв. «деревья, которые не обрезают, пригодны только на дрова») – о важности воспитания для формирования полезных качеств.

60. 树无枝, 半树死 (букв. «дерево без ветвей наполовину мертво») – без жены мужчина будет чувствовать себя неполноценным.

61. 树要根生，儿要亲生 (букв. «дерево должно расти из корня, ребёнок должен быть своим») – о важности продолжения своего рода.

62. 松萝共倚 (букв. «сосна и вьющееся растение, опирающееся друг на друга») – о взаимозависимых и гармоничных отношениях между супругами.

63. 桃花运 (букв. «судьба персикового цветка») – половой разврат.

64. 桃色陷阱 (букв. «ловушка персикового цветка») – соблазн женской красоты.

65. 桃色新闻 (букв. «новости персикового цветка») – скандалы о незаконной любви.

66. 桃夭新妇 (букв. «новобрачная как цветы персика») – молодая и привлекательная новобрачная.

67. 铁树不开花 (букв. «железное дерево не цветёт») – о женщине, которая не может рожать детей.

68. 无根无蒂 (букв. «без корня и без черенка») – отсутствие связи с другими родственниками.

69. 西葫芦配南瓜 (букв. «кабачок с тыквой») – о двух людях, которые хорошо подходят друг другу.

70. 先花后果 (букв. «сначала цветы, потом плоды») – сначала рождается дочь, а затем сын.

71. 小花不结，老花儿结子 (букв. «молодые цветы не плодоносят, старые – плодоносят») – о ситуации, когда молодые женщины не имеют детей, в то время как более старшие женщины могут их иметь.

72. 谢兰燕桂 (букв. «похвала орхидеи и омантуса») – о потомках, которые приносят славу семье и прославляют род.

73. 一朵鲜花插在牛粪上 (букв. «свежий цветок в коровьем навозе») – о красивой женщине, вышедшей замуж за непривлекательного мужчину.

74. 一篙到底 (букв. «грести одним бамбуковым стержнем до конца») – о браке, в котором супруги остаются вместе до конца жизни.

75. 一号藤子结一号瓜 (букв. «с одной плети растёт такой же плод») – качества и поведение детей отражают семейные особенности.

76. 一竹竿到底 (букв. «грести одним бамбуковым стержнем до конца») – о браке, в котором супруги остаются вместе до конца жизни.

77. 月残花缺 (букв. «луна убывает, цветы вянут») – распад семейных отношений.

78. 栽葫芦傍墙, 养女儿似娘 (букв. «выращивать тыкву-горлянку у стены, воспитывать дочь как мать») – дочь растёт под влиянием матери.

79. 糟糠之妻 (букв. «жена как винный отстой и рисовая мякина») – о жене, испытавшей с мужем невзгоды и беду.

80. 糟糠之妻不下堂 (букв. «не покинь жену как бросить винный отстой и рисовую мякину») – не бросай жену, разделившую с тобой тяготы жизни.

81. 枝布叶分 (букв. «ветви распределяются, листья разветвляются») – процветание потомков.

82. 枝繁叶茂 (букв. «ветви густые, листья пышные») – множество потомков в семье.

83. 枝叶相持 (букв. «ветви и листья поддерживают друг друга») – о взаимопомощи и поддержке между потомками в семье.

84. 竹苞松茂 (букв. «как бамбук и сосна процветают») – процветание семьи или рода, основанное на стабильности и долговечности.

85. 竹门对竹门, 木门对木门 (букв. «бамбуковые двери напротив бамбуковых, деревянные напротив деревянных») – о принципе равенства в браке.

86. 煮豆燃萁 (букв. «поджигать бобовый стебель для варения бобов») – вражда между братьями, взаимное уничтожение.

Подгруппа «жизненные условия»: 87 ФЕ и ПЕ

1. 半年糠菜半年粮, 不吃糠菜饿断肠 (букв. «полгода едим дикие травы, полгода – злаки, не будет трав – умрём от голода») – жить в крайней бедности, питаясь подножным кормом.
2. 敝巷荒草出俏才 (букв. «из заброшенных аллей и зарослей травы выходят красивые таланты») – бедность и лишения не мешают появлению талантливых и красивых людей.
3. 不看家中宝, 单看门前草 (букв. «не смотрят на сокровища в доме, а смотрят на траву перед дверью») – оценить финансовое состояние человека по внешности или дому.
4. 不厌糟糠 (букв. «не презирать винный отстой и рисовую мякину») – бедственное положение.
5. 不栽梧桐树, 招不了凤凰来 (букв. «без посадки дерева утун феникс не прилетит») – о необходимости создать условия для привлечения талантов.
6. 布帛菽粟 (букв. «ткань, шёлк, бобы, просо») – предметы первой необходимости.
7. 布裙荆钗 (букв. «платье из грубой ткани, шпилька из терновника») – о скромной одежде женщин, о бедности жизни.
8. 布衣蔬食 (букв. «одежда из ткани, пища из овощей») – о скромной, бедной жизни.
9. 餐风宿草 (букв. «питаться ветром, ночевать в траве») – жизнь в самых тяжёлых и суровых условиях.
10. 餐松啖柏 (букв. «питаться соснами и кипарисами») – аскетическая жизнь, жизнь отшельника или даоса.
11. 草窠里捡到一颗夜明珠 (букв. «в гнезде травы найдена светящаяся ночью жемчужина») – о ценности человека вне зависимости от происхождения.
12. 草莽出英雄 (букв. «герои возникают из травы») – выдающиеся личности часто происходят из простого народа.

13. 草行露宿 (букв. «идти по траве и спать под открытым небом») – жизнь в самых тяжёлых и суровых условиях.

14. 草衣木食 (букв. «плетение из травы для одежды и питание плодами деревьев») – о жизни в лишениях и бедности.

15. 柴米油盐 (букв. «дрова, рис, масло, соль») – предметы первой необходимости.

16. 柴无一根，米无一粒 (букв. «нет ни одного куса дров, ни одной крупы риса») – в крайней нищете.

17. 沉李浮瓜 (букв. «сливы, утопленные в воде, и арбузы, плавающие на поверхности воды») – спокойная летняя жизнь, наполненная отдыхом и охлаждением.

18. 吃糠咽菜 (букв. «есть отруби и глотать овощи») – в бедности и нужде.

19. 吃苦瓜蘸黄连 (букв. «есть горькую дыньку, обмакивая в корень китайской фисташки») – о трудной жизни, где человек сталкивается с постоянными трудностями и страданиями.

20. 愁米愁盐 (букв. «беспокоиться о рисе и соли») – тяжёлая жизнь.

21. 啜菽饮水 (букв. «есть бобы, пить воду») – скромное питание.

22. 爨桂炊玉 (букв. «дрова такие же редкие, как османтус, еда такая же дорогая, как яшма») – о дороговизне жизни.

23. 村无大树，蓬蒿为林 (букв. «если в деревне нет больших деревьев, то тростник считается лесом») – когда в окружении нет выдающихся людей, то даже немного способных людей становятся замечаемыми.

24. 当家才知柴米价，养子方晓父母恩 (букв. «только став главой семьи, узнаешь цену дров и риса; только став родителем, понимаешь любовь родителей»).

25. 等米下锅 (букв. «ждать рис для варки») – нет никакой пищи для еды.

26. 断梗浮萍 (букв. «следы человека подобны сломанным стеблям и плывущей ряске») – неустойчивость, изменчивость жизненных условий.

27. 饭糗茹草 (букв. «есть высушенный варёный рис и жевать траву») – скудное питание, бедственное положение.

28. 飞蓬遇飘风而行千里，乘风之势也 (букв. «мелколепестник летит за ветром на тысячу километров, пользуясь его силой») – благоприятные обстоятельства помогают добиться успеха.

29. 粪堆上长出灵芝草 (букв. «на куче навоза вырос гриб линчжи») – даже из плохих условий могут появиться выдающиеся таланты.

30. 凤凰落在草棵里 (букв. «феникс падает в кусты травы») – даже выдающиеся люди могут оказаться в бедной и отсталой среде.

31. 贯朽粟陈 (букв. «перегнившая верёвка с деньгами и испорченные зёрна в амбарах») – образ чрезмерной роскоши и излишеств.

32. 贯朽粟红 (букв. «верёвка с деньгами порвалась, испорченные зёрна краснели») – образ чрезмерной роскоши и излишеств.

33. 果蓏失地则不荣，鱼龙失水则不神 (букв. «фрукты и овощи без земли не могут расти, рыбы и драконы без воды теряют силу») – человек нуждается в своей среде для роста и развития.

34. 过青菜豆腐日子 (букв. «жить, питаясь только капустой и тофу») – о бедной и скромной жизни.

35. 好树结好桃，好葫芦开好瓢 (букв. «хорошее дерево приносит хорошие плоды персика, из хорошей тыквы-горлянки получается хороший черпак») – о необходимости создать условия для привлечения хороших людей.

36. 何世无奇才，遗之在草泽 (букв. «в какую бы эпоху ни было талантливых людей, они остаются в травах и болотах») – ограниченность социальных условий и отсутствие возможностей для развития талантов.

37. 花好月圆 (букв. «цветы прекрасны и луна полна») – счастливая жизнь молодожёнов.

38. 花天酒地 (букв. «цветы на небесах, вино на земле») – роскошь жизни и беспорядочные удовольствия.

39. 黄连炒辣椒 (букв. «жарить корень китайской фисташки с острым перцем») – о горькой тяжёлой жизни.

40. 黄连树下长大 (букв. «вырастать под деревом китайской фисташки») – жизнь в бедности и лишениях с детства.

41. 祸缘林木，殃及鱼池 (букв. «беда возникает в лесу, но страдают и рыбы в пруду») – бедствие в одном месте может затронуть и тех, кто рядом.

42. 鸡犬桑麻 (букв. «везде курицы и собаки, повсюду растут тутовники и конопля») – благополучная и спокойная деревенская жизнь.

43. 寄迹山林 (букв. «оставлять след в горах и лесах») – полностью отказаться от мирской жизни, уйти в отшельничество.

44. 家有梧桐招凤凰，家有光棍招光棍 (букв. «в доме есть павловния – она привлечёт феникса; в доме есть холостяк – он привлечёт другого холостяка») – окружение, среда и уровень жизни определяют, каких людей мы притягиваем.

45. 近水楼台先得月，向阳花木易为春 (букв. «беседка у воды первой увидит луну, деревья на солнце быстрее расцветут») – тот, кто ближе к ресурсу или власти, получает преимущества.

46. 荆钗布裙 (букв. «шпилька из терновника, платье из грубой ткани») – о скромной одежде женщин, о бедности жизни.

47. 酒池肉林 (букв. «бассейн с вином и лес из мяса») – расточительный образ жизни.

48. 开门七件事——柴米油盐酱醋茶 (букв. «семь необходимых вещей в быту: дрова, рис, масло, соль, соус, уксус, чай») – предметы первой необходимости жизни.

49. 糠箩里跳到米箩里 (букв. «перепрыгнуть из корзины с отрубями в корзину с рисом») – переход из бедности в богатство.

50. 糠一顿菜一顿 (букв. «отруби на один приём пищи, овощи на другой») – о бедности жизни.
51. 浪迹萍踪 (букв. «следы человека подобны волнам или плывущей ряске») – приходить и уходить бесследно; символ бродяжничества.
52. 励志冰檠 (букв. «пить ледяную воду, есть горький лист амурского бархата») – о борьбе с тяжёлыми условиями жизни.
53. 粒米束薪 (букв. «одна крупица риса, один сноп дров») – нищета и нехватка ресурсов.
54. 林栖谷隐 (букв. «обитание в лесах и укрытие в долинах») – жизнь отшельника, уединение вдали от цивилизации.
55. 柳门竹巷 (букв. «ворота из ивы и переулки из бамбука») – уединённая и скромная жизнь в природе.
56. 箩里没有一粒粮，锅边无有半把草 (букв. «в корзине нет ни одной крупинки зерна, возле котла нет даже полпучка травы») – о крайней нищете.
57. 麦饭豆羹 (букв. «пшеничный рис и бобовый суп») – бедное питание.
58. 茅椽蓬牖 (букв. «крыша из соломы и окна из тростника») – жизнь в бедности.
59. 茅茨土阶 (букв. «соломенная крыша и глиняные ступени крыльца») – о бедной хижине, скромном жилище.
60. 茅室蓬户 (букв. «хижина из соломы и дверь из тростника») – бедное и простое жилище.
61. 没有梧桐树，招不来金凤凰 (букв. «без дерева утун не прилетит золотой феникс») – без благоприятных условий трудно привлечь талантливых людей.
62. 米烂成仓 (букв. «рис сгнил в амбарах») – чрезмерное богатство.
63. 米珠薪桂 (букв. «рис дороже яшмы, дрова дороже османтуса») – необычайная дороговизна жизни.

64. 苜蓿盘空 (букв. «трава люцерна, пустой сосуд») – о бедности и скромности жизни мелких чиновников или учителей частных школ.
65. 苜蓿生涯 (букв. «жизнь люцерны») – о бедности и скромности жизни мелких чиновников или учителей частных школ.
66. 蓬户瓮牖 (букв. «дверь из тростника и окно из горшка») – бедное и простое жилище.
67. 蓬门荜户 (букв. «дверь из тростника и изгородь из колючек») – скромное жилище.
68. 飘蓬断梗 (букв. «трепещущий мелколепестник и сломанные стебли») – кочевой образ жизни, бродяжничество.
69. 漂零蓬断 (букв. «сломанный мелколепестник») – кочевой образ жизни, бродяжничество.
70. 萍踪浪迹 (букв. «следы человека подобны плывущей ряске или волнам») – приходит и уходит бесследно. Символ бродяжничества.
71. 桑户蓬枢 (букв. «дверь из ветвей тутовника, ось из тростника») – о бедной жизни с простыми, скромными условиями.
72. 十米九糠 (букв. «десять крупинок риса, девять из которых – это отруби») – крайняя бедность.
73. 食玉炊桂 (букв. «еда такая же дорогая, как яшма, дрова такие же редкие, как османтус») – о дороговизне жизни.
74. 树挪死, 人挪活 (букв. «дерево погибает, если его пересадить, а человек оживает, если меняет место») – человеку полезно менять среду, работу, окружение, чтобы добиться лучшего.
75. 数米而炊 (букв. «считать рис перед варкой») – бедное существование и нехватка продовольствия.

76. 松柏之下，其土不肥 (букв. «под соснами и кипарисами земля не плодородна») – даже в неблагоприятных условиях люди также могут добиться успеха и раскрыть свои таланты.

77. 田月桑时 (букв. «луна над полями, посадка тутовников») – страда, тяжёлый сезон работы на полях.

78. 投林倦鸟 (букв. «усталая от полёта птица возвращается в лес») – переход к уединённой жизни.

79. 五谷丰登 (букв. «обильный урожай всех пяти злаков») – материальная обеспеченность.

80. 屑榆为粥 (букв. «перемалывать коры вяза на кашу») – крайнее бедствие.

81. 薪桂米珠 (букв. «дрова дороже османтуса, рис дороже яшмы») – необычайная дороговизна жизни.

82. 咬菜根 (букв. «грызть корни диких овощей») – о тяжёлом существовании и нехватке пищи.

83. 一头萝卜一头蒜 (букв. «одна редька, один чеснок») – о простой, скромной жизни.

84. 饮冰茹檠 (букв. «пить ледяную воду, есть горький лист амурского бархата») – о тяжёлой, безрадостной жизни.

85. 玉粒桂薪 (букв. «рис дороже яшмы, дрова дороже османтуса») – необычайная дороговизна жизни.

86. 斋居蔬食 (букв. «жить в уединении, питаясь овощами») – о жизни в аскетичных условиях.

87. 竹篱茅舍 (букв. «бамбуковый забор и хижина под соломенной крышей») – о простых условиях жизни в деревне.

Подгруппа «социальный статус и отношения»: 134 ФЕ и ПЕ

1. 挨着大树不长苗 (букв. «рядом с большим деревом не растёт молодое растение») – находясь под давлением сильных, слабые не могут развиваться.
2. 百样米养百样人 (букв. «сотня видов риса кормит сотню разных людей») – о разнообразии людей даже в одинаковых условиях.
3. 败柳残花 (букв. «засохшая ива и завядший цветок») – о секс-работнице или легкомысленной и падшей женщине.
4. 兵随将领草随风 (букв. «солдаты следуют за командиром, трава следует за ветром») – ведомые следуют за лидерами.
5. 采动荷花牵动藕 (букв. «когда собираешь цветы лотоса, за ними тянется и корневище лотоса») – тесные взаимосвязи между людьми.
6. 残花败柳 (букв. «завядший цветок и засохшая ива») – о секс-работнице или легкомысленной и падшей женщине.
7. 沧海一粟 (букв. «одно зёрнышко в бескрайнем море») – крайне ничтожный человек в сравнении с кем-то огромным.
8. 草芥之微 (букв. «настолько маленький, как травинка») – незначительный или ничтожный человек, не имеющий ценности.
9. 草莽寒门 (букв. «нищая трава и скромная дверь») – простое семейство, лишённое статуса или положения в обществе.
10. 草木愚夫 (букв. «человек, подобный травам и деревьям») – уничижительное обозначение крестьянина.
11. 草木之人 (букв. «человек, подобный траве и деревьям») – уничижительное обращение к крестьянину.
12. 草木知威 (букв. «даже травы и деревья знают его славное имя») – о высоком престиже и репутации.
13. 草头天子 (букв. «сын Неба в траве») – глава преступной банды, лидер, который управляет группой разбойников.

14. 吃瓜莫吃蒂，做官莫作卑 (букв. «не ешь стебель арбуза, не занимай низкую должность») – о ролях, которые унижают себя или не соответствуют своему статусу.

15. 出谷迁乔 (букв. «выход из глубокой долины ручья и подъём к высокому дереву») – повышение статуса.

16. 垂名竹帛 (букв. «имя навсегда остаётся в бамбуке и шёлке») – заслуги вечно остались в истории.

17. 春风桃李 (букв. «деревья персика и сливы цветут под весенним ветром») – об учениках, получающих воспитание от известного учителя.

18. 大树底下好乘凉 (букв. «под большим деревом приятно укрыться в тени») – в присутствии влиятельного человека легко найти поддержку и комфорт.

19. 大树将颠，非一绳所维 (букв. «большое дерево склонно падать, не одной верёвкой удержать») – о необходимости коллективных усилий для решения больших проблем.

20. 大树之下，草不沾霜 (букв. «под большим деревом трава не покрывается инеем») – под защитой сильных людей, слабые не подвергаются внешним угрозам.

21. 单丝不成线，独木不成林 (букв. «одна нить не делает нитку, одно дерево не создаёт лес») – невозможно добиться значительных результатов в одиночку.

22. 道旁苦李 (букв. «дикие горькие сливы на обочине дороги») – бесполезные люди, отвергнутые и игнорируемые обществом.

23. 稻多打出米来，人多讲出理来 (букв. «из множества поливного риса получают много риса, множество людей высказывают много мнений») – коллективные усилия приносят большие результаты.

24. 独木不成林 (букв. «одно дерево не создаёт лес») – нельзя достичь большого в одиночку.

25. 独木难支 (букв. «одно дерево трудно поддерживать») – трудно выстоять в одиночку.

26. 蠹虫食木，木尽则虫死 (букв. «древесина съедена древесным червём, и когда дерево погибает, червь также умирает») – о тех, кто злоупотребляет чужим положением или ресурсами, теряют всё, когда этот источник исчезает.

27. 飞到高枝上 (букв. «прилететь на высокую ветвь») – приближение к людям с высоким статусом.

28. 飞鸟各投林 (букв. «птицы летят в свои леса») – каждый человек выбирает для себя свой путь.

29. 浮花浪蕊 (букв. «плавающие цветы и распускающиеся лепестки») – о секс-работнице или легкомысленной и падшей женщине.

30. 高树靡阴，独木不林 (букв. «высокое дерево не создаёт тень, одно дерево не создаёт лес») – один человек не может достичь большего.

31. 膏粱子弟 (букв. «дети, питающиеся мясом и сорго») – золотая молодёжь, дети из зажиточных семей, воспитываемые в роскоши.

32. 根深不怕风摇动 (букв. «корни глубокие, не боятся ветра») – человек с твёрдой основой и хорошей позицией не подвержен влиянию внешних трудностей.

33. 跟着大树得乘凉，跟着太阳得沾光 (букв. «кто идёт за большим деревом – тот в тени, кто идёт за солнцем – тот получает свет») – человек, следуя за влиятельными и успешными людьми, получает их поддержку и выгоду.

34. 公门桃李 (букв. «деревья персика и сливы у ворот правительства») – об учениках, которые выросли в официальной сфере.

35. 瓜葛相连 (букв. «тыквы и плети переплетаются между собой») – тесные отношения между людьми.

36. 官败如花谢 (букв. «когда чиновник теряет свою должность, это как увядание цветка») – потеря власти или статуса приводит к социальной изоляции и утрате уважения.

37. 撼树蚍蜉 (букв. «муравей пытается потрясти дерево») – слабый человек пытается воздействовать на кого-то более сильного или мощного.

38. 好花要有绿叶扶, 好汉要有众人帮 (букв. «красивый цветок оттеняется зелёными листьями, сильный человек нуждается в помощи других») – о важности поддержки и сотрудничества.

39. 花须叶衬, 佛要金装 (букв. «цветы нуждаются в листьях в качестве фона, а Будда нуждается в золотом украшении») – о значении поддержки для достижения целей.

40. 花有千种颜色, 人有万般脾气 (букв. «цветы имеют тысячу оттенков, люди имеют тысячи настроений») – о многообразии человеческих характеров.

41. 黄冠草服 (букв. «одежда из грубой травы и жёлтая корона») – низкий статус простого народа.

42. 蒹葭倚玉 (букв. «тростник опирается на нефрит») – человек с низким положением зависим от более высоко позиционированного лица.

43. 金枝玉叶 (букв. «золотая ветвь, нефритовые листья») – молодые люди из богатых, привилегированных семей.

44. 君子之德风, 小人之德草, 草上风必偃 (букв. «добродетель благородного человека как ветер, добродетель простого человека как трава; ветер всегда склоняет траву») – поведение высших слоёв общества влияет на моральный климат общества.

45. 砍一枝, 损百株 (букв. «отрубить одну ветвь, повредить сто деревьев») – одно неудачное действие может повлиять на многих людей.

46. 靠着大河有水吃, 靠着大树有柴烧 (букв. «возле большой реки можно пить воду, рядом с большим деревом можно найти дрова») – опора на сильных людей всегда приносит выгоду.

47. 兰友瓜戚 (букв. «друзья как орхидеи, родственники как арбузы») – близкие друзья и родственники, чьи связи между собой прочны и неразрывны.

48. 廊庙之材，非一木之枝 (букв. «материал для храмов и дворцов, не одна ветвь дерева») – о необходимости коллектива для выполнения больших дел.

49. 梨园弟子 (букв. «ученики Грушевого сада») – оперные актёры и артисты.

50. 恋酒迷花 (букв. «пристрастие к выпивке, пребывание с цветами») – проводить время с секс-работницей.

51. 两颗苦瓜一根藤 (букв. «две горькие дыньки на одной плети») – сочувствие друг другу.

52. 流水落花春去也 (букв. «вода течёт, цветы падают, весна уходит») – упадок силы или окончание процветания.

53. 路柳墙花 (букв. «ива на дороге, цветы у стены») – о секс-работнице.

54. 萝卜卖个鸭梨的价儿 (букв. «редька продаётся по цене груши») – о ситуации, когда люди без значимости внезапно получают высокую ценность или статус.

55. 萝卜青菜，各有所爱 (букв. «кто-то любит редьку, кто-то любит капусту») – о разнообразии вкусов и предпочтений у людей.

56. 蚂蚁缘槐 (букв. «муравей ползёт по дереву акации») – человек, который имеет незначительное значение, но ошибочно полагает себя важным.

57. 满城桃李 (букв. «весь город засажен персиками и сливами») – о плодовитости учителя: его ученики повсюду.

58. 没有近枝，没有远蔓 (букв. «нет ближних ветвей, нет дальних лоз») – равенство среди всех людей, отсутствие различий по отношению или связи.

59. 美人香草 (букв. «прекрасный человек и благоуханные травы») – государь и совершенные люди.

60. 门墙桃李 (букв. «деревья персика и сливы, которые растут около двери и стены») – большое количество учеников, которых воспитывает известный учитель.

61. 米粒是米粒，糠皮是糠皮 (букв. «рис есть рис, шелуха есть шелуха») – без никаких связей.
62. 眠花宿柳 (букв. «спать среди цветов, ночевать в ивах») – проводить ночи с секс-работницей.
63. 牡丹花儿虽好，还要绿叶儿扶持 (букв. «хоть и пион красив, ему нужна поддержка зелёных листьев») – о важности поддержки и взаимопомощи.
64. 鸟入林，鸡入窝 (букв. «птица возвращается в лес, курица возвращается в гнездо») – каждый человек находит своё место в зависимости от своего положения и социальной роли.
65. 牛吃青草鸡吃谷，各人自有各人的福 (букв. «коровы едят траву, куры едят зерно, у каждого своё счастье») – у каждого своя доля и своё предназначение.
66. 藕断丝连 (букв. «корневище лотоса оторвано, но нити всё ещё связаны») – отношения настолько тесные, что, несмотря на внешнее разрыв, внутренние связи остаются неразрывными.
67. 爬高枝 (букв. «карабкаться на высокую ветвь») – цепляться за людей с властью или большим статусом.
68. 盘根错节 (букв. «спутанные, переплетающиеся корни деревьев») – запутанные, сложные взаимосвязи или проблемы.
69. 蚍蜉撼大树 (букв. «муравей пытается потрясти большое дерево») – попытка незначительного человека оказать влияние на кого-то более сильного и значительного.
70. 迁于乔木 (букв. «птицы перелетают из глубоких долин на высокие деревья») – статус человека стал высоким.
71. 牵着葛条，草也有些动弹 (букв. «держат плеть, даже трава шевелится») – о ситуации, когда один человек влияет на других, даже если они кажутся не связанными.
72. 墙花路草 (букв. «цветы у стены, трава на дороге») – о секс-работнице.

73. 琼枝玉树 (букв. «янтарные ветви, нефритовые деревья») – люди из знатных семей.

74. 琼枝玉叶 (букв. «янтарные ветви, нефритовые листья») – молодые люди из богатых, привилегированных семей.

75. 惹草拈花 (букв. «дёргать траву и манить цветок») – заводить любовные шашни, заигрывать с женщиной.

76. 人分三六九等, 木分花梨紫檀 (букв. «люди делятся на классы, деревья делятся на виды, как ормозию и сандал») – о различиях между людьми.

77. 人心自不同, 花有别样红 (букв. «люди имеют разные сердца, цветы имеют разные оттенки красного») – о разнообразии человечества.

78. 三槐九棘 (букв. «три софоры и девять кустов терновника») – символ высших рангов имперской иерархии.

79. 山有百草, 人有百性 (букв. «в горах растёт сто трав, у человека сто типов характера») – об индивидуальности людей.

80. 食尽鸟投林 (букв. «когда еда заканчивается, птицы возвращаются в лес») – когда сила или влияние исчезают, те, кто зависели от этого, расходятся.

81. 树碑立传 (букв. «воздвигать памятники и составлять биографии») – прославлять кого-л.

82. 树不成林怕大风 (букв. «дерево, не ставшее частью леса, боится сильного ветра») – об уязвимости одиночек перед общими вызовами.

83. 树大根深 (букв. «большие деревья с глубокими корнями») – великая сила и высокая репутация.

84. 树大有枯枝 (букв. «большое дерево имеет сухие ветви») – в большом сообществе найдутся слабые стороны или несовершенства.

85. 树大招风 (букв. «большое дерево привлекает ветер») – богатство или власть могут привлечь зависть и создать проблемы.

86. 树大招风，钱多惹事 (букв. «большое дерево привлекает ветер, много денег приносит неприятности») – богатство или власть могут привлечь зависть и создать проблемы.

87. 树大招风，权大生谤 (букв. «большое дерево привлекает ветер, высокий статус вызывает слухи») – люди с большим влиянием или высоким статусом вызывает зависть.

88. 树倒猢猻散 (букв. «когда дерево падает, обезьяны разбегаются») – когда влиятельный человек теряет свою власть, его последователи покидают его и ищут новое место.

89. 树多不怕风狂 (букв. «много деревьев не боятся сильного ветра») – о прочности и стойкости группы по сравнению с одиночками.

90. 树林子大，什么鸟儿都有 (букв. «в большом лесу встречаются разные птицы») – о разнообразии людей в больших сообществах.

91. 树往高处长，人往高处走 (букв. «дерево растёт вверх, человек стремится к высоте») – стремление человека к большему и лучшему постоянно.

92. 树无相同叶，人无相同脸 (букв. «у деревьев нет одинаковых листьев, у людей нет одинаковых лиц») – об уникальности каждого человека.

93. 水不同源，树不同根 (букв. «вода имеет разные источники, деревья имеют разные корни») – о различиях между людьми, основанных на их происхождении или взглядах.

94. 水性杨花 (букв. «текучая, как вода, летящая по ветру, как цветы тополя») – о секс-работнице или легкомысленной и падшей женщине.

95. 松柏之下，其草不殖 (букв. «под сосной и кипарисом трава не растёт») – под сильным давлением мощных сил слабые не могут выжить и развиваться.

96. 太仓稊米 (букв. «маленькое зёрнышко риса в амбаре») – человек малозначительный и не имеющий ценности в большом масштабе.

97. 太仓一粟 (букв. «одно зёрнышко в большом амбаре») – незначительный и маловажный человек среди гораздо более значительных.

98. 桃李春风 (букв. «деревья персика и сливы, весенний ветер») – об учениках, получающих воспитание от известного учителя.

99. 桃李满天下 (букв. «деревья персика и сливы имеются во всём мире») – везде и повсюду работают ученики и воспитанники.

100. 桃李门墙 (букв. «деревья персика и сливы, которые растут около двери и стены») – большое количество учеников, которых воспитывает известный учитель.

101. 问柳评花 (букв. «спрашивать у ивы, оценивать цветы») – сопровождение с секс-работницей.

102. 无瓜葛 (букв. «без связи между арбузом и плетью») – отсутствие любых отношений или связей.

103. 无树不栖鸟 (букв. «без дерева птицы не могут селиться») – без поддержки или основания невозможно удержать людей.

104. 闲花野草 (букв. «дикие цветы и трава») – о секс-работнице.

105. 香草美人 (букв. «благоуханные травы и прекрасный человек») – совершенные люди и государь.

106. 小荷才露尖尖角 (букв. «маленький лотос только что показал свой маленький цветок») – человек только начал завоёвывать известность.

107. 小萝卜头 (букв. «маленькая редька») – маленький или незначительный человек, ребёнок.

108. 新竹高于旧竹枝，全凭老干为扶持 (букв. «новый бамбук выше старых ветвей, полностью зависит от поддержки старого ствола») – о значении поддержки старших поколений для младших.

109. 寻花问柳 (букв. «искать цветы и покупать ивы») – проводить ночи с секс-работницей.

110. 烟花粉黛 (букв. «пороховые цветы и косметика») – о секс-работнице.
111. 烟花风月 (букв. «пороховые цветы и ветры месяца») – романтические приключения с секс-работницей.
112. 严霜单打独根草 (букв. «сильный мороз выделяет одинокую траву») – о трудном выживании в одиночку.
113. 野草闲花 (букв. «дикая трава и цветы») – о секс-работнице.
114. 一般树上两般花，五百年前是一家 (букв. «на одном дереве растут разные цветы, но все они происходят от одного корня») – люди могут быть связаны общим происхождением или историей.
115. 一根稻草煮不熟饭 (букв. «одна соломинка не варит рис») – важность коллективной работы и взаимопомощи.
116. 一花独放不是春，万紫千红才是春 (букв. «весна не приходит с одним цветком, её создаёт множество пёстрых цветов») – о важности общих усилий для достижения значимого результата.
117. 一花难成春，一木难成林 (букв. «один цветок не создаёт весну, одно дерево не создаёт лес») – нельзя достичь большого в одиночку.
118. 一花引来百花开 (букв. «один цветок влечёт за собой цветение сотен других») – о влиянии одного действия на другие.
119. 一花引来万花春 (букв. «один цветок приводит к весне тысячи цветов») – о значении ведущего примера для массовых действий.
120. 一节动而百枝摇 (букв. «если одна ветвь дерева двигается, другие ветви тоже качаются») – любое действие человека может затронуть всю систему.
121. 一棵草有一颗露水珠子 (букв. «у каждого стебля травы есть капля росы») – у каждого человека найдётся свой путь или своя возможность.
122. 一木难支 (букв. «одно дерево трудно поддерживать») – один в поле не воин.

123. 一畦萝卜一畦菜，自己生的自己爱 (букв. «одна грядка редьки, другая – овощей, всё, что ты вырастил, ты будешь любить») – каждый человек любит и ценит плоды своего труда.

124. 一树之果，有酸有甜；一母之子，有愚有贤 (букв. «на одном дереве есть как кислые, так и сладкие плоды; от одной матери могут быть как глупые, так и мудрые дети») – люди могут сильно отличаться даже в одной семье.

125. 一条藤儿 (букв. «на одной плети») – люди или группы в тесной связи друг с другом.

126. 一样米养百样人 (букв. «один вид риса вырастает сто разных людей») – о разнообразии человеческих характеров и судеб.

127. 一枝动，百枝摇 (букв. «если двигаешь одну ветвь, другие начинают колебаться») – небольшое действие может иметь цепную реакцию.

128. 依草附木 (букв. «опираться на траву и дерево») – о людях, которые не могут самостоятельно действовать, зависящих от других.

129. 永垂竹帛 (букв. «навсегда в бамбуке и шёлке») – заслуги вечно остались в истории.

130. 玉树琼枝 (букв. «нефритовое дерево и заснеженные ветви») – молодое поколение; прекрасная молодёжь.

131. 皂丝麻线 (букв. «чёрные нити и конопляная пряжа») – запутанные, неясные отношения между людьми.

132. 招花惹草 (букв. «манить цветов и дёргать траву») – заводить любовные шашни, заигрывать с женщиной.

133. 枝附影从 (букв. «ветвь прикреплена к дереву, тень следует за формой») – о людях, которые подражают или следуют за другими.

134. 著于竹帛 (букв. «написать в бамбуке и шёлке») – заслуги вечно остались в истории.

1. 爱花花结果, 爱柳柳成荫 (букв. «любишь цветы – они принесут плоды, любишь иву – она даст тень») – за заботу и внимание всегда будет соответствующий результат.
2. 爱莠草而弃嘉禾 (букв. «любить плевел и отвергать хорошее зерно») – перепутать зёрна с плевелами.
3. 拔萝卜 (букв. «выдёргивать редьку») – устранить кого-то, избавиться от ненужного человека, обычно в политическом или социальном контексте.
4. 拔茅连茹 (букв. «вытаскивать солому вместе с корнями дикого лука») – талантливый человек может выдвигать и поддерживать других талантливых людей.
5. 拔苗助长 (букв. «подтягивать руками всходы пшеницы для ускорения их роста») – проявлять чрезмерное усердие, губить дело своим нетерпением.
6. 把苦瓜当甜瓜吃 (букв. «есть горькую тыкву, принимая её за сладкую») – смиренное отношение к трудностям и страданиям.
7. 拔草寻蛇 (букв. «сдвигать траву, чтобы найти змею») – человек часто провоцирует проблемы, которых можно было бы избежать.
8. 不栽桃李树, 何日得成荫 (букв. «если не посадить персиковые и сливовые деревья, то когда получишь тень?») – без упорного труда не будет плодов.
9. 采得百花成蜜后, 为谁辛苦为谁甜 (букв. «собрав сотни цветов и сделав из них мёд, для кого ты трудился, для кого сладость?») – трудится один, а пожинает другой.
10. 蚕出桑抽叶, 蜂饥树开花 (букв. «когда шелкопряд выходит, тутовник пускает листья, когда пчёлы голодны, деревья цветут») – каждому человеку достаётся его доля.
11. 草薶禽猕 (букв. «выполоть траву и переловить птиц») – перебить всех людей поголовно.
12. 蟾宫折桂 (букв. «в Жабьем дворце сорвать ветку османтуса») – успешно выдержать экзамены на учёную степень.

13. 吃黑枣 (букв. «есть чёрные финики») – о смерти от пули.
14. 痴鼠拖姜 (букв. «глупая мышь тянет имбирь») – человек усложняет себе жизнь, пытаясь сделать что-то ненужное или бесполезное.
15. 穿荆度棘 (букв. «проходить через терновник и колючки») – человек проходит через трудности и испытания, преодолевая сложности на своём пути.
16. 春种一粒粟，秋收万颗子 (букв. «посеешь зерно весной, осенью соберёшь тысячи зёрен») – труд и усилия, вложенные в работу, дают щедрые плоды.
17. 摧花斫柳 (букв. «уничтожать цветы, рубить ивы») – жестокое обращение с женщинами, их физическое или моральное насилие.
18. 打草惊蛇 (букв. «побить траву, испугать змею») – из-за неосторожности предупредить противника.
19. 倒西瓜水 (букв. «пролить сок с арбуза») – о смерти от насилия, в частности, ударов по голове.
20. 凤凰飞在梧桐上 (букв. «феникс летит на дерево утун») – достойные люди получают свою награду или заслуженное признание.
21. 瓜蔓抄 (букв. «собирать арбузы, расползающиеся по плетям») – жестокое и масштабное наказание, когда преступление одного человека ведёт к наказанию всей его семьи.
22. 寒霜单打独根草，漏船偏遇顶头风 (букв. «холодный иней поражает одиночную траву, а дырявую лодку встречает встречный ветер») – беда не приходит одна.
23. 火中取栗 (букв. «таскать каштаны из огня») – выполнять трудную работу, результатами которой пользуются другие.
24. 开好花，结好果 (букв. «хорошо цветут цветы и приносят хорошие плоды») – за правильные поступки будут хорошие результаты.
25. 开花结果 (букв. «цветёт и даёт плоды») – что-то развивается и приносит желаемые результаты.

26. 辣手摧花 (букв. «уничтожать цветы горячей рукой») – обращаться с женщинами с применением насилия.

27. 冷灰爆豆 (букв. «взрыв бобов в холодной золе») – усилия и попытки оказываются бесплодными в связи с неправильными методами или подходами.

28. 良禽择木 (букв. «хорошая птица сама выбирает дерево») – талантливый человек выбирает для себя оптимальные условия.

29. 柳暗花明又一村 (букв. «ива в тени, а цветы снова освещены – и тут ещё одна деревня») – тёмная ночь перед рассветом.

30. 柳树上着刀, 桑树上出血 (букв. «нож на иве, кровь на тутовнике») – невинные люди подвергаются наказанию без причины.

31. 落草为寇 (букв. «уйти в траву и стать разбойником») – становиться преступником или бандитом.

32. 落地桃子 (букв. «упавшие с дерева плоды персика») – о том, что приходит без труда.

33. 绿林好汉 (букв. «герои зелёного леса») – герой-повстанец.

34. 没好果子吃 (букв. «не съесть хороших плодов») – не будет или хорошего результата.

35. 名列前茅 (букв. «имя стоит перед первыми соломенными травами») – занимать передовые позиции, быть среди лучших.

36. 木秀于林 (букв. «дерево выделяется среди леса») – человек выделяется среди других своими талантами или достижениями.

37. 鸟能择木 (букв. «птица может выбрать дерево») – способность человека выбирать для себя оптимальные условия.

38. 弄花一年, 看花十日 (букв. «ухаживаешь за цветами целый год, а наслаждаешься их цветением всего десять дней») – долгий и трудный процесс для достижения результатов.

39. 攀蟾折桂 (букв. «дотянуться до Жабьего дворца, чтобы сорвать ветку османтуса») – участие в конкурсах или завоевание высоких наград.

40. 披红戴花 (букв. «покрыться красным и украситься цветами») – завоевание высоких наград.

41. 披荆斩棘 (букв. «расчищать путь, разрубая терновник и колючки») – человек преодолевает трудности и препятствия на пути к своей цели.

42. 披麻救火 (букв. «одевать мешковину из конопли, чтобы потушить огонь») – решать проблему неправильными методами.

43. 披榛采兰 (букв. «раздвигать терновник, чтобы собрать орхидею») – для поиска талантливых людей нужно преодолевать трудности.

44. 前人栽树，后人乘凉 (букв. «предки сажают деревья, а потомки наслаждаются тенью») – труд и усилия предыдущих поколений создают основу для будущих поколений.

45. 敲竹杠 (букв. «стучать по бамбуковому шесту») – о вымогательстве и использовании слабых мест других для собственной выгоды.

46. 穷猿奔林 (букв. «бедная обезьяна мчится в лес») – человек в трудной ситуации ищет спасение или укрытие.

47. 穷猿投树 (букв. «бедная обезьяна прячется на дереве») – человек в трудной ситуации ищет спасение или укрытие.

48. 穷猿择木 (букв. «бедная обезьяна выбирает дерево») – человек в трудной ситуации ищет спасение или укрытие.

49. 舍不得白米抓不着鸡 (букв. «если не пожертвовать рисом, то не поймешь курицу») – без усилий и жертв невозможно получить желаемое.

50. 十步芳草 (букв. «на десяти шагах ароматные травы») – о ситуации, где талантов можно найти повсюду.

51. 十步之内，必有芳草 (букв. «в пределах десяти шагов обязательно будут ароматные травы») – в любом месте можно найти людей с выдающимися способностями.

52. 十年树木，百年树人 (букв. «десять лет, чтобы вырастить дерево, сто лет, чтобы воспитать человека») – долгий и трудный процесс для воспитания людей.

53. 守株待兔 (букв. «дождаться зайца под деревом») – о лени и глупости человека.

54. 树荆棘得刺，树桃李得阴 (букв. «посаженный терновник принесёт колючки, а посаженные персиковые и сливовые деревья – тень») – что посеешь, то и пожнёшь.

55. 树桃李者，夏得休息，秋得实焉；树蒺藜者，夏不得休息，秋得其刺焉 (букв. «тот, кто сажает персиковые и сливовые деревья, летом получает тень, осенью – плоды; тот, кто сажает терновник, летом не получает отдыха, осенью – только его колючки») – хорошие поступки приводят к положительным результатам, а дурные – к неприятностям.

56. 睡在树下等枣子 (букв. «спать под деревом и ждать, когда сыплются финики») – лень и ожидание успеха без усилий, полагаться только на удачу.

57. 硕果累累 (букв. «плоды великие и многочисленные») – результаты работы или усилий замечательные и плодотворные.

58. 天荆地棘 (букв. «небеса усеяны терновником, земля полна колючек») – жизнь или ситуация сложны и полны препятствий.

59. 偷鸡不成折把米 (букв. «попытаться украсть курицу, в итоге лишь просыпав горсть риса») – получить прямо противоположные результаты.

60. 亡猿祸木 (букв. «хотел убить обезьян, но сжёг все деревья») – человек хотел навредить другим, а в итоге навредил себе.

61. 啸聚山林 (букв. «выть и собираться в лесах и горах») – о бандитах, которые собираются с целью совершения противоправных действий.

62. 挟朋树党 (букв. «брать друзей и создавать партию») – лидер, который объединяет группу разбойников с целью достижения личной выгоды.

63. 揠苗助长 (букв. «подтягивать руками всходы пшеницы для ускорения их роста») – проявлять чрезмерное усердие, губить дело своим нетерпением.

64. 一年之计，莫如树谷；十年之计，莫如树木，终身之计，莫如树人 (букв. «план на один год – лучше посадить зерно; план на десять лет – лучше посадить дерево; план на всю жизнь – лучше воспитать человека») – различные этапы жизни требуют разных усилий.

65. 缘木求鱼 (букв. «взбираться на дерево в поисках рыбы») – делать заведомо бесполезное дело, попусту тратить время.

66. 月中折桂 (букв. «срывать ветку османтуса на Луне») – успешно выдержать экзамены на учёную степень.

67. 择木而栖 (букв. «выбирать дерево для гнезда») – человек выбирает для себя оптимальные условия.

68. 摘青果子 (букв. «собирать незрелые плоды») – кто-то пытается извлечь выгоду или воровать чужие будущие успехи.

69. 摘桃子 (букв. «собирать плоды персика») – кто-то извлекает выгоду из чужих усилий, подбирает плоды чужого труда.

70. 斩木揭竿 (букв. «рубить деревья и поднять жерди») – вооружённое восстание разбойников с применением насилия.

71. 种瓜得瓜，种豆得豆 (букв. «посеешь тыкву, получишь тыкву; посеешь бобы, получишь бобы») – что посеешь, то и пожнёшь.

72. 种花一年，看花十日 (букв. «за цветами ухаживают целый год, а любят их красотой лишь десять дней») – необходимы долгие и устойчивые усилия для достижений целей.

73. 竹篮打水 (букв. «носить воду в бамбуковой корзине») – бесполезная затея, ничего из этого не выйдет.

74. 铸木镂冰 (букв. «отливать из дерева, вырезать лёд») – бесполезные и напрасные усилия, которые не приносят результата.

75. 自食其果 (букв. «есть свои плоды») – человек получает ошибочные последствия своих собственных действий.

76. 坐地等花开 (букв. «сидеть и ждать, когда цветы расцветут») – человек пассивно ожидает хороших результатов, не прилагая усилий для их достижения.

Категория «эмоционально-оценочные характеристики человека»: 135 ФЕ и ПЕ

Подгруппа «положительные эмоции и оценки»: 70 ФЕ и ПЕ

1. 爱将如宝，视卒如草 (букв. «уважать генерала, как драгоценность, а смотреть на солдат, как на траву») – неравное отношение к разным рангам воинов.

2. 百里负米 (букв. «нести рис на сотню километров») – любовь и уважение к родителям.

3. 拜倒在石榴裙下 (букв. «поклониться под гранатовым подолом») – мужчина безоговорочно влюблён в женщину и готов подчиняться ей во всём.

4. 比目连枝 (букв. «сказочная птица с одним крылом и одним глазом, способная лететь только в паре с другой такой же птицей, растение с взаимно переплетающимися ветвями») – о взаимной любви супругов.

5. 比翼连枝 (букв. «сказочная птица с одним крылом и одним глазом, способная лететь только в паре с другой такой же птицей, растение с взаимно переплетающимися ветвями») – о взаимной любви супругов.

6. 采兰赠芍 (букв. «собрать орхидеи и подарить пионы») – обмен подарками между мужчиной и женщиной в знак взаимной любви.

7. 草庐三顾 (букв. «три визита в хижину под камышовой крышей») – уважение к талантливым людям.

8. 吃米不会忘记种谷的人 (букв. «тот, кто ест рис, не забывает того, кто его вырастил») – нельзя забывать тех, кто оказал помощь в трудные моменты.

9. 春晖寸草 (букв. «травинка не может отплатить за щедрость весенних лучей солнца») – вечная благодарность за любовь родителей.

10. 寸草春晖 (букв. «травинка не может отплатить за щедрость весенних лучей солнца») – вечная благодарность за любовь родителей.

11. 地和生百草, 人和万事好 (букв. «когда земля в гармонии, растут все травы; когда люди в гармонии, всё хорошо») – о важности гармонии и согласия среди людей.

12. 断袖分桃 (букв. «обрезать рукав своей рубашки и разделять один плод персика») – нетрадиционные или скрытые любовные отношения (чаще всего о любви к мужчине).

13. 断袖余桃 (букв. «разорванный рукав и оставшийся плод персика») – нетрадиционные или скрытые любовные отношения (чаще всего о любви к мужчине).

14. 负荆请罪 (букв. «нести на плечах палку из терновника, чтобы просить наказания») – искреннее извинение перед другими.

15. 负米养亲 (букв. «нести рис для кормления родителей») – любовь и уважение к родителям.

16. 甘棠遗爱 (букв. «наследие любви под грушевым дереве») – народная благодарность за добрые дела правителя.

17. 甘棠之爱 (букв. «любовь к сладким грушам») – любовь народа к добродетельному чиновнику.

18. 甘棠之惠 (букв. «благоденствие от сладких груш») – благодарная память о добром правителе.

19. 甘心如荠 (букв. «сладко на душе, как будто ешь горькую, а затем сладкую траву») – быть довольным и счастливым, даже если что-то даётся с трудом, но в итоге приносит радость.

20. 甘之如荠 (букв. «кажется сладким, как будто ешь горькую, а затем сладкую траву») – добровольно и с радостью принимать трудности, находя в них смысл.

21. 割袖分桃 (букв. «обрезать рукав своей рубашки и разделять один плод персика») – нетрадиционные или скрытые любовные отношения (чаще всего о любви к мужчине).

22. 恭敬桑梓 (букв. «благоговейное уважение к тутовникам и катальпам, растущим в родном доме») – любовь к родине и уважение к односельчанам.

23. 光棍劈竹不伤笋 (букв. «бедняк, рубящий бамбук, не повредит побеги») – даже в самых сложных обстоятельствах нужно сохранять добрые отношения с окружающими.

24. 红豆相思 (букв. «красные бобы олицетворяют тоску») – тоска по влюблённому.

25. 胡马依北风，越鸟巢南枝 (букв. «лошади из севера тянутся к северному ветру, а птицы, прилетая с юга, гнездятся на южных ветвях») – привязанность человека к своей родине и желание вернуться в дом.

26. 结草衔环 (букв. «завязывать травы вместе, чтобы спасти благодетеля; держать во рту нефритовое кольцо») – отблагодарить, отплатить добром за добро.

27. 金兰小谱 (букв. «малый список в знак золота и орхидеи») – крепкие узы братства и святость клятвенных обязательств.

28. 金兰之契 (букв. «дружба как твёрдое золото и ароматная орхидея») – закадычная дружба.

29. 金兰之谊 (букв. «дружба как твёрдое золото и ароматная орхидея») – закадычная дружба.

30. 金兰之友 (букв. «дружба как твёрдое золото и ароматная орхидея») – закадычная дружба.

31. 孔融让梨 (букв. «Кун Жун уступил большие груши старшим братьям») – о братской любви и уважении.
32. 哭竹生笋 (букв. «благодаря слезам вырастают побеги бамбука») – о любви к родителям.
33. 葵藿倾阳 (букв. «подсолнечник и другие бобовые растения наклоняются к солнцу») – преданность и привязанность к начальникам.
34. 落叶归根 (букв. «опавшие листья возвращаются к корням») – возвращение к истокам, родным местам.
35. 眉花眼笑 (букв. «брови цветут, глаза смеются») – улыбка от счастья, веселья и удовлетворения.
36. 牡丹花下死, 做鬼也风流 (букв. «лучше умереть под пионом, чем жить без страсти – даже в виде призрака быть повесой») – любовь к женщине сильнее страха смерти (только о мужчинах).
37. 木桃投处, 也报琼瑶 (букв. «если тебе подарили деревянный плод персика, ответь красивым нефритом») – дружба и благодарность должны быть взаимными.
38. 鸟儿归林, 鱼儿入水 (букв. «птицы возвращаются в лес, рыбы – в воду») – неизбежное возвращение к своим корням.
39. 鸟来投林, 人来投主 (букв. «птицы прилетают в лес, люди ищут приют у хозяина») – человек возвращается к родине за поддержкой.
40. 蓬荜生辉 (букв. «тростниковая дверь и соломенная хижина озарились светом благодаря посещению уважаемого гостя») – уважение говорящего к визиту.
41. 契若金兰 (букв. «дружба как твёрдое золото и ароматная орхидея») – закадычная дружба.
42. 青梅竹马 (букв. «зелёная слива-муме и бамбуковая палка-лошадка») – дружба с детских лет.

43. 让枣推梨 (букв. «дать финики и большие груши своему брату») – о любви к братьям.

44. 人不离乡，鸟不离枝 (букв. «человек не может долго покидать свою родину, как и птица не покидает своей ветви») – люди всегда тянутся к своему дому, своей родной земле.

45. 人非草木，孰能无情 (букв. «человек – не трава и не дерево, кто может быть бесчувственным?») – каждый человек способен испытывать эмоции, переживания и сочувствие.

46. 人老恋故土，叶落还归根 (букв. «старый человек привязан к своей родной земле, как листья возвращаются к своим корням») – о значимости возвращения к истокам и привязанности к родной земле.

47. 人情怀旧乡，客鸟思故林 (букв. «людям свойственно тосковать по родному краю, как и странствующим птицам хочется вернуться в родной лес») – ностальгия по родине свойственна всем.

48. 三顾茅庐 (букв. «трижды приходите с визитом в соломенную хижину») – многократные приглашения, искреннее уважение.

49. 身非木石 (букв. «человек – не дерево и не камень») – эмоциональная природа человека.

50. 菽水承欢 (букв. «радовать родителей бобами и водой») – безукоризненно служить родителям в бедности.

51. 树高千百丈，叶落要归根 (букв. «дерево может вырасти до огромных размеров, но его листья всё равно опадают обратно к корню») – о значимости возвращения к истокам и привязанности к родной земле.

52. 水流四海，不如落叶归根 (букв. «вода может течь по всему миру, но ничто не сравнится с тем, чтобы листья вернулись к своим корням») – неизбежное возвращение к родной земле и дому.

53. 桃花流水 (букв. «цветы персика и текущая вода») – о прекрасной любви мужчины и женщины.
54. 桃花潭水 (букв. «персиковые цветы, вода в пруду») – символ глубокой и верной дружбы.
55. 投瓜报玉 (букв. «получить арбуз, отблагодарить нефритом») – взаимное благодарение.
56. 投桃报李 (букв. «получить плод персика, отблагодарить плодом сливы») – взаимное благодарение.
57. 衔环结草 (букв. «держать во рту нефритовое кольцо; завязывать травы вместе, чтобы спасти благодетеля») – отблагодарить, отплатить добром за добро.
58. 心花怒放 (букв. «в сердце цветы расцветают») – в огромном восторге.
59. 杏林春满 (букв. «абрикосовый сад полон весны») – высокая оценка труда медицинских работников.
60. 叶落归根 (букв. «опавшие листья возвращаются к корням») – возвращение к истокам, родным местам.
61. 一斗米养个恩人，一石米养个仇人 (букв. «десять литров риса кормит друга, а сто литров риса кормит врага») – маленькая помощь может сделать человека благодарным, а чрезмерная – вызвать жадность и ненависть.
62. 一叶浮萍归大海，人生何处不相逢 (букв. «одна ряска на поверхности воды возвращается в море, где бы ни были мы, всегда будет встреча») – несмотря на долгие разлуки, всегда есть шанс снова встретиться.
63. 以财为草，以身为宝身 (букв. «относиться к богатству как к траве, а к собственной жизни – как к сокровищу») – ценить себя и своё самочувствие выше, чем материальное богатство.
64. 义结金兰 (букв. «стать металлом и орхидеей») – завязать крепкую дружбу, стать побратимами.

65. 誉满杏林 (букв. «добрая слава наполняет абрикосовую рощу») – высокая оценка труда медицинских работников.

66. 栽刺不如栽花 (букв. «лучше сажать цветы, чем колючки») – при взаимодействии с людьми лучше проявлять доброту и заботу, а не враждебность и агрессию.

67. 展草垂缰 (букв. «разворачивать траву и спускать поводья») – верность и преданность хозяину.

68. 指水盟松 (букв. «поклониться перед текущей водой и вечнозелеными соснами») – клятвы на братство или сестринство для стремления к долговечным дружеским отношениям.

69. 竹马之好 (букв. «дружба началась с зелёной сливы-муме и бамбуковой палки-лошадки») – дружба с детских лет.

70. 灼艾分痛 (букв. «прижигать себя полынью, чтобы делить боль брата») – о любви к братьям.

Подгруппа «отрицательные эмоции и оценки»: 65 ФЕ и ПЕ

1. 爱将如宝，视卒如草 (букв. «уважать генерала, как драгоценность, а смотреть на солдат, как на траву») – неравное отношение к разным рангам воинов.

2. 白吃人家的萝卜还嫌辣 (букв. «бесплатно ест чужие редьки, а ещё жалуется, что они острые») – человек получает что-то бесплатно или без усилий, но при этом ещё недоволен или жалуется на полученное.

3. 背若芒刺 (букв. «как ость в спине») – чувство тревоги и беспокойства.

4. 财大有险，树大招风 (букв. «чем больше богатства, тем больше риска, чем выше дерево, тем сильнее ветер») – богатство или власть могут привлечь зависть и создать проблемы.

5. 草木皆兵 (букв. «каждая трава и каждое дерево кажутся противниками») – состояние крайней тревожности.

6. 吃不到葡萄，就说葡萄是酸的 (букв. «не дотянувшись до винограда, говоришь, что он кислый») – о зависти.

7. 愁绪如麻 (букв. «печали запутанны, как конопля») – тревоги не дают покоя.
8. 春树暮云 (букв. «весенние деревья, вечерние облака») – тоска по друзьям на расстоянии, чувство печали из-за разлуки.
9. 莼羹鲈脍 (букв. «похлёбка из бразении и жареные кусочки окуня») – о тоске по родным местам.
10. 呆若木鸡 (букв. «застыть как деревянный петух») – отупеть, обалдеть; замереть на месте как вкопанный.
11. 地蛆咬的瓜都是最甜的 (букв. «земляные черви едят самый сладкий плод») – плохие люди часто нацеливаются на самых сильных или благородных, нанося вред тем, кто имеет наибольшее влияние.
12. 风兵草甲 (букв. «ветер как будто армия, трава как будто броня солдат») – состояние беспокойства и страха после поражения.
13. 风树之感 (букв. «чувство от дерева на ветру») – выражение скорби о родителях, которые уже ушли из жизни, и сожаление, что не удалось должным образом заботиться о них.
14. 肤粟股粟 (букв. «кожа покрыта пузырьками, похожими на зёрна проса, ноги трясутся») – состояние крайнего страха, ужасного волнения или сильного холода.
15. 槁木死灰 (букв. «тело как высохшее дерево, сердце – как остывший пепел») – равнодушие и бесчувственность.
16. 花发多风雨, 人生苦别离 (букв. «цветы часто подвергаются буре, как и жизнь полна страданий из-за разлук») – печаль от неизбежности трудностей и расставаний в жизни.
17. 花开引蝶, 树大招风 (букв. «цветок привлекает бабочек, а большое дерево привлекает ветер») – человек с выдающимися качествами или талантами становится объектом зависти и нападков.
18. 花因色娇遭蝶采, 雀因声巧被笼牢 (букв. «цветок из-за своей красоты привлекает бабочек, а птица из-за своего красивого пения попадает в клетку») – качества или таланты могут вызывать зависть у других.
19. 藉草枕块 (букв. «сидит или ложится на траву или камень») – глубокая печаль и скорбь по родителям после их смерти.

20. 惊弓之鸟，夜不投林 (букв. «птица, испуганная луком, ночью не летит в лес») – о человеке, сильно напуганном, который боится даже малейшего шума или движения.

21. 枯木死灰 (букв. «тело как высохшее дерево, сердце – как остывший пепел») – равнодушие и бесчувственность.

22. 柳眉踢豎 (букв. «брови как листья ивы подняты») – гнев и недовольство.

23. 楼高易倒，树高易折 (букв. «высокая башня легко падает, высокое дерево легко ломается») – чем выше статус или достижения, тем больше зависти.

24. 落花有意，流水无情 (букв. «ручей без намерений, падающие цветы с чувствами») – о ситуации, когда одна сторона чувствует любовь, а другая равнодушна.

25. 麻木不仁 (букв. «деревянный, бесчувственный») – равнодушный к окружающей среде.

26. 麦秀黍离 (букв. «пшеница и просо, растущие на месте разрушенного города») – символ глубокого горя и сожаления по утраченной родине или прошлому.

27. 芒刺在背 (букв. «как ость в спине») – чувство тревоги и беспокойства.

28. 木人石心 (букв. «человек, вырезанный из дерева, сердце, высеченное из камня») – жестокий и бесчувственный.

29. 木石心肠 (букв. «сердце подобно дереву и камню») – жестокость и бесчувственность.

30. 木心石腹 (букв. «деревянное сердце и каменный живот») – жестокий и бесчувственный.

31. 木秀于林，风必摧之 (букв. «дерево, которое выделяется среди леса, обязательно будет сломано ветром») – выдающийся человек будет подвергнут зависти и нападкам из-за своей заметности.

32. 暮云春树 (букв. «вечерние облака, весенние деревья») – тоска по друзьям издалека.

33. 披麻带孝 (букв. «одеваться в траурную одежду из конопли») – выражение скорби и печали.

34. 屁股底下有痰藜 (букв. «под задницей якорец») – тревога и беспокойство.

35. 屁股震葫芦 (букв. «потрясти тыкву-горлянку ягодицей») – потрясение тела от страха или волнения.

36. 寝苫枕草 (букв. «спать на траве и использовать солому вместо подушки») – глубокая печаль и скорбь по родителям после их смерти.

37. 穷汉怜穷汉, 黄连近苦瓜 (букв. «бедняк сочувствует другому бедняку, как корень китайской фисташки близок к горечи горькой дыньки») – сочувствие друг другу.

38. 如芒在背 (букв. «как ость в спине») – чувство тревоги и беспокойства.

39. 如弃草芥 (букв. «как выбросить травинку») – полное равнодушие или пренебрежение.

40. 视人如芥 (букв. «рассматривать человека как травинку») – о низком статусе простых людей.

41. 视如草芥 (букв. «рассматривать человека как травинку») – о низком статусе простых людей.

42. 树大招风风撼树, 人为名高名丧人 (букв. «большое дерево привлекает ветер, и ветер качает дерево; человек, стремящийся к славе, теряет свою человечность») – яркое стремление к известности может привести к негативным последствиям, таким как злость и зависть у других.

43. 树老招风, 人老招贱 (букв. «старое дерево привлекает ветер, старый человек привлекает презрение») – неприятное отношение к пожилым людям.

44. 树怕剥皮, 人怕伤心 (букв. «дерево боится, когда его лишают коры, а человек боится, когда его ранят в душу») – сильный душевный удар, печаль.

45. 树欲静而风不止 (букв. «дерево хочет покоя, но ветер продолжает его качать») – чужая зависть не даёт человеку покоя.

46. 树欲静而风不止, 子欲养而亲不待 (букв. «дерево хочет покоя, но ветер не прекращается, дети хотят заботиться о родителях, но они уже ушли») – выражение сожаления и напоминания, что нужно заботиться о родителях, пока они живы, чтобы не сожалеть позднее.

47. 霜打的茄子 (букв. «баклажан, ударенный морозом») – депрессия, вялость.

48. 霜打窝瓜秧 (букв. «замороженная тыквенная рассада») – депрессия, вялость.

49. 拖麻拽布 (букв. «тащить коноплю и волочить ткань») – надевать траурные одежды для выражения уважения и скорби.

50. 渭树江云 (букв. «деревья на реке Вэй, облака над рекой») – глубокая и трогательная тоска по близким.

51. 心里炒豆子 (букв. «жарить бобы в душе») – о тревоге или беспокойстве, когда ум не прекращает думать и переживать.

52. 心乱如麻 (букв. «сердце запутано, как конопля») – в состоянии крайнего смятения; душевный разброд.

53. 心如木石 (букв. «сердце как дерево и камень») – жестокий и бесчувственный.

54. 杏眼圆睁 (букв. «глаза, как косточки абрикоса, сверкают») – гнев и недовольство.

55. 萱草忘忧 (букв. «красоднев как трава забвения помогает забывать печали») – воспоминания о покойной матери, выражение тоски матери.

56. 雁头先受箭，佳材早挨刀 (букв. «первая стрела направляется в голову журавля, лучшее дерево первое попадает под топор») – люди с выдающимися способностями или достижениями становятся жертвами зависти и критики.

57. 杨柳依依 (букв. «ветви ивы колышутся от ветра») – привязанность к близким или нежелание расставаться с кем-то.

58. 叶落悲秋 (букв. «видеть, как падают листья, и грустить по осени») – тоска, сожаление или грусть.

59. 一斗米养个恩人，一石米养个仇人 (букв. «десять литров риса кормит друга, а сто литров риса кормит врага») – маленькая помощь может сделать человека благодарным, а чрезмерная – вызвать жадность и ненависть.

60. 以财为草，以身为宝身 (букв. «относиться к богатству как к траве, а к собственной жизни – как к сокровищу») – ценить себя и своё самочувствие выше, чем материальное богатство.

61. 意乱如麻 (букв. «сердце в беспорядке, как конопля») – сильное раздражение и смятение.

62. 云树之思 (букв. «мысли об облаках и деревьях») – тоска и печаль от разлуки с друзьями или близкими на долгое время.

63. 芝焚蕙叹 (букв. «борщевик был сожжён, цимбидиум опечалился») – сочувствовать себе подобным, принимать близко к сердцу участь себе подобных.

64. 直木先伐 (букв. «прямое дерево первым будет срублено») – яркие личности или таланты часто страдают от зависти и бед.

65. 直木先伐，甘井先竭 (букв. «прямое дерево первым будет срублено, сладкая вода из колодца первой уйдёт») – люди с выдающимися способностями или достижениями будут подвергнуты зависти.

Категория «интеллектуальные характеристики человека»: 181 ФЕ и ПЕ

Подгруппа «умственная деятельность»: 76 ФЕ и ПЕ

1. 哀梨蒸食 (букв. «варить хорошую грушу») – человек не может правильно оценить что-то ценное и в итоге превращает это в испорченное.
2. 按葫芦画瓢 (букв. «рисовать ложку, глядя на тыкву-горлянку») – копировать методы или действия других без понимания основных принципов.
3. 拔树寻根 (букв. «выкорчевать дерево, чтобы найти его корень») – докопаться до истины или выяснить истинные причины.
4. 本末倒置 (букв. «корни и ветви перевёрнуты») – человек путает главное и второстепенное, не расставляет приоритеты.
5. 不辨菽粟 (букв. «невозможно отличить бобы и просо») – человек не способен различать очевидное.
6. 不看枣儿生熟就给一竿子 (букв. «не зная, как растёт финик, сразу бить его палкой») – человек делает поспешные выводы или критикует без должного понимания ситуации.
7. 不知道葫芦里头卖的什么药 (букв. «не знаю, что за лекарство в тыкве-горлянке») – человек не понимает скрытых намерений или замыслов другого человека.
8. 吃葱吃蒜不吃姜 (букв. «есть лук и чеснок, но не есть имбирь») – человек сохраняет ясность мышления и не поддаётся провокациям или оскорблениям.
9. 吃了一个闷葫芦 (букв. «съесть тупую тыкву-горлянку») – человек чувствует себя озадаченным или в замешательстве.
10. 吃葡萄不吐核儿 (букв. «есть виноград, не выплёвывая косточки») – бездумно принимать информацию.
11. 初出茅庐 (букв. «впервые выйти из соломенной хижины») – отсутствие опыта, наивность и недостаток практических навыков.
12. 初入芦苇，不知深浅 (букв. «впервые входить в тростник, не зная

глубины») – о недостатке опыта и знаний о новой области.

13. 蠢若木鸡 (букв. «глупый как деревянный петух») – о глупости.

14. 村人不吃橄榄 (букв. «деревенские жители не едят оливки») – простые люди не могут оценить значимость чего-то.

15. 打闷葫芦 (букв. «стучать по тупой тыкке-горлянке») – человек испытывает сомнение или недоумение, пытается разобраться в чём-то непонятном, но не может найти ответа.

16. 打破闷葫芦 (букв. «разбить тупую тыкву-горлянку») – удалось открыть мышление и найти решение.

17. 大匠之用木也，取其所长，弃其所短 (букв. «великий мастер использует дерево, выбирая его длинную часть, отвергая короткую») – способность использовать талантов, выделяя их сильные стороны и избегая слабых.

18. 地肥茄子嫩 (букв. «на плодородной земле баклажаны будут вкусными») – если учеба строится на прочной базе знаний, то результат будет продуктивным.

19. 吊死在一棵树上 (букв. «повеситься на одном дереве») – упереться в одно и то же, не желая отказаться от своего мнения.

20. 丢了西瓜，捡芝麻 (букв. «потерять арбуз, подобрать кунжут») – человек упускает важное ради незначительного.

21. 读书如树木，不可求骤长 (букв. «учёба, как дерево, не может расти быстро») – знания накапливаются постепенно, и нельзя ожидать мгновенных результатов в обучении.

22. 多见树木少见人 (букв. «видит много деревьев, мало людей») – ограниченный кругозор.

23. 方凿不受圆，直木不为轮 (букв. «квадратное долото не делает круглое отверстие, прямое дерево не может быть колесом») – важность выбора людей с подходящими качествами.

24. 顾得芝麻，丢下西瓜 (букв. «забирать кунжут, оставляя арбуз») – человек теряет важное, гонясь за мелочами.

25. 含英咀华 (букв. «жевать цветы во рту») – способность глубоко и тщательно понимать литературные произведения.

26. 核桃大的字，没有认得一巴掌 (букв. «буквы размером с грецкий орех, не узнать ни одной ладонью») – безграмотный, невежественный.

27. 核桃枣子一块数 (букв. «считать грецкие орехи и финики вместе») – человек не делает различий между разными вещами, не обращает внимания на их особенности.

28. 囫圇吞枣 (букв. «проглотить финик целиком») – поглощать информацию без разбора.

29. 胡桃栗子一齐数 (букв. «считать грецкие орехи и каштаны вместе») – неумение различать разные вещи.

30. 葫芦茄子一齐数 (букв. «считать тыквы-горлянки и баклажаны вместе») – о неспособности различать разные вещи.

31. 剪牡丹喂牛 (букв. «срезать пион и кормить корову») – человек тратит ценное на что-то бессмысленное.

32. 仅辨菽麦 (букв. «различать только бобы и пшеницу») – человек с ограниченными знаниями не может понять вещи.

33. 锯倒树儿捉老鸱 (букв. «пилят дерево, чтобы поймать старого аиста») – неспособность к гибкости в словах и действиях.

34. 两豆塞耳 (букв. «набить уши двумя бобами») – не замечать сути вещей.

35. 萝卜精，头上青 (букв. «молодая редька, верх зелёный») – неопытный и незрелый.

36. 木鸡养到 (букв. «курица из дерева, выращенная до совершенства») – человек достиг совершенства в своей области, развив свои способности до высшего уровня.

37. 木木樗樗 (букв. «деревянные палки из айланта») – о тупости человека.

38. 木石鹿豕 (букв. «как дерево, камень, олень и свинья») – полная ограниченность и отсутствие развития.

39. 木头木脑 (букв. «деревянная голова») – тупой, глупый.

40. 木鱼脑壳 (букв. «голова как деревянная рыба, пустая внутри») – о человеке с тупым, неактивным умом.

41. 目光如豆 (букв. «кругозор с горошину») – человек имеет короткий взгляд, ограниченную перспективу.

42. 拿柳条当棒槌 (букв. «использовать ветку ивы вместо молотка») – использовать неподходящие средства или методы для решения задачи.
43. 闹不清葫芦里装的什么药 (букв. «не знаю, что за лекарство в тыкве-горлянке») – человек не может понять скрытые намерения или мотивацию другого.
44. 泥塑木雕 (букв. «такой же, как глинный и деревянный истукан») – о низких умственных способностях.
45. 盘根究底 (букв. «изучать корни до конца») – внимательно исследовать суть проблемы, не оставляя ничего недосказанного.
46. 刨根问底 (букв. «выкапывать корни, спрашивать о причине») – досконально выяснить все детали и причины.
47. 刨树要搜根儿 (букв. «выкапывая дерево, нужно искать корни») – при решении проблемы важно сначала выявить основные причины.
48. 茄子黄瓜一锅煮 (букв. «варить баклажаны и огурцы в одной кастрюле») – отсутствие умения различать разные вещи.
49. 青菜萝卜分不清 (букв. «не отличать капусту от редьки») – неумение различать хорошее и плохое, истину и ложь.
50. 青菜萝卜一锅煮 (букв. «варить капусту и редьку в одной кастрюле») – неумение различать разные вещи.
51. 认定生姜树上生 (букв. «убеждён, что на дереве растёт имбирь») – упорно держаться за неверное мнение, не принимая альтернатив.
52. 舍本逐末 (букв. «отказаться от корня и гнаться за концом») – человек пренебрегает основами и стремится к незначительным вещам.
53. 拾得篮中就是菜 (букв. «всё, что попало в корзину, считается овощами») – человек не различает то, что выбрано.
54. 顺藤摸瓜 (букв. «двигаясь по плетям, добраться до самого плода») – ухватившись за путеводную нить, добраться до главного.
55. 死抱葫芦不开瓢 (букв. «мёртво обнимать тыкву-горлянку и не раскрывать её половинки») – о крайнем упрямстве и неспособности к изменениям.
56. 糖炒栗子一把抓 (букв. «собирать жареные каштаны в одну кучу») – человек не различает важное и неважное.

57. 挑得篮里便是菜 (букв. «всё, что попало в корзину, считается овощами») – человек не различает то, что выбрано.
58. 土木形骸 (букв. «тело, как дерево и камень») – глуповатый.
59. 西瓜大的字识不上两箩 (букв. «не знает двух букв размером с арбуз») – крайне неграмотный.
60. 学非探其花，要自拨其根 (букв. «учёба не ограничивается поверхностным изучением, нужно искать корни и глубоко понимать суть») – необходимо углубляться в суть знаний.
61. 寻根究底 (букв. «искать корни и докопаться до конца») – продолжать расследование, чтобы найти окончательные ответы.
62. 叶落归秋 (букв. «опавшие листья возвращаются в осень») – по небольшому признаку можно предсказать или понять большие изменения.
63. 叶落知秋 (букв. «по упавшему листку судить о приближении осени») – по мелким признакам представить общую картину.
64. 一叶蔽目，不见泰山 (букв. «один лист заслоняет взгляд, не видишь гору Тайшань») – человек не видит всей картины, сосредоточившись только на незначительных деталях.
65. 一叶知秋 (букв. «по одному листу узнать, что наступила осень») – по небольшому признаку можно предсказать или понять большие изменения.
66. 榆木疙瘩 (букв. «узел на древесине вяза») – тупой человек с упрямым характером.
67. 榆木疙瘩开了窍 (букв. «узел на вязе был открыт») – о ситуации, когда человек долго не мог понять что-то, и вдруг прозревает.
68. 榆木脑袋 (букв. «голова из вяза») – тупой человек с упрямым характером.
69. 在一棵树上吊死 (букв. «повеситься на одном дереве») – упорство без гибкости, нежелание менять свои взгляды или методы.
70. 只见树木，不见森林 (букв. «видишь только деревья, но не видишь леса») – об узости восприятия и неспособности увидеть общую картину.
71. 只知道黄菜叶子好吃，不知道大肉香 (букв. «только знаю, что капуста вкусна, но не понимаю, как пахнет мясо») – человек ограничен в своём восприятии и не видит широкие возможности.

72. 装大头蒜 (букв. «притворяться большим чесноком») – о притворстве, когда делают вид, что ничего не знают, ведут себя неразумно.

73. 装进闷葫芦 (букв. «запихнуть в тупую тыкву-горлянку») – сознательно не раскрывать информацию, делать её неясной, чтобы другие не могли понять.

74. 装洋蒜 (букв. «изображать иностранный чеснок») – человек нарочно делает вид, что не понимает что-то или притворяется незнающим.

75. 走马看花 (букв. «любоваться цветами на скачущей лошади») – поверхностно осматривать, не уделяя внимания деталям.

76. 钻到闷葫芦里去 (букв. «залезть в тупую тыкву-горлянку») – человек чувствует себя запутанным или сбитым с толку.

Подгруппа «речевая деятельность»: 60 ФЕ и ПЕ

1. 把葫芦里的药倒出来 (букв. «вылить лекарство из тыквы-горлянки») – сказать всё, что думаешь, выложить все свои мысли, не скрывая ничего.

2. 百口传说一句话, 芝麻粒儿磨盘大 (букв. «сотня ртов повторяет одно слово – и оно становится размером с зерно кунжута, как круглая мельница») – слухи растут, как снежный ком.

3. 拌蒜加葱 (букв. «добавить чеснок и зелёный лук») – использовать ненужные детали или преувеличения при изложении чего-л., придавая сказанному лишнюю красочность.

4. 笔头生花 (букв. «цветы растут на кончике пера») – письменные работы поражают своим вдохновением и красотой.

5. 笔下生花 (букв. «цветы распускаются под пером») – письменные работы поражают своей красотой и утончённостью.

6. 不蔓不枝 (букв. «не растут боковые лозы, не появляются лишние ветви») – краткость, лаконичность и отсутствие излишних украшений в речи или тексте.

7. 彩笔生花 (букв. «цветное перо создаёт цветы») – о художественном таланте, который приводит к созданию выдающихся произведений.

8. 梨花之论 (букв. «под языком распускаются красивые цветы») – владеть даром слова, быть красноречивым.
9. 缠麻头续麻尾 (букв. «завязывать начало конопляных волокон и продолжать их до конца») – говорить что-то, не прекращая, без логики и связи.
10. 扯葫芦倒秧子 (букв. «тянуть тыкву-горлянку и ронять её рассаду») – говорить бесполезную чепуху, трепаться, не вдаваясь в суть.
11. 词无枝叶 (букв. «слова без ветвей и листьев») – о стиле письма, которое прямо и лаконично, без лишних украшений или деталей.
12. 浮石沉木 (букв. «камень на воде, дерево на дне») – о неправильной или перевёрнутой речи.
13. 灌米汤 (букв. «налить рисовый суп») – использование сладких слов или лестных фраз для обмана или манипуляции.
14. 滚瓜烂熟 (букв. «катящийся арбуз переспел») – говорить или выучить что-то исключительно плавно и уверенно, без ошибок.
15. 滚瓜流水 (букв. «катящийся арбуз и текущая вода») – очень свободно и уверенно говорить, без запинок и замедлений.
16. 憨嘴木舌头 (букв. «глупый рот и деревянный язык») – о человеке, который неуклюж в разговоре, не способен к элегантной беседе.
17. 胡枝扯叶 (букв. «тянуть несуразные ветви и листья») – болтать не по делу, говорить о вещах, не имеющих отношения к сути.
18. 花说柳说 (букв. «цветы и ива говорят») – красивые, но ложные слова.
19. 花甜蜜就 (букв. «слова как цветы и мёд») – красивая речь для обмана и введения в заблуждение.
20. 花言巧语 (букв. «цветочные слова и пышные фразы») – красивые, но пустые слова.
21. 花嘴花舌 (букв. «цветочные уста и язык») – человек с красноречием или навыками убеждения.

22. 惊蛇入草 (букв. «испуганная змея уползает в траву») – скорописное каллиграфическое мастерство.

23. 嚼陈谷子烂芝麻 (букв. «жевать старое зерно и гнилые кунжуты») – говорить о старых, уже не актуальных и неважных вещах, тратить время на пустое повторение.

24. 口吐莲花 (букв. «язык искрится цветком лотоса») – красноречие человека.

25. 口吻生花 (букв. «речь расцветает, как цветы») – речь, полная изящества и красоты.

26. 柳絮才高 (букв. «летающие серёжки ивы, удивительный талант») – человек с исключительным литературным талантом (обычно о женщинах).

27. 路上说话，草里有人 (букв. «говорить на дороге, а в траве могут быть люди») – нужно быть осторожным в словах.

28. 满舌生花 (букв. «под языком расцветают цветы») – уметь хорошо сказать, красноречиво.

29. 没嘴的葫芦 (букв. «тыква-горлянка без рта») – о молчаливом человеке, который вовсе ничего не говорит.

30. 没嘴葫芦 (букв. «тыква-горлянка без рта») – о человеке, который вовсе молчит, несмотря на то, что должен что-то сказать.

31. 美女簪花 (букв. «красавица с цветком в волосах») – изящество и свежесть в поэзии или каллиграфии.

32. 闷葫芦 (букв. «закрытая тыква-горлянка») – о закрытом, молчаливом человеке.

33. 闷葫芦打开塞儿 (букв. «закрытая тыква-горлянка, открытая пробка») – о молчаливом человеке, который начинает говорить.

34. 梦笔生花 (букв. во сне на кончике пера расцветают цветы») – талант и вдохновение писателя.

35. 妙笔生花 (букв. «на кончике прекрасного пера растут цветы») – письменные работы поражают своей красотой и утончённостью.

36. 生花妙笔 (букв. «цветы растут на кончике прекрасного пера») – письменные работы поражают своей красотой и утонченностью.

37. 生花妙语 (букв. «великолепные слова, которые заставляют расцвести цветы») – речь отличается необыкновенной красотой, выразительностью и привлекательностью.

38. 树老根多, 人老话多 (букв. «старое дерево имеет много корней, старый человек много говорит») – пожилые люди говорят много и без остановки.

39. 数冬瓜, 道茄子 (букв. «считать зимние тыквы и говорить о баклажанах») – мелочно и бесконечно говорить о мелочах, часто бессмысленно и навязчиво.

40. 数核桃打枣 (букв. «считать орехи, а колотить финики») – критика различных людей без разбору, часто в хаотичном или бессмысленном порядке.

41. 数黄瓜道茄子 (букв. «считать огурцы и говорить о баклажанах») – бесконечно говорить о мелочах, часто бессмысленно и навязчиво.

42. 天花乱坠 (букв. «небесные цветы осыпаются на землю») – разглагольствовать, витийствовать; расписывать, приукрашивать.

43. 同心之言, 其臭如兰 (букв. «слова, сказанные от одного сердца, благоухают как орхидеи») – если люди имеют схожие цели или взгляды, их разговоры становятся особенно приятными.

44. 文如春华 (букв. «статья или произведение, как весенние цветы») – богатство и изысканность словаря в речи или тексте.

45. 问官答花 (букв. «спрашивают о деле, а отвечают о цветах») – ответ человека не соответствует вопросу.

46. 衔华佩实 (букв. «нести цветы и носить плоды») – о произведении, где форма и содержание совершенно сбалансированны и вместе создают идеальное целое.

47. 心里藏不下一粒芝麻 (букв. «в душе невозможно сохранить хоть зерно кунжута») – человек, который не может держать секреты или что-то в себе.

48. 咏桑寓柳 (букв. «петь о тутовнике, но подразумевать иву») – способность метафорического выражения своих чувств через косвенные образы в литературе.

49. 咏月嘲花 (букв. «петь о луне и цветах») – создание лирических и красивых стихов.

50. 有斧砍得倒树，有理说得倒人 (букв. «с топором можно повалить дерево, с разумом можно склонить человека») – о силе аргументированной речи.

51. 有枝有叶 (букв. «иметь ветви и листья») – речь, полная деталей и примеров, ясная и живая.

52. 枝词蔓说 (букв. «слова как ветви, речи как лозы») – беспорядочные, длинные речи, избыточные в деталях.

53. 枝词蔓语 (букв. «слова как ветви, речи как лозы») – беспорядочные, длинные речи, избыточные в деталях.

54. 枝儿上添叶儿 (букв. «добавить листья на ветвь») – преувеличивать или выдумывать детали в разговоре.

55. 只比葫芦多个嘴 (букв. «только на один рот больше, чем у тыквы-горлянки») – о человеке, который почти ничего не говорит, очень молчалив.

56. 指冬瓜说葫芦 (букв. «указывать на зимнюю тыкву, а говорить о тыкве-горлянке») – когда говорят об одном, но на самом деле имеют в виду другое, делают намёки.

57. 指桑骂槐 (букв. «указывать на тутовник, а бранить акацию») – говорить обиняками, намёками, не напрямую.

58. 竹管开花 (букв. «бамбуковая трубка расцветает») – быстрое мышление и литературный талант.

59. 竹筒倒豆子 (букв. «из бамбуковой трубки высыпают все бобы») – честно и откровенно рассказать обо всём, не скрывая ничего.

60. 抓着葫芦当瓢打 (букв. «хватать тыкву-горлянку, чтобы лить воду») – критиковать или обвинять кого-то без разбора, часто не по делу, нацеливаясь на неправильного человека.

Подгруппа «опыт и знания»: 45 ФЕ и ПЕ

1. 不为萝卜不挑菜 (букв. «не по причине редьки или капусты») – всё имеет свою причину.

2. 草不谢荣于春风，木不怨落于秋天 (букв. «трава не благодарит весенний ветер за своё цветение, деревья не винят осень за своё опадание») – природные явления следуют своему порядку, несмотря на изменения.

3. 沉舟侧畔千帆过，病树前头万木春 (букв. «тысячи парусов проходят мимо затонувшего корабля, весна приходит к больным деревьям») – о непостоянстве судьбы и неизбежности новых начинаний.

4. 仇有源，树有根 (букв. «вражда имеет источник, дерево имеет корень») – всё имеет свою причину.

5. 春兰秋菊 (букв. «весенние орхидеи и осенние хризантемы») – всё приходит с сезоном.

6. 春桃秋菊，物有所时 (букв. «персиковые цветы весной, хризантемы осенью, каждому своё время») – всему своё время.

7. 丰草多华英，茂林多枯枝 (букв. «в богатых травах много увядших цветов, в пышных лесах много сухих ветвей») – даже в самых красивых и богатых местах есть недостатки.

8. 风不来，树不动；船不摇，水不浑 (букв. «без ветра дерево не шевелится; без качки корабль не колыхнется, вода не мутнеет») – за всем стоят причины.

9. 风来树动 (букв. «дерево движется, когда дует ветер») – о естественной реакции на внешние обстоятельства.

10. 甘瓜苦蒂 (букв. «дыня сладкая, но плодоножка горькая») – нет абсолютно идеальных вещей.

11. 甘瓜苦蒂，物无全美 (букв. «как у сладкой дыни горькая плодоножка, так и в мире нет ничего идеально совершенного») – о недостижимости совершенства.

12. 根不动，梢不摇 (букв. «если корень не двигается, то и вершина не колеблется») – без первопричины нет последствий.

13. 瓜熟蒂落 (букв. «когда плод созреет, его плодоножка отпадёт») – о естественном завершении процесса или события.

14. 瓜熟要落蒂，儿大要自立 (букв. «когда плод созреет, он отпадает; когда дети вырастают, они станут независимыми») – о естественном процессе взросления.

15. 瓜熟自落蒂，水到自成川 (букв. «когда плод созреет, его плодоножка отпадёт, когда вода течёт, она формирует реку») – всё происходит естественно при достижении условий.

16. 好景难常，名花易落 (букв. «хорошие времена трудно сохранить, знаменитые цветы легко опадают») – хорошее редко бывает постоянным.

17. 花开花落终有时 (букв. «цветение и опадение цветов неизбежны и наступают в своё время») – о неизбежности перемен в жизни.

18. 花开花谢自有时 (букв. «цветение и опадение цветов происходят согласно своему естественному ритму») – о естественном течении жизни и времени.

19. 花开在春天，读书在少年 (букв. «цветы цветут весной, учёба – в молодости») – о важности обучения в молодом возрасте.

20. 花未全开月未圆 (букв. «цветок ещё не полностью распустился, луна ещё не полная») – невозможно достичь совершенства.

21. 花无常开，月有盈缺 (букв. «цветы не цветут всегда, у луны есть фазы роста и убыли») – о непостоянстве и естественных изменениях.

22. 花有重开日，人无再少年 (букв. «у цветов есть дни повторного цветения, у людей нет второй молодости») – молодость не возвращается.

23. 华不堕则实不结，岸不亏则谷不盈 (букв. «если цветы не упадут, плоды не завяжутся; если берег не разрушится, долина не расширится») – о необходимости жертв и потерь для достижения больших результатов.

24. 苦瓠连根苦，甜瓜彻蒂甜 (букв. «горькая горлянка горька от корня, сладкая дыня сладка до плодоножки») – последствия соответствуют истокам.

25. 玫瑰花可爱，刺大扎手 (букв. «роза прекрасна, но шипы больно колют») – красота может быть обманчивой.

26. 梅花优于香，桃花优于色 (букв. «у сливовых цветов аромат лучше, у персиковых цветов цвет ярче») – об уникальности каждого человека.

27. 梅须逊雪三分白，雪却输梅一段香 (букв. «слива уступает снегу в белизне, но снег уступает сливе в аромате») – у каждого есть свои сильные и слабые стороны.

28. 美丽的玫瑰总是带刺的 (букв. «красивая роза всегда растёт с шипами») – красота может быть вредной.

29. 明月不常圆，好花容易落 (букв. «яркая луна не всегда полная, красивые цветы легко опадают») – о непостоянстве хорошего.

30. 木有本，水有源 (букв. «дерево имеет корень, вода имеет источник») – всё имеет свои истоки.

31. 人无千日好，花无百日红 (букв. «как у человека не бывает тысячи хороших дней, так и у цветка нет ста дней цветения») – обратная сторона хорошего – дурное.

32. 三年桃，四年杏，十月怀胎才成人 (букв. «три года для дерева персика, четыре для дерева абрикоса, десять месяцев беременности для рождения человека») – о необходимости времени для развития и созревания.

33. 什么藤结什么瓜，什么树开什么花 (букв. «какова плеть, таков и плод, каково дерево, таковы и цветы») – результат соответствует исходным условиям.

34. 失之东隅，收之桑榆 (букв. «в месте восхода солнца на востоке что-то потеряно, а возле деревьев тутовника и вяза, где солнце заходит, другое что-то найдено») – о переменчивости судьбы и возможности возмещения утрат.

35. 树无百年荣 (букв. «нет дерева, которое цвело бы сто лет») – о неизбежности изменений.

36. 水从源流树从根 (букв. «вода течёт из источника, дерево растёт из корня») – за всем стоят причины.

37. 特意栽花花不活，无心插柳柳成荫 (букв. «если специально посадить цветы, они не выживут, но случайно посаженная ива даст тень») – иногда неожиданные действия приводят к лучшим результатам.

38. 特意种花栽不活，等闲携酒却成欢 (букв. «если специально посадить цветы, они не выживут, но случайное питьё вина принесёт радость») – иногда неожиданные события приводят к удаче.

39. 无风树不动，要动就有风 (букв. «без ветра дерево не движется, если движется, значит есть ветер») – всё происходит по причинам.

40. 叶落各有期，花开自有时 (букв. «у каждого листа свой срок падения, у каждого цветка своё время распускания») – о естественных циклах в природе и жизни.

41. 有根才开花，有蔓才结瓜 (букв. «чтобы цветы расцвели, нужно иметь корни; чтобы плоды завязались, нужно иметь плети») – всё имеет свои предпосылки.

42. 月圆易缺，花好易残 (букв. «полная луна быстро убывает, красивые цветы быстро увядают») – о кратковременности красоты и счастья.

43. 再实之木，其根必伤 (букв. «дерево, плодоносящее дважды в год, неизбежно получает повреждения корней») – излишние блага несут в себе потенциальные проблемы.

44. 赠人玫瑰，手有余香 (букв. «даря другим розы, рука сохраняет аромат») – делая добрые дела, мы также приносим радость себе.

45. 种什么花，结什么果 (букв. «посадишь какой цветок, получишь какой плод») – результат соответствует вложенным усилиям.

Категория «моральные характеристики»: 220 ФЕ и ПЕ

Подгруппа «положительные качества»: 130 ФЕ и ПЕ

1. 把兔子绑在树上才撒鹰 (букв. «привязать кролика к дереву, прежде чем выпустить орла») – об осторожности, с полной подготовкой и уверенностью в успехе.

2. 掰开竹叶看梅花 (букв. «раздвигать листья бамбука, чтобы увидеть цветы сливы-мэй») – исследовать суть проблемы, чтобы понять её настоящую природу.

3. 拨草瞻风 (букв. «расчищать траву, чтобы смотреть на ветер») – быть внимательным и наблюдательным.

4. 不结子花休要种，无义之人不可交 (букв. «не стоит сажать цветы, которые не будут давать семян, не стоит дружить с бессмысленными людьми») – не стоит общаться с нечестными людьми.

5. 不经一番寒彻骨，怎得梅花扑鼻香 (букв. «не пережив холод, пронизывающий до костей, как можно насладиться ароматом сливы-мэй») – без труда не вытащишь и рыбку из пруда.

6. 不盘根错节，何以别利器 (букв. «не встретив переплетённых корней, не можешь отличить нож острый от тупого») – в сложных ситуациях раскрываются настоящие качества человека.

7. 不食周粟 (букв. «не есть зерно проса династии Чжоу») – человек с высоким моральным духом не идёт на компромисс с властью, которую он не признаёт.

8. 不为五斗米折腰 (букв. «не согнуться за пятьдесят литров риса») – высокое достоинство, нежелание поступаться своими принципами ради материальной выгоды.

9. 不遇盘根错节，不足以见利器 (букв. «не встретив переплетённых корней, не можешь отличить нож острый от тупого») – через преодоление жизненных испытаний можно оценить настоящие качества человека.

10. 草要连根拔 (букв. «трава должна быть вырвана с корнями») – устранять проблему до конца, не оставляя зачатков.

11. 草有灵芝木有椿，禽有鸾凤兽有麟 (букв. «трава имеет линчжи, дерево имеет цедрелу, птицы имеют фениксов, звери имеют единорогов») – в каждой области есть выдающиеся личности или уникальные представители.

12. 成竹在胸 (букв. «в душе иметь готовый бамбук») – иметь ясное представление о способе решения задачи, быть в полной готовности.

13. 吃的盐和米，讲的情和理 (букв. «есть соль и рис, и следует говорить доводы и истину») – честные люди соблюдают мораль.

14. 寸钉才入木，九牛拽不出 (букв. «маленький гвоздь уже вбит в дерево, девять быков не вытащат его») – невозможность отступить, когда что-то уже сделано.

15. 大木百寻，根积深也；沧海万仞，众流成也 (букв. «большое дерево растёт в высоту благодаря глубоко укоренившимся корням; море глубокое потому, что оно собирает в себя многие реки») – для достижения успеха необходимо долгое время и упорная работа.

16. 大树砍不倒，小草站不牢 (букв. «большое дерево не сломается, а маленькая трава не может стоять прямо») – сильный и решительный человек не сломается даже в самых сложных ситуациях.

17. 到什么山，砍什么柴；进什么林，打什么鸟 (букв. «иди в горы – руби дрова, иди в лес – бей птиц») – действовать в соответствии с обстоятельствами.

18. 稻草秆子拗不过死榆木 (букв. «соломенные стебли не могут победить крепкий вяз») – слабые и хрупкие люди не могут справиться с сильными и решительными.

19. 低头驴子吃饱草 (букв. «смирный осёл питается травой») – скромные люди получают свои плоды труда, не стремясь к громкому вниманию.

20. 二鸟在林，不如一鸟在手 (букв. «две птицы в лесу не стоят одной в руке») – лучше синица в руках, чем журавль в небе.

21. 伐木当伐根，攻敌当攻坚 (букв. «при рубке дерева нужно рубить корни, при атаке врага – сначала атаковать его оборонительные укрепления») – начинать с решения наиболее важных проблем, прежде чем двигаться к менее значимым.

22. 甘瓜抱苦蒂，美枣生荆棘 (букв. «сладкая дыня растёт с горьким стеблем, сладкий финик растёт в терновнике») – успех часто достигается через трудности.

23. 甘蔗老头甜 (букв. «старый сахарный тростник становится слаще») – с возрастом опыт и мудрость увеличиваются.

24. 刚毅木讷 (букв. «твёрдость, смелость, деревянность и осторожность») – четыре качества человека: решительность, воля, скромность и осторожность.

25. 根浅则枝叶短，本绝则枝叶枯 (букв. «если корни слишком мелкие, ветви и листья не будут расти; если корни отсечены, ветви и листья засохнут») – нужно обратить внимание на основу или фундамент проблемы.

26. 根生，叶安得不茂；源发，流安得不广 (букв. «если корень растёт, то и листья не останутся скромными; если источник открыт, река не останется узкой») – глубокие и крепкие основы создают большие достижения и успехи.

27. 根要深，人要真 (букв. «корни должны быть глубокими, человек – искренним») – быть честным.

28. 孤蓬自振 (букв. «одинокий мелколепестник поднимается сам, несмотря на ветер») – человек, переживший трудности, стремится к восстановлению и успеху.

29. 瓜田不纳履，李下不整冠 (букв. «не надевай обувь на арбузном поле, не поправляй шляпу под сливовым деревом») – осторожно избегать действий, которые могут вызвать сомнения или недопонимания.

30. 桂林一枝 (букв. «одна ветвь османтуса») – о благородном незаурядном, выдающемся человеке.

31. 果子离不开枝子, 瓜儿离不开蔓儿 (букв. «плоды не могут быть без ветвей, а арбузы не могут быть без плетей») – человек не должен забывать свои корни и основы.

32. 寒花晚节 (букв. «цветы, растущие в холоде, сохраняют свою стойкость») – человек сохраняет свою добродетель и мораль даже в старости или в трудные времена.

33. 寒暑不能移, 岁月不能败者, 惟松柏为然 (букв. «мороз и жара не могут изменить сосну, годы не могут ослабить кипарис») – стойкие люди сохраняют свою решимость и моральные качества, несмотря на жизненные трудности и время.

34. 好花开在一树 (букв. «хорошие цветы растут на одном дереве») – прекрасные люди часто сосредоточены в одном месте или среди одного круга, что делает их более значимыми.

35. 好马不吃回头草 (букв. «хороший конь не ест траву, которая растёт на пройденном пути») – человек с целеустремлённостью всегда движется вперёд.

36. 花如解笑还多事, 石不能言最可人 (букв. «если цветок может смеяться, он будет создавать много проблем, камень молчит, что больше нравится людям») – молчание и осторожность ценятся больше, чем лишние слова или действия.

37. 花有重开月再圆, 山有相逢石也有穿 (букв. «цветы могут снова зацвести, луна может снова стать полной, горы могут встретиться, а камни могут быть истёрты») – важно действовать целеустремлённо и терпеливо.

38. 华实相称 (букв. «цветы и плоды соответствуют друг другу») – талант имеет гармоничное сочетание внешней привлекательности и внутренней ценности.

39. 黄花晚节 (букв. «хризантемы, цветущие в поздний сезон») – человек сохраняет свою честность и стойкость до конца жизни.

40. 黄梅落地擂三擂, 青梅落地扑地碎 (букв. «жёлтые сливы падают на землю и выдерживают несколько ударов, а зелёные сливы сразу же разбиваются») – пожилые люди легче справляются с трудностями, чем молодые.

41. 蕙心兰质 (букв. «душа прекрасна, как орхидея») – чистота, утончённость и элегантность характера женщины.

42. 疾风劲草 (букв. «сильный ветер показывает крепкую траву») – в тяжёлых и трудных условиях можно узнать силу и стойкость.

43. 疾风知劲草 (букв. «сильный ветер выявляет крепкую траву») – только в условиях испытаний можно понять истинные качества человека.

44. 剪草除根，萌芽不发 (букв. «срезать траву и вырвать корни, чтобы новые побеги не росли») – решительно и окончательно устранить причину проблемы с самого начала.

45. 姜桂之性，到老愈辣 (букв. «имбирь и корица с возрастом становятся острее») – о людях, чья решимость и стойкость усиливаются с годами.

46. 姜是老的辣 (букв. «старый имбирь острее на вкус») – о людях, чья решимость и стойкость усиливаются с годами.

47. 交人交心，浇树浇根 (букв. «общаться с людьми по духу, поливать дерево под корень») – нужно быть искренним и открытым в общении с людьми.

48. 结交莫学三春桃，因风吐艳随风飘 (букв. «не заводи друзей, как цветы персика в марте, которые цветут на ветер и уносятся с ним») – быть искренним и верным, не меняющимся в зависимости от обстоятельств.

49. 今年吃苦菜，来年中状元 (букв. «в этом году ешь горькие травы, а в следующем году станешь лучшим на экзамене») – после тяжёлых испытаний приходит радость и награда.

50. 就木说木，就竹说竹 (букв. «говорить о дереве как о дереве, говорить о бамбуке как о бамбуке») – быть честным и искренним.

51. 砍瓜切菜 (букв. «рубить арбуз и нарезать овощи») – быстро и уверенно выполнять работу, о решительности.

52. 看菜吃饭，量体裁衣 (букв. «смотри на еду, когда ешь, и измерь ткань, когда шьёшь») – всё должно зависеть от обстоятельств и быть реальным для ситуации.

53. 看树看皮，看人可得看底 (букв. «чтобы узнать о дереве, нужно смотреть на его кору; чтобы узнать о человеке, нужно исследовать его внутреннее») – важно исследовать суть дела.

54. 可使食无肉，不可居无竹 (букв. «можно жить без мяса, но нельзя жить без бамбука») – человек может жить в бедности, но не может жить без высоких моральных принципов.

55. 空谷幽兰 (букв. «прекрасная орхидея среди горной долины») – о человеке с благородным характером.

56. 快刀砍西瓜 (букв. «острым ножом рубить арбуз») – быстро и решительно решить проблему.

57. 快刀斩乱麻 (букв. «острым ножом срезать спутанную коноплю») – действовать быстро и решительно.

58. 辣椒还是老的辣 (букв. «старый имбирь острее») – старые люди опытнее и умнее.

59. 兰心蕙性 (букв. «душа прекрасна, как орхидея») – чистота, утончённость и элегантность характера женщины.

60. 兰幽香风远，松寒不改容 (букв. «орхидея пахнет далеко в тихом месте, сосна не меняет своей внешности даже в холода») – благородный человек всегда сохраняет свою чистоту и стойкость.

61. 老姜越老越辣 (букв. «старый имбирь с возрастом становится острее») – с возрастом опыт и мудрость увеличиваются.

62. 烈火非不猛，不耗百炼金；寒霜非不严，不凋竹柏林 (букв. «огонь не менее горяч, но золото выдерживает сто испытаний; мороз не менее жесток, но сосна и бамбук не увядают») – человек выдерживает испытания жизни и не теряет своего достоинства.

63. 路是人开的，树是人栽的 (букв. «дорогу прокладывает человек, и дерево сажает человек») – успех зависит от усилий и настойчивости человека.

64. 落红不是无情物，化作春泥更护花 (букв. «опавшие цветы не бесплодны, весной они становятся частью почвы, которая помогает новым цветам расти») – человек продолжает вносить вклад в будущее даже в старости или после пережитых трудностей.

65. 木干鸟栖 (букв. «птицы гнездятся на сухих деревьях») – быть верным и непоколебимым в своих убеждениях, даже в самых трудных ситуациях.

66. 木无根则槁，灯无膏则灭，鱼无水则死 (букв. «дерево без корней увядает, лампа без масла гаснет, рыба без воды умирает») – без основ и жизненных принципов невозможно существовать.

67. 嫩姜没有老姜辣 (букв. «молодой имбирь не такой острый, как старый») – молодой человек не сравнивается с пожилым по опыту и мудрости.

68. 宁吃仙桃一口，不吃烂杏一筐 (букв. «лучше съесть один небесный плод персика, чем целую корзину гнилых плодов абрикоса») – строгость к качеству, а не к количеству.

69. 宁为兰摧玉折，不为瓦砾长存 (букв. «лучше быть уничтоженными орхидеями и нефритом, чем жить как обломки кирпичей») – человек с моральными принципами предпочтёт погибнуть, чем жить в унижении.

70. 蓬生麻中，不扶而直 (букв. «тростник растёт среди конопли, и она растёт прямо, не опираясь на что-л.») – человек сохраняет свою стойкость и прямоту, несмотря на окружающую среду.

71. 蒲柳之姿，望秋先落；松柏之质，经霜弥茂 (букв. «ива и тополь теряют листву с приходом осени, а сосна и кипарис становятся только крепче от морозов») – через жизненные трудности сильные люди становятся ещё сильнее.

72. 岂不罹凝寒，松柏有本性 (букв. «разве не подвергаются ли сосны и кипарисы морозу? Но они сохраняют свою природу») – люди столкнутся с трудными ситуациями и выдержат любые испытания.

73. 茄子不开虚花，真人不说假话 (букв. «баклажан не цветёт фальшивыми цветами, настоящий человек не говорит лжи») – важно быть честным.

74. 锲而舍之，朽木不折；锲而不舍，金石可镂 (букв. «если прекратить резьбу, то гнилое дерево не поддастся; если не остановиться, то даже камень и металл можно вырезать») – настойчивость и упорство приносят успех, а полумеры ничего не дадут.

75. 琼林玉质 (букв. «лес из нефрита, дерево с нефритовыми свойствами») – человек с идеальной моралью и внешней красотой.

76. 琼枝玉树 (букв. «ветвь нефритового дерева») – человек с прекрасной внешностью и моральными качествами.

77. 秋茄晚结，菊花晚发 (букв. «осенний баклажан поздно завязывается, а хризантема поздно цветёт») – даже в старости человек может достичь большого успеха.

78. 燃荻夜读 (букв. «зажигать тростник ночью для освещения, чтобы учиться») – человек, несмотря на бедность, учится упорно.

79. 燃糠自照 (букв. «поджигать мякину для чтения по ночам») – человек стремится к знаниям, несмотря на трудности.

80. 人淡如菊 (букв. «характер человека спокойный, как хризантема») – душевное спокойствие человека.

81. 人活脸，树活皮 (букв. «человек живёт лицом, дерево живёт корой») – человек ценит свою честь и достоинство.

82. 人活心，树活根 (букв. «человек живёт сердцем, дерево живёт корнями») – о важности искренности и честности.

83. 人活一口气，树活一层皮 (букв. «человек живёт своим достоинством, дерево – своей корой») – человек должен жить достойно.

84. 人将礼乐为先，树将花果为圆 (букв. «человек ставит на первое место уважение, а дерево стремится к цветам и плодам») – человек должен уважать правила и принципы, чтобы добиться успеха.

85. 人怕丢脸，树怕剥皮 (букв. «человек боится потерять лицо, а дерево – быть лишённым коры») – о важности чести, репутации и достоинства.

86. 人怕没脸，树怕没皮 (букв. «человек боится остаться без лица, как дерево – без коры») – о необходимости сохранять человеческое достоинство и мораль.

87. 人人有面，树树有皮 (букв. «у каждого человека есть лицо, у каждого дерева есть кора») – достоинство важны для каждого.

88. 人生岂草木，寒暑移此心 (букв. «разве жизнь – это трава или дерево, что меняет свою природу в зависимости от зимы и лета?») – человек остаётся верным своим убеждениям, несмотря на внешние изменения.

89. 人之不学，犹谷未成粟，米未为饭也 (букв. «человек, который не учится, как незрелое зерно, которое не стало рисом и не может быть едой») – необходима учёба для достижения целей.

90. 三日不弹，手生荆棘 (букв. «три дня не играй на музыкальном инструменте, и на пальцах растёт терновник») – необходимо постоянное упражнение и практика, чтобы достичь мастерства.

91. 绳锯木断，水滴石穿 (букв. «верёвка пилит дерево, капли воды протачивают камень») – настойчивость и упорство приводят к успеху.

92. 势如破竹 (букв. «сила подобна раскалыванию бамбука») – о решительности, быстром достижении целей.

93. 树高而曲，不如短而直 (букв. «дерево высокое, но кривое, не так хорошо, как короткое, но прямое») – качество важнее внешности.

94. 树靠一张皮，人争一口气 (букв. «дерево зависит от коры, человек – от своего достоинства») – человек должен иметь стойкость и достоинство.

95. 树老心空，人老百通 (букв. «у старого дерева сердце полое, старые люди знают всё») – пожилые люди с опытом жизни понимают всё.

96. 树怕剥皮，人怕揭短 (букв. «дерево боится лишиться коры, человек боится раскрытия своих слабостей») – человек ценит своё лицо и честь.

97. 树怕没根，人怕没理 (букв. «дерево не выживет без корней, человек не сможет жить без принципов») – для человека важно придерживаться своих моральных принципов.

98. 树怕软藤缠 (букв. «дерево боится, когда мягкая лоза обвивает его») – гибкость может быть более эффективной, чем стойкость в определённых ситуациях.

99. 树要直，人要实 (букв. «дерево должно быть прямым, а человек честным») – о чести человека.

100. 树长根，人长心 (букв. «дерево растёт от корней, человек растёт от сердца») – успех человека зависит от его внутренней силы и честности.

101. 树正不怕月影斜 (букв. «прямое дерево не боится кривой тени от луны») – честному человеку не страшны слухи или обвинения.

102. 水米无交 (букв. «не пить воды и не есть риса у другого») – человек остаётся честным и независимым, не принимает взятки.

103. 松柏后凋 (букв. «сосна и кипарис последними увядают») – люди сохраняют свою стойкость и честность.

104. 松柏之茂 (букв. «пышность сосны и кипариса») – прочность и стойкость, несмотря на внешние обстоятельства.

105. 松柏之志 (букв. «стремление сосны и кипариса») – стойкость и упорство, твёрдость в характере.

106. 松风水月 (букв. «сосновый ветер, лунный свет на воде») – чистота и ясность, как в характере человека, так и в его действиях.

107. 松筠之节 (букв. «характер сосны и бамбука») – твёрдость, крепость и прямота.

108. 松贞柏劲 (букв. «стойкость сосны и сила кипариса») – стойкость в характере, неизменность в сложных условиях.

109. 松贞玉刚 (букв. «стойкость сосны и прочность нефрита») – чистота и моральная непоколебимость.

110. 岁寒松柏 (букв. «сосна и кипарис в холодное время») – воплощение выносливости, несгибаемости человека, не меняющегося от невзгод.

111. 探本穷源 (букв. «искать корни и источники») – глубоко изучить причины проблемы, чтобы понять её суть.

112. 桃李不言，下自成蹊 (букв. «персиковые и сливовые деревья молчат, но люди невольно тянутся к ним, и под ними образуется тропа») – добродетели невольно привлекают внимание и уважение.

113. 天若不降严霜，松柏不如蒿草 (букв. «если бы не было сурового мороза, сосна и кипарис не были бы отличимы от полыни») – только в трудных условиях проявляются истинные качества.

114. 天若无雪霜，青松不如草 (букв. «если бы не было снега и инея, вечнозеленая сосна была бы хуже травы») – только в трудных условиях проявляются истинные качества.

115. 为草当作兰，为木当作松 (букв. «будь как орхидея среди трав и как сосна среди деревьев») – человек стремится к чистоте и стойкости.

116. 梧桐断角 (букв. «утун, хоть и мягкое дерево, может сломать твёрдый угол») – гибкость может быть более эффективной, чем стойкость в определённых ситуациях.

117. 溪河杨柳影，不碍小舟行 (букв. «отражение ивы в реке не мешает маленькому судну плыть») – слабые и незначительные препятствия не могут помешать сильным и решительным людям двигаться вперёд.

118. 下马看花 (букв. «слезть с лошади и рассматривать цветы») – внимательно изучить ситуацию, углубиться в детали, провести исследование или анализ.

119. 胸有成竹 (букв. «в душе иметь готовый бамбук») – быть в полной готовности.

120. 秀干终成栋, 精钢不作钩 (букв. «высокое дерево в конце концов станет опорой, а чистая сталь не пригодится для создания крючков») – выдающиеся личности обречены на великие дела, в то время как малые цели не для них.

121. 瑶林琼树 (букв. «прекрасные деревья, сделанные из нефрита») – человек с исключительным внешним видом и моральными качествами.

122. 一个萝卜一个坑 (букв. «для каждой редьки – своя ямка») – каждый человек занимается своим делом и должен быть ответственным.

123. 一枝独秀 (букв. «одна ветвь выделяется среди других») – быть выдающимся среди остальных.

124. 沅芷澧兰 (букв. «ароматные орхидеи у рек Юань и Ли») – человек с высокими моральными принципами.

125. 愿君学长松, 慎勿作桃李 (букв. «желаю тебе быть как сосна, осторожно, не становись как дерево персика или сливы») – быть стойким и решительным, не поддаваться внешним воздействиям.

126. 斩草除根 (букв. «скосить траву и вырвать корни») – уничтожить проблему полностью и решительно.

127. 贞松劲柏 (букв. «стойкая сосна и крепкий кипарис») – идея стойкости и устойчивости к жизненным трудностям.

128. 芝兰生深林, 非为无人而不香 (букв. «аромат орхидеи не исчезает, хотя никто не ощущает его в глубоком лесу») – добродетельные люди не теряют своей ценности и достоинства, даже если их никто не замечает или не оценивает.

129. 芝兰玉树 (букв. «душистые орхидеи, прекрасные деревья») – благородные люди с высокими моральными качествами.

130. 竹死不变节, 花落有余香 (букв. «бамбук, даже умирая, сохраняет свою стойкость, а цветы, даже падая, сохраняют свой аромат») – человек сохраняет свою честь и достоинство даже в трудные времена.

Подгруппа «отрицательные качества»: 90 ФЕ и ПЕ

1. 鹤鹑嗦里寻豌豆 (букв. «искать горох в пищеводе перепела») – о чрезмерной жадности и скупости.
2. 不稂不莠 (букв. «ни сорняк, ни трава») – человек не имеет ни ценности, ни полезности.
3. 草草了事 (букв. «делать дело как косить траву») – спешно, небрежно завершить дело.
4. 草虫食草，岂知重味之甘；蚯蚓啼洼，不解汪洋之海 (букв. «травоядные насекомые знают только вкус травы, не понимая изысканности других вкусов, а дождевой червь живёт в ямке, не может понять величия океана») – человек ограничен в своём восприятии и не понимает истинных масштабов.
5. 草腹菜肠 (букв. «травяной желудок, овощные кишки») – ничтожество.
6. 草菅人命 (букв. «убивать человека как будто убивать травинку») – пренебрежение к человеческой жизни.
7. 草头蛇混充真龙天子 (букв. «змея на траве выдаёт себя за истинного дракона») – низкие люди пытаются притворяться великими или благородными.
8. 朝着柳树要枣吃 (букв. «требовать финики, указывая на иву») – о том, кто требует невозможного.
9. 吃生葱的 (букв. «тот, кто ест сырой лук») – о людях, говорящих грубо или неприятно.
10. 吃柿子拣软的捏 (букв. «есть хурму, выбирая мягкую») – о том, кто выбирает слабых для обиды.
11. 樗栎庸材 (букв. «обычный материал из айланта и дуба») – о непригодности человека к значительным достижениям.
12. 粗枝大叶 (букв. «толстые ветви и большие листья») – небрежный, неаккуратный.
13. 寸草不留 (букв. «не оставлять ни одной травинки») – уничтожить всё дотла, не оставить ничего.
14. 掉下树叶怕砸破脑袋 (букв. «боится, что упавший лист разобьёт голову») – о чрезмерной боязливости и осторожности.
15. 豆芽弗好做柱，丫头弗好作主 (букв. «ростки бобов не годятся для столба, девушка не годится быть хозяйкой») – неспособный стать кандидатом для серьёзной роли.

16. 毒蛇口里吐莲花 (букв. «изо рта ядовитой змеи высунулся лотос») – о коварстве и лицемерии.

17. 肚生荆棘 (букв. «в животе растёт терновник») – о злобном и коварном человеке.

18. 恶狗咬人不露牙，毒蛇口里吐莲花 (букв. «злой пёс кусает, не показывая зубов, ядовитая змея изо рта высовывает лотос») – о людях, которые хитры и умеют мастерски маскировать свои намерения.

19. 凡桃俗李 (букв. «обычные персиковые и сливовые деревья») – о незначительности человека.

20. 放着熟葡萄不吃，单捡酸的吃 (букв. «спелый виноград не ест, а выбирает кислый») – человек отказывается от хорошего и сам выбирает трудности или неудобства.

21. 飞蓬乘风 (букв. «мелкопестник уносится ветром») – о человеке, который часто меняет свои взгляды в зависимости от обстоятельств.

22. 焚林而畋，竭泽而渔 (букв. «сжигать леса ради охоты, осушать водоёмы ради рыбалки») – о недалёковидности и разрушительных действиях ради краткосрочной выгоды.

23. 焚林竭泽 (букв. «сжигать лес и осушать водоёмы») – человек думает только о краткосрочной выгоде и не заботится о будущем.

24. 风里杨花 (букв. «цветок тополя в ветре») – о легкомысленном, непостоянном человеке.

25. 风里杨花滚上滚下 (букв. «цветок тополя ветром поднимается и опускается») – о человеке, меняющем свои взгляды, непостоянном.

26. 根子不正秧子歪 (букв. «если корень кривой, то и росток будет искривлён») – у плохого человека плохие поступки.

27. 光叫马儿跑，不叫马儿吃草 (букв. «заставлять лошадь бежать, но не кормить её») – использовать чью-то помощь, не заботясь о благополучии помощника.

28. 锅滚等不及豆烂 (букв. «когда вода в котле закипает, но не дожидаться, пока бобы сварятся») – о нетерпеливости и поспешности в действиях.

29. 蒿兰同臭 (букв. «полынь и орхидея пахнут одинаково») – человек не отличает хорошее от плохого, не правильно оценивает.

30. 黑豆皮上刮漆 (букв. «скрести кожуру с поверхности чёрного боба») – о крайней жадности, пытаться извлечь пользу даже из мельчайших вещей.

31. 猢猻种树，弗了不住 (букв. «обезьяна сажает дерево, постоянно сажая его и выдёргивая, не может остановиться») – поспешные и непродуманные действия, приводящие к неудаче.

32. 花花肠子 (букв. «кишки человека изогнуты, как цветы») – злость, коварство.

33. 花花公子 (букв. «молодой господин, как цветок») – повеса, мажор.

34. 花娇柳嬾 (букв. «цветы прекрасны, ивы изогнуты») – о женщинах, привлекающих своей красотой и легкомыслием.

35. 花貌蓬心 (букв. «внешность как цветок, сердце как тростник») – человек красив снаружи, пуст внутри.

36. 花枝叶下犹藏刺，人心怎保不怀毒 (букв. «под цветами всё же скрыты шипы, как можно быть уверенным, что в сердце нет яда») – о непредсказуемости человеческого сердца.

37. 华而不实 (букв. «приносят цветы, но не дают плодов») – человек красив, но пуст внутри.

38. 华而不实，无益于治 (букв. «дают цветы, но не приносят плодов, это бесполезно для управления») – о красивом, но пустом человеке.

39. 今天栽树，明天要果子 (букв. «посадить дерево сегодня, хотеть урожай завтра») – нетерпеливость, стремление к быстрым результатам.

40. 看自己一朵花，看别人一脸疤 (букв. «видеть себя как цветок, а других как лицо со шрамами») – о людях, которые видят только свои достоинства и недостатки других.

41. 糠里榨油 (букв. «выжимать масло из отрубей») – о чрезмерной скупости.

42. 空心萝卜 (букв. «пустотелая редька») – бесполезный человек.

43. 兰艾同焚 (букв. «сжигать орхидеи и полынь вместе») – неспособность различать хорошие и плохие вещи.

44. 烂杏熬倭瓜 (букв. «варить испорченные абрикосы с тыквой») – некачественные люди смешиваются вместе.

45. 良莠不齐 (букв. «хорошие и плохие травы растут вместе») – хорошие и плохие люди смешиваются вместе.

46. 良莠淆杂 (букв. «хорошие и плохие травы перепутаны») – хорошие и плохие люди смешиваются вместе.

47. 柳圣花神 (букв. «святая ива, божественный цветок») – о красивой, легкомысленной женщине, вызывающей восхищение мужчин.

48. 绿豆苍蝇 (букв. «мухи как зелёные бобы») – о людях, привлекаемых гнилью, которые стремятся к разложению и коррупции.
49. 麦秸火脾气 (букв. «нрав, как пламя от соломы пшеницы») – человек с горячим, вспыльчивым нравом.
50. 棉花耳朵风车心 (букв. «уши из ваты, сердце как ветряк») – о человеке, легко поддаваемом влиянию.
51. 棉里针, 肉里刺 (букв. «игла в хлопке, колючка в мясе») – скрытая злоба, язвительность.
52. 苗而不秀 (букв. «есть ростки, но нет колоса») – у человека есть потенциал, но нет достижений.
53. 木不可雕也, 粪土之墙不可圻也 (букв. «гнилое дерево не подлежит резьбе, грязная стена не подлежит штукатурке») – безнадёжный человек.
54. 木强则折, 革固则裂 (букв. «сильное дерево ломается, жёсткая кожа рвётся») – об упорстве и твёрдости, которые могут привести к разрушению.
55. 弩马恋栈豆 (букв. «небыстрая лошадь привязана к бобам») – люди с ограниченными возможностями довольствуются малым, не стремясь к большим достижениям.
56. 弃车走林 (букв. «бросить повозку и убежать в лес») – о побеге с поля боя.
57. 墙头草 (букв. «трава на стене») – о человеке, который легко меняет свои убеждения.
58. 墙头草, 两边倒 (букв. «трава на вершине стены падает в обе стороны») – человек часто меняет свои взгляды или позиции в зависимости от обстоятельств.
59. 荞麦皮里榨油 (букв. «выжимать масло из шелухи гречихи») – жестокое эксплуатирование, попытка извлечь максимум выгоды из бедных.
60. 罄竹难书 (букв. «не хватит бамбука для записи») – преступлений настолько много, что их невозможно перечислить.
61. 揉不得东瓜, 揉你这马勃 (букв. «не могу потрогать зимнюю тыкву, потрогаю твой гриб ложнодождевиковый») – о человеке, который боится сильного, поэтому обижает слабого.
62. 杀人如麻 (букв. «убивать людей, как коноплю») – массово убивать людей, производить резню.

63. 舍甜桃而寻苦李 (букв. «отказаться от сладкого персика и искать горькую сливу») – человек делает ошибочный выбор, отвергая хорошее ради худшего.

64. 生成的豆芽长不成树 (букв. «ростки бобов не станут деревом») – человек, неспособный достичь величия.

65. 十个女流，九个杨花水性 (букв. «из десяти женщин девять как цветок тополя или как текучая вода») – о женщинах, склонных к легкомыслию и изменчивости.

66. 熟甜瓜软处偏捏 (букв. «щипать мягкие места на спелой сладкой дыне») – о человеке, который специально выбирает слабых для унижения.

67. 树大了空心，财多了黑心 (букв. «большое дерево пустое внутри, много денег делает сердце чёрным») – человек с большими деньгами склонен к жёсткости.

68. 树一老，遭虫咬；人一老，迷心窍 (букв. «дерево, как только состарится, так его едят насекомые; человек, как только состарится, так его манит алчность») – с возрастом люди становятся более уязвимыми для мошенничества и алчности.

69. 水随大流草随风 (букв. «вода следует за течением, трава – за ветром») – о людях, легко поддающихся влиянию.

70. 四体不勤，五谷不分 (букв. «не способен к труду и не различает пять злаков») – ленив и невежествен.

71. 逃命草间 (букв. «спасаться бегством среди травы») – о попытке скрыться в экстренной ситуации.

72. 挑软杏儿捏 (букв. «выбирать мягкие абрикосы для щипания») – о том, кто выбирает слабых для унижения.

73. 王婆卖瓜，自卖自夸 (букв. «старушка Ван продаёт арбузы, сама хвалит свои арбузы») – о человеке, который хвалит себя или свои товары.

74. 望梅止渴 (букв. «утолять жажду, издали глядя на плоды сливы») – утешаться мечтами, утешать себя химерой.

75. 五谷不熟，不如萁稗 (букв. «если пять злаков не созрели, то они хуже сорняков») – незрелая молодёжь хуже простецов.

76. 胸中柴棘 (букв. «в груди человека есть колючий терновник») – о зловещем и коварном человеке.

77. 朽木粪墙 (букв. «гнилое дерево, навозная стена») – неисправимо плохой человек.
78. 朽木粪土 (букв. «гнилое дерево и глина с навозом») – о неисправимо дурном, гнилом человеке.
79. 朽木难成器 (букв. «трудно сделать что-то полезное из гнилого дерева») – бесполезный человек.
80. 朽木之材 (букв. «материал из гнилого дерева») – бесполезный человек.
81. 秀而不实 (букв. «красивые цветы, но не дают плодов») – человек красив, но пуст.
82. 绣花枕头 (букв. «подушка с вышитыми цветами») – лишь внешне кажущийся красивым, а на деле дрянь.
83. 削木为吏 (букв. «пусть тюремщик вырезан из дерева, и то лучше с ним не связываться») – о крайней жестокости тюремщика.
84. 薰莸不同器 (букв. «ароматные и вонючие травы не могут быть в одном сосуде») – добрые и плохие люди не должны находиться вместе.
85. 薰莸同器 (букв. «ароматные и вонючие травы хранятся в одном сосуде») – хорошие и плохие люди смешиваются вместе.
86. 杨梅暗开花 (букв. «ягоды восковницы красной цветут незаметно») – о хитрых людях, которые действуют тихо и незаметно, скрывая свои намерения.
87. 一薰一莸 (букв. «одна ароматная трава и одна вонючая трава») – когда добрые и злые люди смешиваются, злые затмевают добрых.
88. 与草木为腐 (букв. «становиться гнилью среди трав и деревьев») – стать бесполезным человеком.
89. 竹竿子节节空 (букв. «бамбуковый шест – каждое коленце пустое») – пустой человек.
90. 自说自好烂稻草 (букв. «если человек сам себя хвалит, то на самом деле он может быть таким же бесполезным, как гнилая солома») – самовосхваление.

**ПРИЛОЖЕНИЕ В. СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ РАСТЕНИЙ В
РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И
ПАРЕМИЙ**

Символическое осмысление растений	Растительные образы	Примеры фразеологизмов и паремий
части лица	арбуз, дыня, тыква, яблоко, маслина, мак	<i>голова как тыква; голова как дыня; глаза как маслины; глазное яблоко; расколоть арбуз; как маков цвет</i>
фигура	тростник, кипарис, пальма	<i>стройный как кипарис; стройный как пальма; тонкий как тростинка</i>
физическое состояние	овощ, лимон, огурчик	<i>вялый как овощ; выжатый лимон; как огурчик</i>
ассоциации со смертью	дуб, берёза, ель, сосна	<i>дать дуба; врезать (секануть) дуба; лечь под берёзки; положить под берёзки; угодить под ёлку; идти под сосну</i>
девушка, женщина	мак, горох, репа	<i>красная девка в хороводе, что маков цвет в огороде; горох в поле, да девка в доме – завидное дело: кто ни пройдёт – тот щипнёт; горох да репа в поле – вдова да девка в людях</i>
бесплодная женщина	смоковница	<i>бесплодная смоковница</i>
дети, потомки	плод, семя, яблоко, цветок	<i>от доброго дерева добрый и плод; каков корень, таково и семя; яблоко (яблочко) от яблони (от яблоньки) недалеко падает; дети – цветы жизни</i>
родители	яблоня, дуб, корень, дерево	<i>яблоко от яблоньки недалеко откатывается; каков дуб, таков и клин; каков батька, таков и сын; от доброго корня добрая и</i>

		<i>отрасль; от доброго дерева добрый и плод; каков корень, таково и семя</i>
деньги	капуста	<i>рубленая капуста; быть при капусте; варить капусту</i>
безвкусная пища	трава	<i>трава травой</i>
прекрасная, весёлая жизнь	роза, малина, цветок	<i>срывать, рвать розы жизни, блаженства; не жизнь, а малина; метаться на разные цветы</i>
трудности, неприятности	шишка ягодки, крапива	<i>все шишки валятся; это только цветочки, ягодки впереди; ожёгся, ровно на крапиве (или: на огне)</i>
результаты, труд	плод	<i>деревья смотри в плодах, а людей смотри в делах; корень ученья горек, да плод его сладок</i>
основа, сущность, происхождение	корень	<i>смотреть в корень, брать под (самый) корень, каков корень, таков и отпрыск</i>
ассоциации с наказанием	орех, перец, берёза	<i>берёзовая каша; берёзовая лапша; досталось на орехи; досталось / достанется на орехи; задавать перцу</i>
первенство, успехи, слава, почесть	лавр, пальма	<i>засыпать/заснуть на лаврах; увенчивать/увенчать лаврами; отдавать /отдать пальму</i>
индивид – коллектив	дерево – лес	<i>лес по дереву не плачет; лес по топорщику не плачет; одинокое дерево ветер валит</i>
любовь к влюблённому	ягодка, яблочко, огурчик	<i>красная моя ягодка; девица в терему, что яблочко в раю; голубчики – паровой огурчик; цветёт, цветёт, да и завянет</i>
крепкая дружба	лён	<i>лён не делён; лён поделён</i>
равнодушие, безразличие	трава, хрен	<i>хоть волк траву ешь; трын-трава; и в хрен не дуть</i>

ассоциации с испугом, страхом	осина, дуб	<i>дрожать как осиновый лист; встать дубом; волосы дубом (дубью) встали</i>
ассоциации с гневом, отвращением, отказом, недовольством	осина, редька, хрен, крапива	<i>с тобой водиться – что в крапиву садиться; чтоб тебя на осину; иди (пошёл) ты на хрен!; надоел, как горькая редька; к хренам собачьим</i>
недостаток ума, бестолковость	дуб, осина, берёза, ель, солома, мякина	<i>дубовая голова; балда осиновая; башка еловая; берёзовый пень; в голове солома; голова (гнилой) мякиной набита</i>
чужое, тайное, непонятное, недоступное	лес	<i>чужая душа – тёмный лес, чужая душа – потёмки; чужие люди – дремучий лес, чужая совесть – могила; как в тёмном лесу (быть, очутиться)</i>
недоумение	пень	<i>стоять (сидеть), как пень пнём; становить в пень</i>
красивая, яркая речь	цветок	<i>цветы красноречия</i>
обманчивость внешней красоты	цветок	<i>хорош цветок, да остёр шипок; вянет и красный цвет</i>
быстрая, непрерывная, бессвязная речь	горох	<i>сыпать горохом; с тобой надо говорить, гороху наевшись</i>
честность, стойкость, смелость	дуб, дерево, пестрец	<i>деревья умирают стоя; прямое дерево ветра не боится; смола к дубу не пристанет; стар пестрец, да уха сладка</i>
наркотические средства	трава	<i>нюхнуть траву; сидеть на траве</i>
умеренность, скромность, добродушие	трава, репа	<i>тише воды, ниже травы; травы не одерёт; мягче пареной репы</i>

навязчивость, назойливость	смола, лист, репейник, редька	<i>липнет как смола; как банный лист; пристал как репейник; хуже горькой редьки</i>
резкость, злобность	крапива, хрен	<i>жжётся, как крапива, а колетя, как ёж; хрен собачий</i>
скрытность	орех	<i>крепкий орешек; крепкий, твёрдый орех</i>
упрямство	дуб	<i>вставать / встать в дубы</i>
хрупкость	солома	<i>соломенная душа</i>
легкомысленность	камелия	<i>дама с камелиями</i>

**ПРИЛОЖЕНИЕ Г. СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ РАСТЕНИЙ В
КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И
ПАРЕМИЙ**

Символическое осмысление растений	Растительные образы	Примеры фразеологизмов и паремий
части лица	лотос, ива, чеснок, персик, цветок, вишня	莲花之面; 柳腰莲脸; 柳叶弯眉; 桃腮柳眼; 云鬓花颜; 樱唇欲动
красота женщины	цветок, лотос, цветы персика и сливы	如花似玉; 闭月羞花; 玉貌花容; 艳若桃李; 芙蓉出水
юность девушек	цветок, бутон	花季少女; 花样年华; 含苞欲放
слабость, худоба	сухое дерево, лист, цветок, овощ	形如槁木; 叶瘦花残; 人比黄花瘦; 菜蔬之色; 面有菜色
старость, закат жизни	тутовник, вяз	日薄桑榆; 桑榆暮景; 年迫桑榆
ассоциации со смертью	орхидея, османтус, абрикос, дерево	兰摧玉折; 椒焚桂折; 风冷杏坛; 泰山梁木
походка и манеры мужчины	сосна	松形鹤骨; 松姿柳态
походка и манеры женщины	лотос, ива, орхидея	步步莲花; 步步生莲; 分花约柳; 芳兰竞体
девушка, женщина	цветок	黄花闺女; 名花有主; 如花美眷; 一朵鲜花插在牛粪上
дети, потомки	плод, цветок, семя, арбуз, ветвь, лист	先花后果; 好花不结子; 碱地不出苗儿; 瓜瓞绵绵; 金枝玉叶; 琼枝玉叶
выдающиеся потомки	орхидея, османтус	桂子兰孙; 兰桂齐芳; 兰薰桂馥
тесная связь, отношения	ветвь, лист, плеть, корень, лоза	连枝带叶; 无根无蒂; 连枝同气; 瓜葛相连; 盘根错节

жизненные условия (бедность или богатство)	рис	米珠薪桂; 愁米愁盐; 柴米油盐; 粒米束薪; 米烂成仓; 十米九糠
индивид – коллектив	дерево – лес	独木不成林; 树不成林怕大风; 一 花难成春, 一木难成林
высокий статус	большое дерево	挨着大树不长苗; 树大招风
незначительные люди	трава	草莽出英雄; 草莽寒门; 草芥之微
безвкусная еда, бедная жизнь	трава, отруби, овощ	饭糗茹草; 餐风宿草; 糠一顿菜一 顿; 吃糠咽菜
скромное жилище	солома, тростник	茅椽蓬牖; 茅茨土阶; 茅室蓬户
непостоянная жизнь	мелколепестник, ряска	飘蓬断梗; 漂零蓬断; 萍踪浪迹
легкомысленные женщины, секс- работницы	цветок, ива, трава	败柳残花; 浮花浪蕊; 恋酒迷花; 眠花宿柳; 墙花路草; 野草闲花
ученик, воспитанник	деревья персика и сливы	春风桃李; 满城桃李; 桃李春风; 桃李满天下; 桃李门墙
незаконная страсть	персиковый цветок	桃花运; 桃色新闻; 桃色陷阱
результаты, достижения	плод, арбуз, боб, плод персика	开好花, 结好果; 没好果子吃; 自 食其果; 摘青果子; 种瓜得瓜, 种 豆得豆; 摘桃子
трудности, препятствия	терновник, колючка	天荆地棘; 披荆斩棘; 穿荆度棘
академический успех	османтус	蟾宫折桂; 攀蟾折桂; 月中折桂
любовь, влюблённость	красные бобы, пион	红豆相思; 牡丹花下死, 做鬼也风 流
привязанность к родной земле	лес, корень, тутовник, катальпа	人情怀旧乡, 客鸟思故林; 叶落归 根; 恭敬桑梓
крепкая дружба	орхидея, зелёная слива, сосна	青梅竹马; 竹马之好; 义结金兰; 金兰之谊; 金兰之友; 契若金兰; 指水盟松

беспокойство, переживание	ость, якорец, конопля, боб	背若 芒刺 ; 如 芒 在背; 屁股底下有 蒺藜 ; 愁绪如 麻 ; 心乱如 麻 ; 意乱如 麻 ; 心里炒 豆子
равнодушие, пренебрежение	трава, дерево	如弃 草芥 ; 视如 草芥 ; 心如 木石 ; 木心石腹 ; 木人石心 ; 枯木死灰
грусть разлуки	ива	杨柳依依
недостаток ума, бестолковость	дерево	蠢若 木鸡 ; 榆木疙瘩 ; 榆木脑袋 ; 泥塑木雕 ; 木头木脑
непонятное, скрытое, ассоциации с недоумением	тыква-горлянка	吃了一个闷 葫芦 ; 打闷 葫芦 ; 闹不清 葫芦 里装的什么药; 装进闷 葫芦
красивая, яркая речь	лотос, цветок	口吐 莲花 ; 满舌生 花 ; 生 花 妙语
литературный талант, каллиграфическое мастерство	цветок, трава	梦笔生 花 ; 妙笔生 花 ; 生 花 妙笔; 文如 春华 ; 竹管开花; 笔下生 花 ; 粲 花 之论; 惊蛇入 草
красивая, но ложная речь	цветок	花说柳说 ; 花 甜蜜就; 花言巧语 ; 天花乱坠
лишние детали в речи	лист, ветвь, лоза	胡枝扯叶 ; 枝词蔓说 ; 枝儿上添叶儿
быстрая, непрерывная речь	боб, арбуз	竹筒倒 豆子 ; 滚瓜流水; 滚瓜烂熟
стойкость, неизменность, упорство	сосна, кипарис, слива-мэй, трава, имбирь	松柏后凋 ; 松柏 之志; 岁寒 松柏 ; 不经一番寒彻骨, 怎得 梅花 朴鼻香; 疾风劲 草 ; 姜 桂之性, 到老愈辣; 姜 是老的辣
высокие нравственные качества	орхидея, османтус, хризантема, бамбук	蕙心兰质 ; 空谷幽 兰 ; 桂林 一枝; 寒花 晚节; 黄花 晚节; 人淡如 菊 ; 可使食无肉, 不可居无 竹 ; 竹死 不变节, 花落有余香
честь, достоинство	кора дерева	人怕没脸, 树 怕没皮; 人活脸, 树 活皮; 树 怕剥皮, 人怕揭短

честность, искренность	прямое дерево	树正不怕月影斜; 树要直, 人要实
неисправимость, бесполезность, безнадёжность	гнилое дерево, вонючая трава	朽木粪墙; 朽木粪土; 朽木难成器; 朽木之材; 薰莸同器
поверхность, бессодержательность	бамбук, редька, трава	竹竿子节节空; 空心萝卜; 草腹菜 肠
неустойчивость, приспособленчество	трава, вата	墙头草; 墙头草, 两边倒; 水随大 流草随风; 棉花耳朵风车心
легкомысленность, непостоянство	трава, ива, цвет тополя	花娇柳弹; 柳圣花神; 风里杨花; 风里杨花滚上滚下